

ISSN 2500-3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 10 2025 (ОКТАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

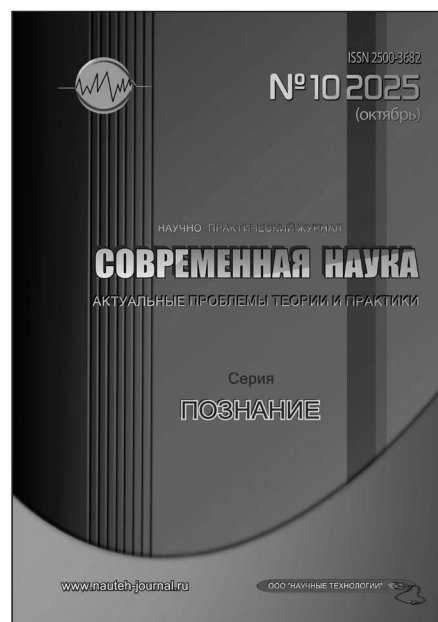
Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 10.10.2025 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

Серия: Познание №10 (октябрь) 2025 г

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филос.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филос.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филос.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филос.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филос.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филос.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филос.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филос.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

Культурология

Енчинов Э.В. – Семья и брак: о благоприятных и неблагоприятных днях для заключения брака в алтайской культуре
Enchinov E. – Family and marriage: on favourable and unfavourable days for marriage in altai culture. 5

Кириллова Н.Б. – Роль государственной медиаполитики в развитии этнонационального согласия и диалога культур
Kirillova N. – The role of state media policy in the development of ethno-national consensus and cultural dialogue. 8

Петрухина А.С., Трофимова О.Б. – Формирование устойчивой модели предметной идентичности России как фактор укрепления национального единства и государственного суверенитета
Petrukhina A., Trofimova O. – Formation of a stable model of Russia's substantive identity as a factor in strengthening national unity and state sovereignty. 13

Рылина Е.О. – Методика использования сот в портретной фотографии: подчеркивание силуэта, создание глубины и затемнение фона
Rylina E. – Honeycomb grids methodology in portrait photography: silhouette enhancement, depth creation and background darkening. 18

Скопа В.А., Кисатова С.Т. – Аксиологическая матрица казахского социума в эпоху глобальных трансформаций (культурологический подход)
Skopa V., Kisatova S. – Axiological matrix of Kazakh society in the era of global transformations (cultural approach). 22

Таран А.О. – История формирования уличных направлений танца
Taran A. – The history of the formation of street dance trends. 27

Тельтевский И.А. – Кинематографическая интерпретация исторической эпохи: художественные средства и сюжетно-образные решения Эйзенштейна
Teltevskii I. – Cinematographic interpretation of the historical era: Eisenstein's artistic means and plot-image solutions. 31

Психология

Алехин А.Н., Исагулова Е.Ю. – Оценка эффективности различных видов психотерапии при работе с пограничным расстройством личности
Alekhin A., Isagulova E. – Evaluating the effectiveness of different types of psychotherapy in working with borderline personality disorder. 36

Алиева Н.И. – Пупилометрия, как психофизиологический метод оценки сформированности импрессивной речи у детей четырех – семи лет с задержками речевого развития (материалы практического исследования)
Aliyeva N. – Pupillometry as a psychophysiological method for assessing the development of impressive speech in children aged four to seven years with delayed speech development (materials of practical research) 44

Бурикова И.С. – Психологические аспекты партстроительства и выход на двухпартийную систему в РФ
Burikova I. – Psychological Aspects of Party Building and the Transition to a Two-Party System in the Russian Federation 48

Вертягина Е.А. – Профессиональный стресс юриконсультанта: причины, последствия и стратегии преодоления
Vertyagina E. – Professional stress of a legal adviser: causes, consequences, and coping strategies 55

Леденцова С.Л., Мирзазаде Р.Ш. – Особенности телесного образа “Я” при сексуальных нарушениях
Ledentsova S., Mirzazade R. – Features of body image “I” in sexual disorders. 59

Мычко Е.И., Ткаченко С.В. – Структурные компоненты конкурентного взаимодействия студентов колледжа в условиях конкурсной деятельности <i>Mychko E., Tkachenko S.</i> – Framework of competitive interaction among college students within contest settings.....	68
Попова Ю.И., Петьков В.А., Демченко Н.Ю., Булах К.В., Кудина Я.В. – Супервизия как универсальный подход к раскрытию психологических феноменов <i>Popova J., Petkov V., Demchenko N., Bulakh K., Kudina Ya.</i> – Supervision as a universal approach to the disclosure of psychological phenomena.....	72
Фролова Н.В., Агавелян О.К. – О потенциале лечебной верховой езды – иппотерапии – как инструменте для социальной реабилитации детей и подростков <i>Frolova N., Agavelyan O.</i> – On the potential of therapeutic horse riding – hippotherapy – as a tool for the social rehabilitation of children and adolescents	76
Чесноков М.С. – Актуальность проблемы форм и способов взаимодействия детского хирурга и пациента <i>Chesnokof M.</i> – The relevance of the problem of forms and methods of interaction between a pediatric surgeon and a patient.....	80

Философия

Александрова О.С. – Метафизические основания концепции коммуникативных систем Н. Лумана в связи с подходом к информационным войнам С.П. Расторгуева <i>Alexandrova O.</i> – Metaphysical foundations of the concept of communication systems by N. Luhmann in connection with the approach to information wars by S.P. Rastorguev.....	85
Стожко Д.К., Стожко Н.Ю. – Проблема формирования совести: теоретико-методологические аспекты <i>Stozhko D., Stozhko N.</i> – The problem of conscience formation: theoretical and methodological aspects	91

Информация

Наши авторы. Our Authors.....	96
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале	97

СЕМЬЯ И БРАК: О БЛАГОПРИЯТНЫХ И НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ДНЯХ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА В АЛТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

FAMILY AND MARRIAGE: ON FAVOURABLE AND UNFAVOURABLE DAYS FOR MARRIAGE IN ALTAI CULTURE

E. Enchinov

Summary: The article deals with the traditions and customs of the Altai people related to the choice of the wedding day. The day of marriage is an important event for the newlyweds and their relatives. The choice of wedding date in the Altai culture is not a random day. The wedding day should correspond to a favourable day, which is determined by the lunar calendar. The month is divided into two periods favourable and unfavourable, the waxing phase of the moon is considered favourable, the waning phase unfavourable. When organising a wedding, the economic employment of the population of the region, fatness of livestock and abundance of food are taken into account. June, July, August, September, October are considered to be the most preferable months for weddings.

Keywords: Altaians, ethnography, traditions, custom, family, marriage, a sign, wedding day.

Енчинов Эркин Валериевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова» (г. Горно-Алтайск)
enchinov_e@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются традиции и обычаи алтайцев, связанные с выбором дня свадьбы. День заключения брака важное событие для новобрачных и их родственников. Выбор даты свадьбы в алтайской культуре не случайный день. День свадьбы должен соответствовать благоприятному дню, который определяется по лунному календарю. Месяц делится на два периода благоприятный и неблагоприятный, растущая фаза луны считается благоприятной, убывающая фаза неблагоприятной. Во время организации свадьбы учитываются хозяйственная занятость населения региона, упитанность скота и обилие пищи. Наиболее предпочтительными месяцами свадьбы считаются июнь, июль, август, сентябрь, октябрь.

Ключевые слова: Алтайцы, этнография, традиции, обычаи, семья, брак, день свадьбы.

День заключения супружеского союза важный культурный и правовой акт в жизни каждой молодой семьи, особенно в обществах и культурах с сильной ориентацией к своим культурно-историческим корням. Так как в таких культурах индивидуальное начало всегда тесно переплетено с родовым. В таких условиях заключение брака между молодыми по сути является началом диалога и экономических, хозяйственных взаимоотношений двух родов на пожизненной основе.

Семейно-родовую организацию алтайцев исследователи изучали на протяжении более двух веков. В XIX в. семья и брак попадают в поле зрения таких исследователей как Г.И. Спасский, М.А. Невский, В.И. Вербицкий, В.В. Радлов, С.П. Швецова и др., которые подробно описали семейную организацию алтайцев, в т.ч. и процедуру заключения брака. В советское время институт семьи и брака, трансформационные процессы в семейной организации алтайцев исследовали С.А. Токарев, Н.П. Дыренкова, Л.П. Потапов, Е.М. Тоцакова, Н.И. Шатинова и др. В конце XX – начале XXI вв. тема семьи и брака не потеряли своей актуальности, выходят работы Н.А. Тадиной, С.П. Тюхтеневой, Н.О. Тадышевой, Э.В. Енчинова и др.

Несмотря на хорошую степень изученности традиционной алтайской семейной организации все еще есть много сфер и категорий культуры, имеющих прямое отношение к семье и браку и требующих научного

описания и анализа. Одной из таких категорий является народный лунный календарь, являющийся основным ориентиром при назначении дня свадебного торжества, как и всех ритуалов семейно-брачного цикла в алтайской культуре.

Луна или «Ай» на алтайском языке имеет несколько значений, в одном значении она буквально означает спутник Земли, в другом обозначает календарный месяц [2, 2018: 33]. Исчисление времени по лунным фазам называют «айдын дьанызын ла эскизин кёрёр» (букв. луны новое и старое смотреть).

Лунный месяц делится на две фазы по 15 дней, новая луна айдын дьанызы и старая луна айдын эскизи, которые в свою очередь также делятся на более мелкие фазы. При первой фазе считают каждый день, при этом, добавляя, что это новая луна – бир айдын дьанызы (букв. первый [день] нового месяца), эки айдын дьанызы (букв. второй [день] нового месяца) и так до полнолуния ак толуну на 14–15 день. Дни новой луны от третьего до пятнадцатого считаются благоприятными для спрашивания благодати, заключения супружеского союза, какого-либо нового начинания, торжества и т.п. 15–16 день новолуния называют полнолунием ак толуну, после чего начинается вторая фаза, старение луны. При второй фазе обратный отсчет не ведут, объясняя это тем, что при убывании, месяц считать нельзя, так как это может

привести к какой-нибудь убыли в семье или в роду. В это время не проводят обычаев и действий, связанных с обрядами и ритуалами семейно-брачного цикла, с социализацией подрастающего поколения, не совершают молений и ритуалов сакрально-религиозного характера. Считается, что в основание проведения обычаев, правовых действий, экономических проектов закладывается «скверна» убывающей луны, обрекая действие на неудачу. Такой отрезок времени до предпоследнего дня месяца называют *айдын эскизи*, последний день месяца именуют скверной луны айдын аразы [3, 2006: 72; 4, 2020: 260; 1, 2025: 298–299].

Современная алтайская брачная обрядность состоит из ряда этапов, сочетающих в себе как нормы обычного права, так и этики: это ухаживание, получение согласия на сватовство / брак, ритуальное умыкание, сватовство, *шаалта*-калым, свадьба и послесвадебные поездки, гостевание. Все перечисленные этапы учитывают фазы луны, кульминацией брачного церемониала является свадебное торжество.

Так исходя из последовательности после того, как девушка согласится на брак, молодые сговариваются, когда и какого числа произойдет ее ритуальное умыкание. Главным условием является растущая фаза луны, т.к. после ритуального умыкания уже на следующее утро сваты отправляются к родителям невесты с визитом примирения. После получения согласия от родителей девушки объявляется сватовство, которое в идеале должно пройти в этот же цикл новолуния. По итогам сватовства родителями брачующихся определяется дата свадебного торжества, которая в обязательном порядке приходится на один из дней после третьего дня новолуния и до наступления полнолуния. По тем или иным причинам свадьба может откладываться до года, например, у одной из сторон умер близкий родственник или же кто-то из родных братьев, сестер играют в этом году свадьбу, реализуются проекты, требующие крупных финансовых вложений и т.д.

Среди коренных жителей Республики Алтай бытует строгое стремление соответствовать традиционной модели выбора дня бракосочетания. Так результаты полевых изысканий, состоявшихся в районах Республики Алтай (Усть-Канский, Онгудайский, Шебалинский, г. Горно-Алтайск) в конце 2024 – начале 2025 гг., где одним из вопросов был посвящен дате свадьбы, подтверждают высокую сохранность обычая определения даты торжества по лунному календарю. Всего по четырем муниципалитетам было проведено 20 экспертных интервью. Эксперты единодушно согласились с утверждением, что «Фазы луны являются определяющими при выборе дня свадьбы». На вопрос «Какой именно день лучше всего выбрать для свадебного торжества?», опять же все эксперты не указали конкретные числа, отмечая, что подходящим днем может быть любой день начиная с третьего

дня новолуния до наступления полнолуния, но при этом обратили внимание, что лучше всего выбирать четные дни. Свои доводы они подкрепили суждениями о традиционных представлениях коренных народов региона, относительно парности / четности всего живого на Земле. Информанты определили, что семья – это всегда союз мужчины и женщины (т.е. пара) с целью рождения детей и продолжения рода. Поэтому четное число на растущую фазу луны будет способствовать многодетности и процветанию молодой семьи [5].

По предпочтениям населения региона по выбору месяцев для заключения брака наиболее востребованными являются летние и осенние месяцы с июня по октябрь. Пиковое значение по количеству заключенных браков приходится на июль и август. Например, в августе 2024 г. в регионе было зарегистрировано 224 брачных союза, наименьший показатель приходился на май 71 союз [6].

В традиционной алтайской культуре календарный год разделен на два периода холодный и теплый [1, 2025: 72]. Первый примерно соответствует времени с ноября по начало апреля, когда замерзают и оттаивают реки, включает весь зимний период, это время монотонной хозяйственной деятельности по содержанию скота, заготовке дров и т.д. Второй период длится с середины апреля до конца октября, хотя на это время и приходятся значительные сельскохозяйственные работы, но теплое время располагает к реализации многих обрядов жизненного цикла, в т.ч. к созданию брачных союзов. Согласно статистическим данным за уже упомянутый 2024 год в Республике Алтай было заключено 1584 брака, при этом в теплое время года (апрель-октябрь) отношение оформили 904 пары (57 %), а за холодное время (январь-март, ноябрь-декабрь) только 680 пар (42,9 %) [6].

Таким образом, коренные жители Республики Алтай на начало XXI в. продолжают сохранять и придерживаться традиционных представлений о «качестве» времени, которое определяется фазами лунных циклов. Растущая фаза луны соответствует благоприятному времени, убывающая фаза неблагоприятному. Представления о качестве времени в полной мере отражаются на выборе дня бракосочетания, при этом речь не идет о конкретном числе, как правило благоприятными считается целый промежуток времени, начиная с третьего дня новолуния до полнолуния, что соответствует периоду в 13 дней. По мировоззренческим представлениям алтайцев растущая фаза луны закладывает в основание всего, что происходит в жизни человека, социума положительное начало, убывающая луна, наоборот, закладывает отрицательное начало. Наиболее популярными месяцами для заключения брака являются июнь, июль, август, сентябрь и октябрь, что подтверждается соответствующими статистическими данными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтайский этнографический словарь / Редколлегия: Н.В. Екеев (отв. ред.), Э.В. Енчинов (науч. ред.), С.В. Абысова, Д.А. Аткунова, М.С. Дедина, С.Д. Дилекова, Т.В. Метреева, Э.Г. Торушев, А.Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». – Горно-Алтайск, 2025. – 372 с.
2. Алтайско-русский словарь / редколл.: канд. филол. наук А.Э. Чумакаев (отв. ред.), канд. ист. наук Н.В. Екеев, канд. филол. наук А.Н. Майзина, К.К. Пиантинова, Н.Н. Тыдыкова, канд. филол. наук Е.В. Тюнтешева; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». – Горно-Алтайск: Изд-во «ИП Ипатова Л. М.», 2018. – 936 с.
3. Енчинов Э.В. Луна в обычном праве алтайцев // Вопросы изучения истории и культуры народов центральной Азии и сопредельных регионов. – Кызыл: Изд-во «Тувинское книжное издательство», 2006. – С. 72–83.
4. Енчинов Э.В. Традиционный календарь алтайцев в начале XXI в. // Reosiahag. – Vol. 20. – 2020. – С. 249–282.
5. Полевые материалы автора [ПМА], собранные в Республике Алтай в МО «Усть-Канский район», МО «Онгудайский район», МО «Шебалинский район», г. Горно-Алтайск в декабре 2024 г., январе-феврале 2025 г.
6. Статистика за 2024 год. Сайт Министерства юстиций Республики Алтай. – URL: https://minjust.04gov.ru/statistika/zags/total_2024/ (дата обращения: 20.05.2025).

© Енчинов Эркин Валериевич (enchinov_e@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МЕДИАПОЛИТИКИ В РАЗВИТИИ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ И ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Кириллова Наталья Борисовна

д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
urfo@bk.ru

THE ROLE OF STATE MEDIA POLICY IN THE DEVELOPMENT OF ETHNO-NATIONAL CONSENSUS AND CULTURAL DIALOGUE

N. Kirillova

Summary: The object of research in the article is the role of state media policy in the development of ethno-national consensus and cultural dialogue. In the context of the difficult geopolitical situation in the world, this issue is particularly relevant. The author sees its solution not only in strengthening the legislative framework, but also in increasing the effectiveness of the media and socio-cultural sphere as a powerful lever for the spiritual development of individuals and the consolidation of society.

Keywords: ethnic culture, media culture, media policy, Russian legislation, ethnic media, and cultural dialogue.

Аннотация: Объект исследования в статье – роль государственной медиаполитики в развитии этнонационального согласия и диалога культур. В условиях непростой геополитической ситуации в мире этот вопрос является особенно актуальным. Его решение автор видит не только в укреплении законодательной базы, но и в повышении эффективности медийной и социально-культурной сферы как мощного рычага духовного развития личности и консолидации общества.

Ключевые слова: этническая культура, медиакультура, медиаполитика, российское законодательство, этнические медиа, культурный диалог.

Введение

В условиях полиэтнической структуры российского общества вопросы укрепления государственного единства и целостности России, сохранения ее языкового и культурного многообразия, а также создания гармоничной межкультурной медийной среды являются важными и актуальными. Особая роль в этом вопросе принадлежит медиаполитике как эффективному ресурсу влияния на межнациональные отношения, как своеобразному гаранту сохранения этнокультурного плюрализма в многонациональном российском обществе [12]. Не случайно первым Законом в постсоветской России, принятым сразу после развала СССР, стал Закон РФ «О средствах массовой информации» [2]. Основные тезисы этого Закона, которые вошли в статью 29 Конституции РФ, констатируют:

1. Каждому гарантируется свобода мыслей и слова.
2. Не допускается пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду.
3. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.
4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень

сведений, составляющий государственную тайну, определяется федеральным законом.

5. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается [1,2].

Следует отметить, что, согласно статье 68 Конституции РФ, «всем народам страны гарантируется право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» [1]. А статья 26 гласит, что «каждый гражданин имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» [Там же]. В содержании 69 статьи Конституции РФ гарантируются «права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации» [Там же].

Указанные правовые документы повлияли на дальнейшее развитие законодательной базы в вопросах этнонационального единства российского общества и активизировали создание и деятельность этнических средств массовой коммуникации, подтверждая тезис о том, что медиа являются важным компонентом государственной стратегии в области поддержки и сохранения культуры малочисленных народов России, укрепления их духовной общности, упрочения связей между представителями разных этнических групп.

Векторы взаимодействия государственной национальной и медийной политики

Изучение ключевых Законопроектов, Постановлений, Указов в области национальной и медийной политики позволяет в совокупности проанализировать реализуемые государственные программы и оценить их вклад в сохранение языкового и социокультурного плюрализма в российском обществе.

В числе основных документов, закрепляющих одну из главных целей национальной и медиаполитики государства, – поддерживать языки и культуры этнических формирований, а также способствовать развитию СМК на языках этих этнических групп, следует назвать не только указанный Закон о СМИ и Конституцию РФ, но и Федеральные законы «О языках народов Российской Федерации» от 25.10.1991 [3] и «О национально-культурной автономии» от 17.06.1996 [4].

Права малочисленных народов Российской Федерации на сохранение и активное использование родных языков были закреплены не только в Конституции РФ, но и в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 [5], где отдельно упоминалось также, что малочисленные народы имеют право создавать собственные средства массовой информации [Там же]. А в Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 года, подчеркивается, что все граждане Российской Федерации, вне зависимости от их территории проживания, имеют право учреждать в установленном порядке Всероссийские, региональные и корпоративные СМИ, получать и распространять в них информацию на родном языке [8]. Об этом же свидетельствует и упомянутый Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» (1991), который освещает ключевые направления защиты языков на территории страны, включающие *социальную защиту* (проведение научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов Российской Федерации на территории страны), *экономическую защиту* (целевое бюджетное и иное финансовое обеспечение государственных и научных программ сохранения и развития языков народов Российской Федерации, проведение в этих целях льготной налоговой политики) и *юридическую поддержку*: обеспечение ответственности юридических и физических лиц за нарушение законодательства Российской Федерации о языках народов Российской Федерации [3].

Интерес представляет статья 20 Закона РФ «Язык средств массовой информации», где зафиксированы следующие положения:

1. Издание всероссийских газет и журналов, передачи Всероссийского телевидения и радиовещания

осуществляются на русском языке как государственном языке Российской Федерации. Однако всероссийские газеты и журналы могут также по усмотрению учредителей издаваться на иных языках.

2. В средствах массовой информации субъектов Российской Федерации используются русский язык, государственные языки республик, а также иные языки народов, проживающих на их территориях.

3. При переводе и дублировании кино- и видеопроизведений используются как государственный язык Российской Федерации, так и государственные языки республик и другие языки с учетом интересов населения.

4. Порядок использования языков в средствах массовой информации определяется законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [6].

Вопрос укрепления межэтнических взаимоотношений, предотвращения конфликтов на этнической и религиозной почве, а также создания гармоничной межкультурной среды отмечен как один из приоритетных в указанной Стратегии государственной национальной политики РФ [8]. Одной из ключевых задач государственной национальной политики стала поддержка создания тематических *радио- и телепередач, газетных и журнальных рубрик, интернет-проектов*, направленных на реализацию целей и задач государственной национальной политики Российской Федерации. Эта задача была обозначена и в ряде других официальных документов, в частности, в Постановлении Правительства РФ «О федеральной целевой программе “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)”» от 20.08.2013 [7]. В указанных документах отмечается важная роль медиа на языках народов России для сохранения этнокультурного и языкового многообразия страны, а также укрепления полиэтнической основы российского общества.

Отметим, что в условиях развития информационного общества значительная доля приходится на общественное производство, где существенно повышаются требования к уровню подготовки всех его участников. Вот почему в начале XXI века появилась государственная необходимость в развитии медиаобразования как направления, связанного с формированием медиакультуры личности и общества в условиях информационной эпохи. Цифровизация современной сферы культуры и образования, появление особой программной среды, использование сетевой системы, обеспечивающей новые условия работы специалистов всех уровней, применение медиатехнологий в социально-культурной деятельности, поставили перед государством проблему по пересмотру всей системы среднего и высшего образования и подготовки специалистов синтетического

профиля [9; 16]. В этой связи возникла необходимость контроля со стороны органов управления над созданием и развитием медийных ресурсов учреждений культуры и искусства, над созданием и размещением в сети Интернет электронных каталогов, отображающих историко-культурное наследие регионов и той или иной территории. Важнейшей проблемой остаётся повышение уровня правовой культуры населения, особенно молодежи [10; 12].

Отдельным направлением в вопросах повышения культуры потребления медиа среди населения является усиление контроля над потоком информации, включая фэйки, размещаемые в социальных сетях с целью дезинформации общества. Дело в том, что свобода мысли и слова, воспринимаемая зачастую молодежной аудиторией как вседозволенность, является деструктивной, способствуя разрушению культурных ценностей социума, и потому не может восприниматься как эквивалент демократии.

В силу исторических особенностей развития страны – и в эпоху СССР, и в постсоветский период, ряд субъектов Российской Федерации являются этническими образованиями: Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Республика Тыва, Саха-Якутия и др. Однако не всегда органы государственной власти и управления при реализации государственной медиаполитики учитывают особенности восприятия и передачи информации представителями этнических образований. Зачастую прослеживается проблема выпуска односторонних новостных и тематических сюжетов в информационных и культурных программах телевидения, не формирующих адекватного и полного отражения полиэтнической и поликультурной специфики разных регионов, проблем межэтнического и межконфессионального взаимодействия и диалога.

Вот почему эффективное обеспечение реализации государственной медиаполитики является важнейшим условием укрепления единства и духовной общности многонационального народа Российской Федерации. Не случайно приоритетным направлением государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Стратегии, утвержденной Указом Президента РФ, остается «информационное обеспечение реализации государственной национальной политики Российской Федерации» [8]. Это является актуальной задачей и медиаполитики Российской Федерации, что обусловлено реальным состоянием медиапространства, новыми вызовами и угрозами в сфере национальной безопасности России.

Что касается медиаресурсов для ведения данной работы, то их немало. Наиболее значима здесь экранная культура – кино-, теле- и видеофильмы, многие из которых являются продукцией ряда региональных студий.

Роль региональных экранных проектов в формировании диалога культур

Самой крупной национальной киностудией, созданной в 1924 году, является «Татаркино». В сфере ее деятельности фильмопроизводство, кинопрокат, организация фестивалей, форумов и творческих встреч, а также расширение культурного сотрудничества с другими регионами России и зарубежными странами.

Среди известных художественных фильмов «Татаркино» за последние годы выделяются: «Семейные хлопоты» Алексея Барыкина, «823-й километр» Амирхана Еники, «В мае сорок первого» Александра Далматова и др.

Наиболее известным проектом «Татаркино» является Казанский Международный фестиваль мусульманского кино, который проводится с 2005 года. Девиз фестиваля – «Через диалог культур – к культуре диалога». Особенностью «Татаркино» является и тот факт, что оно осуществляет свою деятельность с помощью трех официальных сайтов:

- «Татаркино» с информацией об общей деятельности и контактами» (www.tatarkino.ru);
- Сайт www.mfmk.com – освещающий работу фестиваля;
- Сайт Центра российской кинематографии – кинотеатра «Мир» (www.kinoteatr-mir.ru), который охватывает деятельность в столичном секторе фестиваля.

Не менее известна в стране и киностудия «Башкортостан», созданная в мае 1990 года с целью поддержки и развития национального кинематографа. Получив статус Государственного унитарного предприятия в 2006 году, студия помимо производства фильмов занимается и их прокатом. Первоначально она выпускала преимущественно документальное и научно-популярное кино об истории башкирского народа и его выдающихся деятелей. Большую помощь в кинопроизводстве оказали режиссеры Свердловской киностудии: Г. Шеваров («Дабудутся наши надежды»), И. Брызгалова («Деревенька моя»), Э. Давлетшина («Праздник со слезами на глазах»). Еще в 1994 году здесь началось производство анимационных фильмов, получивших награды на отечественных и международных кинофестивалях. Среди них: «Сад расходящихся тропок» (реж. В. Байрамгулов, И. Рязанов), «Первый полет», «Храброе сердце» и «Счастье» Р. Шарифудинова, «Паучок» А. Мичурина, «Колобок» и «Лев и заяц» Е. Юшковой и др. Начиная с 2001 года студия «Башкортостан» выпускает полнометражные художественные фильмы, лидерами которых стали картины «Долгое-долгое детство» (2005) Б. Юсупова по повести М. Карима, «Звуки курая над Сеной» – об участии башкир в войне с Наполеоном в 1812 году (реж. Н. Юржбаев, 2005), «Всадники Победы» о легендарной башкирской кавалерийской дивизии в году ВОВ (реж. А. Туйгунов, 2005). С 2007

года творческие работники «Башкортостана» приступили к созданию кинопроектов в цифровом формате.

С 2014 года по гранту главы Республики киностудия проводит Международный фестиваль национального и этнического кино «Серебряный акбузат», благодаря которому Уфа становится центром обмена опытом между российскими и зарубежными кинематографистами в вопросах сохранения национальной и этнической культуры. Среди самых перспективных режиссеров студии в последние годы выделяются фильмы режиссеров А. Аскарлова («Пусть ветер унесет мои слова», «Пилорама», «Из Уфы с любовью») и Р. Юлтаева («Три письма», «Внеклассный урок»).

В XXI веке набрала силу и стала известной не только в России, но и на международном уровне кинокомпания «Сахафильм», созданная Указом Президента Республики Саха (Якутия) 23 июня 1992 года. За 33 года своей работы кинокомпания «Сахафильм» сняла 173 фильма разных видов и жанров (анимационных, документальных, игровых, научно-популярных); получила 44 престижных награды на Всероссийских и Международных кинофестивалях. У истоков киностудии «Сахафильм» – творчество Алексея Романова, кинорежиссера, выпускника ВГИКа, который в 1986 году снял свою дипломную работу, посвященную Якутии, – «Мааппа» (Марфа), смонтированную на производственной базе Свердловской киностудии. Он же в 1990 году инициировал создание первой киностудии Ямала – ТО «Северфильм», в котором стал художественным руководителем. Кинокомпания «Сахафильм» в последнее десятилетие занимает ведущее место по кинопроизводству на Дальнем Востоке и входит в пятерку самых кинопроизводящих студий России.

Что касается одной из самых крупных в стране – Свердловской киностудии, созданной в 1943 году, то она обращается к национальной тематике практически с первых лет своего существования. Достаточно вспомнить тот факт, что здесь с 1948 года начинает работать, переехавший из Новосибирска режиссер Александр Литвинов – создатель советского этнографического кино. Еще в 1920-е – 1930-е годы он снял свои знаменитые документальные фильмы «Лесные люди», «В дебрях Уссурийского края», «Удэге», «Якутия», «Горный Алтай», «По дорогам Приморья» и др.

Одной из знаковых игровых картин Свердловской киностудии периода «оттепели» стала «Пора таежного подснежника» (1958) о гражданской войне в Бурятии. Это первая работа классика уральского кино Ярополка Лапшина, будущего постановщика знаменитых фильмов «Угрюм-река», «Приваловские миллионы» и «Демидовы». Яркими представителями этнокино на Урале стали Барас Халзанов, Анатолий Балуев, Алексей Федорченко.

Главная тема творчества Б. Халзанова, сценариста и

режиссера, – история и реалии родной Бурятии. Этой теме он посвятил свою дипломную работу – короткометражный фильм «Белая лошадь», поставленный в 1968 году на Свердловской киностудии по собственному сценарию (фильм стал призером I Международного фестиваля стран Азии, Африки и Латинской Америки в 1968 году). Ведущим в творчестве Халзанова был жанр исторической драмы, исследующий проблему национальной самобытности, исторических корней и культурной памяти разных народов, населяющих Россию. Этому посвящены фильмы: «Последний угон» (1968) ставший первой полнометражной работой Халзанова, «В ночь лунного затмения» (1978) по одноименной пьесе поэта Башкирии Мустая Карима (события фильма происходят в XVII веке), «Горький можжевельник» (1985), «Нет чужой земли» (1990), «60 беглецов» (1991) и др.

Для выполнения своей культурно-исторической миссии Б. Халзанов организовал на базе Свердловской киностудии Студию национальных кинофильмов России «ЗОВ». Это первый бурятский кинорежиссер, который работал в творческом тандеме с известными писателями и деятелями культуры Башкирии, Калмыкии, Татарстана, Эвенкии, Чукотки и Дальнего Востока. Последним фильмом Б. Халзанова стала экранизация книги чукотского писателя Юрия Рытхэу «Сон в летнюю ночь» (1993). Это не только драматическое, но и поэтическое повествование о столкновении разных цивилизаций, о дружбе и любви.

В историю творческих успехов Свердловской киностудии вошло и этнокино Анатолия Балуева – автора документальных и научно-популярных фильмов, таких как «Холм» (1990), «Мы были дымом» (1992), «Волны» (1994), «Тупитап» (1996), «Хор» (1999), «Быкобой» (2000), «Мам» (2004), «Звездная пыль» (2012), ставших призерами многих отечественных и международных кинофестивалей. Главная тема его фильмов – размышления об истории и судьбе своего народа. Этот народ – коми-пермяки, живущие в Коми-Пермятском округе, откуда родом был и сам автор. Тема малой родины – очень дорогая для режиссера, вот почему его работы плотно насыщены людьми, предметами, обычаями, житейскими ситуациями, пейзажами, метафорами, звуковыми образами. В них переплетается множество человеческих судеб и сюжетных линий – этот мир, созданный А. Балуевым, движется, пульсирует, переливается всеми красками. В его работах множество и «натурных» и художественных находок. Последняя работа А. Балуева «Звездная пыль» (2013) – о селе, где он родился и вырос, о его простых и трогательных жителях. Это философское размышление о любви и искусстве, о жизни и смерти.

Колорит национальной тематики есть и в творчестве самого известного режиссера современного отечественного кино – Алексея Федорченко. Его фильм «Овсянки» (2010), снятый по сценарию казанского писа-

теля Дениса Осокина, стал открытием 67 Венецианского кинофестиваля. Получив награды на многих отечественных и зарубежных фестивалях, фильм «Овсянки» стал в определенной степени эталоном элитного национального кино, как и следующая работы А. Федорченко «Небесные жены луговых мари» (2012). Вновь поставленная по сценарию Д. Осокина, картина посвящена суевериям и любви. Это «атмосферное» кино, в котором нет четкого сюжета, а есть подборка миниисторий из жизни девушек и женщин (их 25), которые живут в деревнях Республики Марий Эл.

«Ангелы революции» (2014) – это также полемическая картина, основанная на реальных фактах, действие которой происходит в 1934 году. На Севере СССР было неспокойно – хантыйские и ненецкие шаманы не хотели принимать новые культурные традиции. Чтобы примирить две культуры – культуру советского авангарда и древнее язычество, в обскую тайгу отправляется группа молодых художников: композитор, скульптор, театральные режиссер, архитектор-конструктивист, кинорежиссер и руководитель отряда – знаменитая Полина-Революция. И вновь на экране незаурядная работа, цель которой все та же – проанализировать проблемы актуальных поисков этнонационального согласия и диалога культур.

Выводы

Подводя итоги исследования, отметим следующее

1. Актуальным направлением государственной медиаполитики является Укрепление межнациональных отношений, защита языков и культур этнических групп России.
2. Важным условием укрепления единства и духовной общности многонационального народа Российской Федерации становится эффективное информационное обеспечение реализации государственной национальной политики.
3. В условиях дальнейшего развития гражданского (информационного) общества повышаются требования к уровню подготовки всех участников общественного производства. Вот почему особую актуальность приобретают вопросы медиаобразования, формирования правовой и медийной культуры общества.
4. Большую роль в вопросах развития этнонационального согласия и диалога культур играет массовая экранная культура (кино-, теле- и видеофильмы), в том числе и фильмы, созданные на региональных киностудиях, рассмотренных в данной работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации. Основной Закон. Принята 12.12.1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года).
2. О средствах массовой информации. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.07.2025).
3. О языках народов Российской Федерации. Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1.
4. О национально-культурной автономии. Закон РФ от 17.06.1996 № 74-ФЗ.
5. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации. Закон РФ от 30.04.1999 N 82-ФЗ
6. Язык средств массовой информации. Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1.
7. О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020)». Постановление Правительства РФ от 20.08.2013 г. № 718.
8. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666.
9. Информационная эпоха: новые парадигмы в культуре и образовании. Монография / О.Н. Астафьева, Л.Н. Зубанова, Н.Б. Кириллова, О.В. Шлыкова и др. Отв. ред. Н.Б. Кириллова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 292 с.
10. Информационное общество и молодежь: взаимодействие, консолидация, прогресс / Под ред. А.В. Грибцовой. Ханты-Мансийск, 2005. – 88 с.
11. Киностудия «Башкортостан имени Амира Абдразакова». URL: <https://kinorb.ru/>
12. Кириллова Н.Б. Медиаполитика государства в условиях социально-культурной модернизации. Уч. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 110 с.
13. Кириллова Н.Б. Уральское кино: время, судьбы, фильмы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 432 с.
14. «Сахафильм». Кинокомпания. URL: <https://sakhafilm.ru/>
15. «Татаркино». URL: <https://tatarkino.ru/>
16. Трансформация образовательных технологий гуманитарного профиля в условиях множественности культур и идентичности. Научно-методические материалы / О.Н. Астафьева, М.В. Губина, Н.Б. Иконникова и др. / Под ред. К.Э. Разлогова. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2008. – 400 с.

© Кириллова Наталья Борисовна (urfo@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОЙ МОДЕЛИ ПРЕДМЕТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Петрухина Альфия Сарваровна,
Председатель Союза промышленников
и предпринимателей «Иволга»
info@sppivolga.ru

Трофимова Ольга Борисовна,
Операционный директор, ООО «ТД «КУЛЬТУРА ДОМА»
cco@td-kd.ru

FORMATION OF A STABLE MODEL OF RUSSIA'S SUBSTANTIVE IDENTITY AS A FACTOR IN STRENGTHENING NATIONAL UNITY AND STATE SOVEREIGNTY

**A. Petrukhina
O. Trofimova**

Summary: The article is devoted to the study of the formation of a stable model of Russia's substantive identity as a mechanism for strengthening national unity and ensuring state sovereignty. The relevance of the topic is related to the increasing attention to cultural sovereignty and traditional spiritual and moral values, which are considered as the basis for the consolidation of society. The novelty of the work lies in the complex consideration of the material symbols of culture — state signs, architectural forms, memorable practices and mass cultural images — in their interaction with political and ideological attitudes. The study describes official strategies and initiatives aimed at preserving cultural continuity, examines the practice of consolidating traditional values in educational and cultural institutions, and examines examples of symbolic representation that affect the perception of national identity. Special attention is paid to the relationship of cultural policy with the idea of sovereignty and the perception of external threats. The work aims to show how material culture is transformed into an instrument of ideological consolidation. Methods of document analysis, comparison of sources, and interpretation of symbolic practices were used to solve these tasks. In conclusion, the prospects for the sustainability of the created identity model and its importance for the internal cohesion of society are described. The article will be useful for researchers in the field of political science, cultural studies and social philosophy.

Keywords: national unity, state sovereignty, subject identity, cultural policy, traditional values, symbols, historical memory, cultural sovereignty, state ideology, social consolidation.

Аннотация: Статья посвящена исследованию формирования устойчивой модели предметной идентичности России как механизма укрепления национального единства и обеспечения государственного суверенитета. Актуальность темы связана с возрастающим вниманием к культурному суверенитету и традиционным духовно-нравственным ценностям, которые рассматриваются как основа консолидации общества. Новизна работы заключается в комплексном рассмотрении материальных символов культуры — государственных знаков, архитектурных форм, памятных практик и массовых культурных образов — в их взаимодействии с политическими и идеологическими установками. В рамках исследования описаны официальные стратегии и инициативы, направленные на сохранение культурной преемственности, изучены практики закрепления традиционных ценностей в образовательных и культурных институтах, рассмотрены примеры символической репрезентации, влияющие на восприятие национальной идентичности. Особое внимание уделено взаимосвязи культурной политики с идеей суверенитета и восприятием внешних угроз. Работа ставит целью показать, каким образом материальная культура трансформируется в инструмент идеологической консолидации. Для решения поставленных задач использованы методы анализа документов, сопоставления источников и интерпретации символических практик. В заключении описываются перспективы устойчивости создаваемой модели идентичности и её значение для внутренней сплочённости общества. Статья будет полезна исследователям в области политологии, культурологии и социальной философии.

Ключевые слова: национальное единство, государственный суверенитет, предметная идентичность, культурная политика, традиционные ценности, символы, историческая память, культурный суверенитет, государственная идеология, общественная консолидация.

Введение

Современная Россия, обладающая богатым многонациональным наследием, ставит перед собой задачу укрепления национального единства и суверенитета в условиях внешних и внутренних вызовов. Одним из ключевых аспектов этой задачи является фор-

мирование устойчивой модели предметной идентичности – совокупности материальных образцов культуры, символов и ценностей, которая была бы разделяема большинством граждан и ассоциировалась с российским государством. Актуальность темы обусловлена тем, что в последние годы государственная политика прямо обращается к вопросам культурного суверенитета и тра-

диционных ценностей как основе общественной консолидации. Цель настоящей статьи – исследовать, как создание и поддержание единой материально-культурной идентичности (в искусстве, дизайне, массовой культуре, символике) способствует укреплению национального единства и государственной устойчивости России. Для достижения цели предполагается решить следующие задачи:

1. проанализировать государственные инициативы по сохранению и продвижению традиционных духовно-нравственных ценностей;
2. выявить роль материальных символов (герб, флаг, памятники, архитектура, товары национальных брендов) в формировании общероссийской идентичности;
3. оценить влияние культурной политики на восприятие суверенитета и единства среди населения.

Методы и материалы

Для написания статьи использован широкий круг источников, что позволило сопоставить государственные документы, аналитические публикации и научные исследования, касающиеся предметной идентичности и культурного суверенитета. В.И. Жуков [1] рассмотрел проблему образовательного суверенитета России и его нормативно-правовое закрепление, что дало возможность сопоставить культурные и образовательные механизмы укрепления идентичности. М.М. Мчедлова [2] исследовала цивилизационную специфику российской идентичности и её влияние на государственную политику, что позволило выявить ценностные основания консолидации. О.П. Неретин [3] проанализировал интеллектуальный суверенитет в экономике, показав взаимосвязь экономических и культурных параметров в обеспечении независимости. В.В. Николина, А.А. Лощилова, С.В. Фролова и С.И. Аксёнов [4] акцентировали внимание на формировании гражданской идентичности и культурной памяти среди молодёжи, что позволило рассмотреть практики внедрения идентичности в образовательной среде. Е. Buchanan [5] дала оценку стратегии национальной безопасности России 2021 года, выявив культурные приоритеты в системе обеспечения суверенитета. Е. Karimi Riabi и G. Saberi [6] описали возрождение культурной идентичности в российской политике, что позволило сопоставить внутренние процессы с внешней их интерпретацией. А. Колесников [7] показал, как национализм трансформируется в элемент государственной идеологии, раскрыв эклектичный характер современной модели идентичности. Ф. Prina [8] исследовала нарративы культурного суверенитета и их влияние на восприятие национального единства.

Для достижения поставленных целей применялся сравнительный метод, анализ нормативных документов, интерпретация материалов и аналитическая рекон-

струкция дискурсивных практик. Такой подход позволил выявить, каким образом предметные символы и культурные коды интегрируются в систему государственной идеологии. В заключение можно отметить, что сочетание источников разного характера и применение междисциплинарного анализа обеспечили целостное рассмотрение исследуемой проблемы.

Результаты

В последние пять лет в России сформировался новый идеологический дискурс, который акцентирует значение традиционных ценностей и культурного суверенитета для национальной безопасности и единства. В частности, в 2022 году официально утверждены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», задающие нормативный каркас для культурной сферы [1,8]. Согласно исследованию Ф. Прины (2024), российская политическая элита продвигает нарратив, согласно которому российские культурные нормы и ценности подвергаются атаке извне, и ответом на это должна стать консолидация общества вокруг идеи культурного суверенитета [8]. Традиционные духовно-нравственные ценности (семья, патриотизм, историческая память, религиозность и др.) объявляются скрепами национального единства. Анализ официальных документов и речей В.В. Путина (2012–2023 гг.) показывает три взаимосвязанных тезиса: (а) внешние силы пытаются размыть российскую идентичность, искажая историю и культурные кодексы; (б) Россия должна противостоять этому через укрепление культурного суверенитета, опираясь на свои традиционные ценности; (с) народ России объединён этими общими ценностями и поэтому способен дать отпор угрозам [4,8]. Данные положения легли в основу обновлённой Стратегии национальной безопасности РФ (2021), в которой прямо говорится о необходимости защиты культурной самобытности, исторической правды и духовных ценностей народа как о приоритетах обеспечения безопасности [5]. Эксперты отмечают, что новая редакция Стратегии стала своего рода «манифестом культурного консерватизма», вводя понятие «культурного суверенитета» и провозглашая противостояние размыванию традиционных ценностей одним из направлений политики [5,6].

Формирование устойчивой модели предметной идентичности проявляется через конкретные инициативы и символы. Так, начиная с 2020 года в общественном дискурсе и образовании усилилось внимание к отечественной истории и культурным достижениям: введены новые учебные курсы («Основы российской государственности»), обновлены школьные учебники истории с позиций героизации прошлого, учреждаются памятные даты и проводятся масштабные историко-патриотические мероприятия [2,7]. Важную роль играют государ-

ственные символы – флаг, герб, гимн – и их публичное использование. В 2022–2023 гг. в российских школах введена церемония еженедельного поднятия государственного флага и исполнения гимна, что направлено на воспитание чувства общности у подрастающего поколения. Аналитики отмечают, что символическая акция с установлением в Санкт-Петербурге гигантских флажтоков с имперским, советским и нынешним российским флагами – явный жест, объединяющий разные исторические этапы России в единое панно национальной гордости [7]. Такая визуализация преемственности – от Российской империи через СССР к современной РФ – создаёт у граждан представление о континуальности и величии российской государственности. Кроме того, предпринимаются усилия по закреплению в массовой культуре образов и героев, воплощающих традиционные ценности и патриотизм. Примером служит масштабное празднование 75-летия Победы, создание новых кинолент и сериалов о исторических событиях, продвижение фигур национальных героев (полководцев, учёных, первооткрывателей) в медиа. Всё это направлено на формирование общего культурного поля, в котором граждане разных возрастов и этнических групп разделяют схожий набор символов и ориентиров.

Важно отметить, что в официальной риторике укрепление национального единства через ценности увязывается с понятием суверенитета. Традиционные ценности преподносятся не только как основа идентичности, но и как идеологический «щит» от внешнего влияния. В декабре 2023 года президентским указом прямо было зафиксировано, что идеологическая платформа государства зиждется на «традиционных духовно-нравственных ценностях». Эксперты расценивают это как попытку обосновать суверенитет через культуру, противопоставив «духовный суверенитет» России предполагаемой моральной деградации «коллективного Запада» [3,5]. В данном контексте понятие суверенитета расширяется – это уже не только политико-правовая независимость государства, но и способность общества самостоятельно определять нормы жизни, опираясь на свою культуру. Тем самым культурная идентичность объявляется стратегическим ресурсом государства. Как отмечает аналитик А. Колесников, современная российская идеология эклектично сочетает империалистический национализм с риторикой исключительного пути России, апеллируя к идее особого «русского кода» или «духовной скрепы» [7]. Эта идеология стремится черпать силу в прошлом – в наследии православия, советского опыта, побед в войнах – для конструирования нынешней модели национального самоощущения. Подобный подход формирует у общества представление, что верность традиционным ценностям равнозначна верности Родине, и, следовательно, объединение вокруг них – патриотический долг каждого гражданина.

Обсуждение

Полученные результаты свидетельствуют о том, что предметная (материальная) идентичность России целенаправленно выстраивается как инструмент укрепления нации и защиты суверенитета. Государственная политика последних лет характеризуется возвратом к идее «духовных скреп» – базовых ценностей, якобы присущих российскому обществу испокон веков и отличающих его от иных культур. Обсуждение показывает, что с научной точки зрения подобная концепция носит во многом конструктивистский характер: власть не столько фиксирует имеющийся консенсус ценностей, сколько конструирует его через пропаганду и институты. Тем не менее, практический эффект таких усилий уже проявляется. Опираясь на исторические нарративы и символы, государство стремится преодолеть внутренние разделения – этнические, конфессиональные, идеологические – предлагая единую рамку идентичности. Например, обращение к Победе в Великой Отечественной войне и её материальным символам (мемориалы, георгиевская лента, образ «народа-победителя») оказалось одним из самых мощных объединяющих дискурсов в российском обществе за последние десятилетия. Этот нарратив поддерживается на предметном уровне: практически в каждом городе созданы или обновлены памятники войны, проводятся материально-зрелищные акции (военные парады, Бессмертный полк), что визуально и эмоционально вовлекает граждан в общее пространство памяти.

Следует признать, что концепция культурного суверенитета явилась реакцией на рост глобальных влияний, в том числе информационных и ценностных. Российское руководство рассматривает глобализацию (и особенно влияние западной массовой культуры) как угрозу национальной целостности, способную «размыть» идентичность молодёжи и привести к утрате контроля над умами граждан. Действительно, как показывают исследования, в 1990-е годы российское общество переживало кризис идентичности, характеризующийся разрывом ценностной преемственности и снижением доверия к институтам, что едва не привело к распаду страны. Политика В. Путина, по мнению ряда аналитиков, стала реакцией на этот кризис: её цель – «собрать» заново российскую идентичность, опираясь на элементы имперского и советского прошлого, и предложить гражданам позитивный образ будущего, основанный на гордости за страну. Предметная идентичность в этом процессе выступает как наглядный, зримый слой идентичности: не только идеи и слова, но и вещи, образы, памятники, которые можно увидеть и почувствовать, – всё это вовлекает эмоции людей и делает идентичность более осязаемой.

В то же время, дискуссия выявляет и проблемные моменты. Одностороннее упование на традиционные ценности может приводить к их идеализации и догмати-

зации, что чревато отверганием инноваций и критического мышления. Кроме того, многообразие российского общества (этническое, религиозное, культурное) ставит под сомнение возможность единой статичной модели идентичности. То, что провозглашается «традиционными ценностями», зачастую отражает взгляды наиболее консервативной части общества и официальной церкви, что не всегда разделяется городским либеральным населением или представителями иных конфессий. Например, акцент на православии и «традиционной семье» потенциально отчуждает светски ориентированных граждан и меньшинства. Поэтому формируемая модель предметной идентичности устойчивой может быть только при условии её всеохватности и гибкости, способности интегрировать разнородные элементы. В идеале общероссийская идентичность должна включать в себя и многонациональное наследие (традиции народов России), и достижения разных эпох – не только имперско-православной, но и советской, и современной. В рассмотренных инициативах есть стремление к этой эклектике (например, официальная символика сочетает три флага разных эпох, как на флагштоках в Петербурге). Однако критики указывают, что пока государственная риторика больше скользит по поверхности символов, чем предлагает реально объединяющий ценностный проект будущего. Тем не менее, сама по себе ставка на материальные символы и культурные коды уже влияет на массовое сознание: опросы показывают рост доли россиян, считающих Россию «особой цивилизацией» с собственным путем развития.

Заключение

Таким образом, в постсовременной России происходит целенаправленное формирование устойчивой модели предметной идентичности, что рассматривается властью как условие национального единства и фактор укрепления государственного суверенитета. Основ-

ные выводы состоят в следующем. Во-первых, государственная политика возвела сохранение культурного наследия и традиционных духовно-нравственных ценностей в ранг приоритетов национальной безопасности, что зафиксировано в стратегических документах и подкреплено практическими инициативами. Во-вторых, материальные символы и образы (исторические памятники, государственные ритуалы, национальные герои, культурные бренды) используются для конструирования общей идентичности, призванной преодолеть социально-культурные разломы внутри страны. Эта материально-культурная идентичность опирается на идею преемственности российской истории и уникального пути России, что должно сплотить граждан вокруг государства. В-третьих, укрепление национального единства через культуру рассматривается как важнейшее условие сохранения суверенитета в глобальной конкуренции ценностей: культурный суверенитет объявлен щитом от внешней идеологической экспансии. Научная значимость этих выводов проявляется в понимании механизма легитимации власти через апелляцию к культуре: российский случай демонстрирует, как модернизация национальной идеи происходит не столько через экономические или политические программы, сколько через культуру и историю как объединяющие начала. Практическая значимость исследования заключается в том, что оно указывает на важность поиска баланса между едиными ценностями и разнообразием общества: искусственно навязанная идентичность может быть неустойчивой, тогда как действительно устойчивая модель возникает в диалоге государства с обществом. В заключение следует отметить, что устойчивость национальной идентичности – это динамический процесс: поддержание суверенитета требует постоянного переосмысления и обновления культурных оснований единства с учётом вызовов времени и множественности голосов внутри самого российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков В.И. Российский образовательный суверенитет: преодоление девиаций и формирование новой государственной политики (историко-правовой анализ) // Труды Института государства и права РАН. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-obrazovatelnyy-suverenitet-preodolenie-deviatsiy-i-formirovanie-novoy-gosudarstvennoy-politiki-istoriko-pravovoy-analiz> (дата обращения: 08.09.2025).
2. Мчедлова М.М. Российская цивилизационная идентичность как основа ценностной целостности и государственной политики // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2024. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-tsivilizatsionnaya-identichnost-kak-osnova-tsennostnoy-tselostnosti-i-gosudarstvennoy-politiki> (дата обращения: 08.09.2025).
3. Неретин О.П. Интеллектуальный суверенитет экономики России. М.: Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), 2022. 166 с.
4. Николина В.В., Лощилова А.А., Фролова С.В., Аксёнов С.И. Формирование гражданской идентичности и культурно-исторической памяти молодёжи России на территориях новых субъектов Российской Федерации: подходы, принципы и направления реализации // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11, № 4. Ст. 6. DOI: 10.26795/2307-1281-2023-11-4-6. URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1546> (дата обращения: 08.09.2025).
5. Buchanan E. Russia's 2021 National Security Strategy: Cool Change Forecasted for the Polar Regions. 14.07.2021. URL: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/russias-2021-national-security-strategy-cool-change-forecasted-polar-regions> (дата обращения: 08.09.2025).
6. Karimi Riabi E., Saberi G. The Revival of Russian National Identity in the Cultural Dimension: Explanation of Putin's Actions // Central Eurasia Studies. 2025. Т. 17,

№ 2. С. 279–309. DOI: 10.22059/jcep.2025.370414.450187.

7. Kolesnikov A. Blood and Iron: How Nationalist Imperialism Became Russia's State Ideology. Carnegie Endowment for International Peace. 06.12.2023.
8. Prina F. Fantasies of cultural sovereignty and national unity: Russia's ontological (in)security and its assertion of "spiritual-moral values"? // International Politics. 2024. С. 1–30. DOI: 10.1057/s41311-024-00600-w.

© Петрухина Альфия Сарваровна (info@sppivolga.ru), Трофимова Ольга Борисовна (cco@td-kd.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОТ В ПОРТРЕТНОЙ ФОТОГРАФИИ: ПОДЧЕРКИВАНИЕ СИЛУЭТА, СОЗДАНИЕ ГЛУБИНЫ И ЗАТЕМНЕНИЕ ФОНА

Рылина Елена Олеговна

ART & Design Institut Prague, Прага, Чешская Республика.
photovisualcz@gmail.com

HONEYCOMB GRIDS METHODOLOGY IN PORTRAIT PHOTOGRAPHY: SILHOUETTE ENHANCEMENT, DEPTH CREATION AND BACKGROUND DARKENING

E. Rylyna

Summary: This article presents an author's methodology for using honeycomb grids in studio portrait photography to achieve specific visual effects. The research is based on analysis of 879 photographs obtained during 140 studio sessions with 94 surveyed clients. The developed methodology focuses on three key aspects: model silhouette enhancement, visual depth creation, and effective background darkening. Special attention is given to using increased power of strobe and continuous light sources while maintaining technical parameters within safe limits. Research results demonstrate that honeycomb grids application combined with proper light source positioning allows achieving professional level of light flow control and creating expressive portraits with pronounced artistic impact.

Keywords: studio photography, portrait photography, honeycomb grids, lighting design, visual perception.

Аннотация: В данной статье представлена авторская методика использования сот (honeycomb grids) в портретной студийной фотографии для достижения специфических визуальных эффектов. Исследование базируется на анализе 879 фотографий, полученных в ходе 140 студийных съёмок с участием 94 опрошенных клиентов. Разработанная методика фокусируется на трёх ключевых аспектах: подчеркивание силуэта модели, создании визуальной глубины пространства и эффективном затемнении фона. Особое внимание уделяется использованию повышенной мощности импульсного и постоянного источников света при сохранении технических параметров в безопасных пределах. Результаты исследования демонстрируют, что применение сот в сочетании с правильным позиционированием световых источников позволяет достичь профессионального уровня контроля светового потока и создать выразительные портреты с выраженным художественным воздействием.

Ключевые слова: студийная фотография, портретная фотография, соты, honeycomb grids, световой дизайн, визуальное восприятие.

Введение

Современная портретная фотография требует от специалиста не только технического мастерства, но и глубокого понимания психологических аспектов визуального восприятия. Как отмечают исследователи в области визуальных методологий, фотография выходит далеко за рамки простого документирования реальности, становясь мощным инструментом эмоционального воздействия [1].

Световое оформление портрета играет решающую роль в формировании восприятия зрителем изображённого объекта. Современные исследования в области психологии освещения подтверждают, что различные световые решения способны кардинально изменить эмоциональную окраску портрета и восприятие личности модели [3, 4]. В этом контексте использование специализированных световых модификаторов, таких как соты (honeycomb grids), представляет особый интерес для практикующих фотографов.

Соты, получившие свое название благодаря сход-

ству с пчелиными сотами, представляют собой сетчатую структуру с множественными ячейками, которая крепится к источнику света и позволяет создавать направленный световой поток. Данный модификатор света обеспечивает точный контроль распространения светового потока, минимизируя нежелательные световые блики и создавая концентрированное освещение в заданной области.

Современные исследования в области визуального восприятия демонстрируют глубокую взаимосвязь между световым оформлением портрета и психологическим воздействием на зрителя. Герцманн в своих исследованиях теории перспективного восприятия в изображениях отмечает, что различные техники съёмки, включая изменение расстояния до объекта и фокусного расстояния, существенно влияют на восприятие личностных характеристик портретируемого [2]. Исследования показали, что портреты, снятые с более короткой дистанции, воспринимаются зрителями как более доброжелательные и заслуживающие доверия, в то время как съёмка с большего расстояния создает впечатление силы и интеллекта [2].

Исследования в области психологии цвета и освещения показывают, что различные световые характеристики оказывают систематическое влияние на эмоциональное состояние и восприятие [4]. Современные исследования восприятия теней и контраста демонстрируют важность правильного светового оформления для создания объемности изображения.

Современные исследования цветного освещения подтверждают значительное влияние различных спектральных характеристик света на эмоциональное состояние наблюдателя [3, 5]. Работы ученых продемонстрировали, что цветное освещение может эффективно регулировать эмоции людей и улучшать их комфорт в пространстве [3]. Особенно важным является тот факт, что цветное освещение способно создавать специфическую атмосферу в соответствии с требованиями пространства [3].

Современные исследования динамического освещения показывают, что направленный свет может значительно влиять на когнитивные функции и эмоциональное состояние человека [6]. Принципы работы модификаторов света, включая соты, основаны на контроле светового потока через ограничение распространения световых лучей [7].

Исследования восприятия глубины в фотографических изображениях подтверждают важность точного контроля световых характеристик для создания желаемого визуального эффекта [8]. Степень концентрации светового потока и его направленность являются ключевыми факторами, влияющими на восприятие пространства и объектов в нём [9].

Цель исследования: разработка и научное обоснование эффективной методики использования сот в портретной студийной фотографии для достижения трех основных визуальных эффектов: подчеркивания силуэта модели, создания визуальной глубины пространства и профессионального затемнения фона.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось на базе профессиональной студии в период с 2023 по 2024 год. В общей сложности было выполнено 140 студийных съёмок с использованием различных конфигураций световых схем с применением сот. Для анализа было отобрано 879 финальных изображений, которые соответствовали критериям технического качества и художественной выразительности.

В исследовании приняли участие 94 клиента различных возрастных групп (от 18 до 65 лет), которые после завершения съёмки заполняли специально разработан-

ный опросник, оценивая восприятие различных световых решений и их эмоциональное воздействие.

Для реализации методики использовалось следующее оборудование:

- Студийные моноблоки мощностью от 300 до 1000 Вт
- Постоянные LED-панели мощностью 200-500 Вт
- Световые модификаторы: октабоксы (90, 120, 150 см), прямоугольные софтбоксы (60×90, 80×120 см), стрипбоксы (30×120, 40×180 см), beauty dish (42, 56 см)
- Набор сот различных углов (10°, 20°, 30°, 50°) с универсальными адаптерами
- Рефлекторы стандартного диаметра (18 см) и глубокие (30 см)
- Световые стойки с возможностью точной регулировки высоты и угла наклона

На основе анализа существующих подходов к использованию сот в студийной фотографии была разработана комплексная методика, состоящая из трех основных элементов:

1. Подчеркивание силуэта модели - создание контролируемого контраста между фигурой и фоном
2. Создание визуальной глубины - использование градиентных переходов света и тени
3. Затемнение фона - точечное освещение модели при минимальном воздействии на задний план

Основные результаты

Основу разработанной методики составляет трехточечная световая схема с использованием сот различных углов концентрации. Ключевым элементом является применение повышенной мощности источников света (70-85% от максимальной) при условии сохранения технической безопасности оборудования. Ключевым элементом является применение повышенной мощности источников света (70-85% от максимальной) при условии сохранения технической безопасности оборудования.

Рисующий свет формируется с помощью основного источника с установленными сотами угла 20-30°, расположенного под углом 45° к оси съёмки на высоте, превышающей рост модели на 30-50 см. Данное позиционирование обеспечивает естественное распределение света и тени на лице, создавая объемность изображения.

Заполняющий свет реализуется через рефлектор или дополнительный источник с рассеивателем, расположенный со стороны, противоположной рисующему свету. Мощность заполняющего света составляет 30-50% от мощности основного источника, что обеспечивает сохранение деталей в теневых областях без потери контрастности.

Контрольный свет создаётся с помощью источника с сотами угла 10-20°, расположенного позади модели под углом к оси съёмки. Этот элемент схемы играет решающую роль в отделении силуэта от фона и создании визуальной глубины пространства.

Для эффективного выделения силуэта модели применяется специальная техника позиционирования контрольного света с использованием широкоугольных сот (10-15°). Источник располагается на высоте 1,8-2,2 метра позади модели, направляется на затылочную часть головы и плечи под углом 30-40° к вертикали.

Критически важным является точная настройка мощности контрольного света. В ходе экспериментов было установлено, что оптимальное соотношение мощности контрольного света к рисующему составляет 1:1,5 или 1:2. При превышении этого соотношения возникает эффект переэкспонирования контурных областей, при недостатке мощности эффект отделения силуэта становится малозаметным.

Эффект визуальной глубины достигается через создание контролируемого градиента освещенности от переднего плана к заднему. Ключевым элементом данной техники является использование сот среднего угла (30-40°) для рисующего света в сочетании с точным позиционированием источника.

Эффективное затемнение фона достигается через комбинацию нескольких факторов: правильного позиционирования модели относительно заднего плана, использования флагов для ограничения светового потока и точной настройки мощности источников.

Анализ 879 отобранных изображений выявил оптимальные технические параметры для реализации разработанной методики. Наиболее эффективные результаты были достигнуты при использовании следующих настроек:

- Мощность рисующего света: 70-85% от максимальной мощности моноблока
- Соотношение рисующего и заполняющего света: 2:1 или 3:1
- Соотношение рисующего и контрольного света: 1,5:1 или 2:1
- Угол сот для рисующего света: 20-30°
- Угол сот для контрольного света: 10-20°

Анкетирование 94 участников съёмок показало высокую степень удовлетворенности полученными результатами. 87% респондентов отметили, что портреты, выполненные с использованием разработанной методики, выглядят более профессионально и художественно выразительно по сравнению с обычным студийным освещением.

Особенно высоко клиенты оценили следующие аспекты:

- Выразительность силуэта (92% положительных оценок)
- Объемность и глубина изображения (89% положительных оценок)
- Профессиональный внешний вид портретов (94% положительных оценок)
- Эмоциональное воздействие снимков (86% положительных оценок)

Полученные результаты подтверждают эффективность разработанной методики использования сот в портретной фотографии. Ключевым фактором успеха является комплексный подход, объединяющий технические аспекты световой схемы с пониманием психологических основ восприятия изображения.

Особую ценность представляет возможность точного контроля светового потока, которую обеспечивают соты. В отличие от традиционных световых модификаторов, соты позволяют создавать направленное освещение без существенного увеличения размеров световой установки.

Психологический аспект воздействия разработанной методики согласуется с результатами исследований в области визуального восприятия [8]. Контролируемые переходы от света к тени, создаваемые с помощью сот, соответствуют естественным механизмам работы зрительной системы человека, что обеспечивает комфортное восприятие изображения.

Вывод

Разработанная методика использования сот в портретной фотографии представляет собой эффективный инструмент для достижения профессионального качества студийных портретов. Комплексный подход, объединяющий технические аспекты световой схемы с пониманием психологических основ восприятия, обеспечивает создание выразительных изображений с выраженным художественным воздействием.

Основными преимуществами методики являются:

- Точный контроль светового потока
- Эффективное подчеркивание силуэта модели
- Создание визуальной глубины пространства
- Профессиональное затемнение фона
- Воспроизводимость результатов

Результаты исследования, основанные на анализе 879 изображений и опросе 94 клиентов, подтверждают практическую ценность разработанной методики. Высокие оценки качества и художественной выразительности портретов со стороны клиентов свидетельствуют

о соответствии методики современным требованиям к профессиональной портретной фотографии.

Перспективы дальнейших исследований включают

изучение возможности адаптации методики для различных жанров студийной фотографии, а также разработку специализированных световых схем для работы с групповыми портретами и предметной съемкой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Glaw X., Inder K., Kable A., Hazelton M. Visual methodologies in qualitative research: Autophotography and photo elicitation applied to mental health research // International Journal of Qualitative Methods. 2017. Т. 16. № 1.
2. Hertzmann A. Toward a theory of perspective perception in pictures // Journal of Vision. 2024. Т. 24. № 4. С. 23.
3. Xie X., Cai J., Fang H., Tang X., Yamanaka T. Effects of colored lights on an individual's affective impressions in the observation process // Frontiers in Psychology. 2022. Т. 13.
4. Elliot A.J. Color and psychological functioning: A review of theoretical and empirical work // Frontiers in Psychology. 2015. Т. 6.
5. Kurt S., Osueke K.K. The effects of color on the moods of college students // SAGE Open. 2014. Т. 4. № 1.
6. Li Y., Fang W., Guo B., Qiu H. Diurnal effects of dynamic lighting on alertness, cognition, and mood of mentally fatigued individuals in a daylight deprived environment // Lighting Research & Technology. 2024. Т. 56. № 2. С. 145-162.
7. Odabaşioğlu S., Olguntürk N. Effects of coloured lighting on the perception of interior spaces // Perceptual and Motor Skills. 2015. Т. 120. № 2. С. 455-468.
8. Nefs H.T., O'Hare L., Harris J.M. Depth of field affects perceived depth-width ratios in photographs of natural scenes // i-Perception. 2012. Т. 3. № 6. С. 577-595.
9. McCloughan C.L.B., Aspinall P.A., Webb R.S. The impact of lighting on mood // Lighting Research & Technology. 1999. Т. 31. № 3. С. 81-88.

© Рылина Елена Олеговна (photovisualcz@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА КАЗАХСКОГО СОЦИУМА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

AXIOLOGICAL MATRIX OF KAZAKH SOCIETY IN THE ERA OF GLOBAL TRANSFORMATIONS (CULTUROLOGICAL APPROACH)

**V. Skopa
S. Kisatova**

Summary: The study reveals the processes of rethinking the axiological coordinates of the Kazakh civilization - from nomadic archetypes to the urbanization of the new millennium. The key focus of the study is to trace the trajectory of worldview changes, where the ancient constants of nomadic culture are integrated with modern civilizational paradigms. Traditional spiritual matrices - the concepts of tolerance, respect for elders, community are transformed, but do not disappear, mimicking new socio-cultural realities. If earlier these values were strictly determined by the nomadic way of life, today they acquire more flexible, adaptive forms. The fundamental innovation of today is the synthesis of the archaic and the modern, where the genetic memory of the people is not only preserved, but also creatively reinterpreted by the younger generation.

Keywords: Republic of Kazakhstan, national culture, traditions, national identity, transformation, globalization.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Кисатова Салтанат Тасбулатовна

Преподаватель, Павлодарский педагогический
университет имени Элкей Марғұлана

Аннотация: Исследование раскрывает процессы переосмысления аксиологических координат казахской цивилизации – от кочевых архетипов до урбанизации нового тысячелетия. Ключевой фокус исследования – проследить траекторию мировоззренческих изменений, где древние константы номадической культуры интегрируются с современными цивилизационными парадигмами. Традиционные духовные матрицы – концепты толерантности, почитания старших, общинности трансформируются, но не исчезают, мимикрируют под новые социокультурные реалии. Если раньше эти ценности были жестко детерминированы кочевым укладом, то сегодня приобретают более гибкие, адаптивные формы. Принципиальная новация сегодняшнего дня – синтез архаичного и современного, где генетическая память народа не только сохраняется, но и креативно реинтерпретируется молодым поколением.

Ключевые слова: аксиология, Республика Казахстан, национальная культура, традиции, национальное самосознание, трансформация, глобализация.

Каждая культура – уникальная призма восприятия реальности, где ценностные координаты выступают системообразующим кодом идентичности. Современный казахский социум переживает глубинную трансформацию традиционных воззрений под мощным влиянием массовой культуры и глобализационных процессов. В казахской культуре сохранение своих традиционных ценностей играет важную роль. Однако, несмотря на это, мы наблюдаем постепенные изменения в этих ценностях, что порождает ряд специфических проблем [2]. Процесс этой трансформации является неизбежным и целенаправленным. Аксиологический сдвиг отчетливо проявляется в многоуровневых трансформациях, из которых можно выделить такие сферы:

- религиозная: переосмысление традиционных канонов ислама через призму секулярных практик;
- трудовая мотивация: от коллективистской модели к индивидуальным стратегиям самореализации;
- демографические паттерны: трансформация репродуктивных установок, модификация гендерных ролей;

— социальная динамика: усиление запроса на демократизацию институтов и горизонтальную социальную мобильность.

В контексте неуклонно нарастающих глобализационных процессов казахский социум переживает глубинную трансформацию собственной культурной парадигмы. Многовековой генетический код народа, аккумулированный в традиционных мировоззренческих конструктах, претерпевает радикальные модификации под влиянием новых геополитических и социокультурных реалий [4, 7].

Исторически сформированная кочевническая ментальность, базировавшаяся на синкретичном единстве человека и природы, космоцентрической картине мира, трансформируется в более урбанизированную, рационализированную модель восприятия действительности. Традиционные ценностные маркеры – коллективизм, почитание старших, сакральность родовых связей эволюционируют под напором индивидуалистических установок современного глобального пространства. Ду-

ховная трансформация проявляется в реинтерпретации культурных архетипов, переосмыслении национальной идентичности через призму современных контекстов, где традиционное мировоззрение органично интегрируется с инновационными цивилизационными парадигмами [14, 15].

Казахская культура – уникальный феномен на стыке цивилизаций, где восточная самобытность сплетается с западными влияниями, создавая неповторимый культурный ландшафт. Расположенный в самом сердце Евразии, Казахстан стал настоящим перекрестком древних миграционных путей и цивилизационных потоков. Традиционный кочевой уклад казахского народа сформировал особую философию свободы и адаптивности. Широкие степные пространства воспитали в народе мудрость странников, умение гармонично существовать в суровых природных условиях и бережно хранить родовую память [10, 11].

Казахская культура сегодня – это динамичный организм, который балансирует между сохранением традиций и необходимостью адаптации к глобальным трансформациям, где ключевыми характеристиками современной культурной эволюции выступают:

1. Аксиологический контекст, который включает в себя трансформацию ценностных матриц; селективную модернизацию культурного кода, а также готовность к переосмыслению традиционных паттернов.
2. Стратегические императивы представлены сохранением культурной идентичности; конкурентоспособности в глобальном пространстве; гибкостью без потери сущностного ядра.
3. Рефлексивные измерения раскрывают: переход от пассивной адаптации к активному самоопределению; многовекторный взгляд на собственную культуру; диалогичность с другими национальными традициями.
4. Цивилизационные тренды прослеживаются: в усилении экзистенциальной рефлексии; критическом переосмыслении технократической парадигмы, а также возвращении к духовным горизонтам.
5. Антропологическая доминанта раскрывается посредством того, что человек – творец и интерпретатор культуры; расширением горизонтов самопознания и балансировкой между локальной укорененностью и глобальной мобильностью.

Во многом все это указывает на то, что Казахстан сегодня демонстрирует уникальную модель культурной трансформации, что проявляется не в разрушении традиций, а их органичной реинтерпретации в современные координаты бытия [12]. В эпоху глобальной взаимосвязан-

ности казахская культура выступает уникальным мостом между цивилизационными парадигмами, демонстрируя потенциал транскультурного диалога [9, 13].

Язык, обычаи, архитектура и искусство казахов демонстрируют уникальный синтез тюркских, монгольских, персидских и русских культурных элементов. Национальная одежда, орнаменты, музыкальные инструменты – все это отражает многослойную историю этноса, который сумел сохранить свою идентичность через века трансформаций.

Мировоззренческая уникальность каждой культуры формирует особую оптику восприятия реальности. В контексте казахской культуры этот процесс приобретает особую динамику трансформации под влиянием глобальных культурных процессов. Современные социокультурные трансформации радикально перестраивают традиционную систему ценностей: от религиозных воззрений до гендерных моделей [3]. Современный культурный ландшафт представляет собой мощный трансформационный механизм, который радикально перекраивает традиционные контуры социальной идентификации, бросая вызов устоявшимся национальным нарративам и провоцируя необходимость фундаментального реформирования коллективного самосознания. Популярная медиа, массовые коммуникации и глобальные тренды становятся не просто отражением, а активным инструментом деконструкции сложившихся цивилизационных кодов, генерируя принципиально новые модели культурной интерпретации реальности. Этот процесс выходит за рамки простой трансляции информации, превращаясь в сложный механизм перманентной реинтерпретации идентичности, где национальные границы становятся всё более условными, а культурные матрицы – более гибридными и трансграничными [1, 15].

Постижение культуры как сложно структурированного феномена требует многоуровневого аналитического подхода, который раскрывает глубинные механизмы формирования коллективного мировоззрения. В данном контексте культура предстает как динамичная знаковая система, где каждый интерпретационный паттерн выступает своеобразным герменевтическим кодом, трансформирующим индивидуальный и групповой опыт восприятия реальности [5, 13]. Исследователи предлагают многогранную модель культуры через призму коллективных интерпретационных паттернов:

1. Убеждения. Они выступают ментальным каркасом восприятия реальности, представляя собой интеллектуальный навигатор, который формирует персональную картину мира. Подобно внутреннему компасу, они направляют траекторию мышления, очерчивая контуры рационального познания и интерпретации окружающей действительности.

2. Ценности. Это аксиологический фарватер социокультурного пространства, который задает морально-этические координаты и определяет иерархию значимости. Они выступают своеобразным аксиологическим фильтром, маркирующим границы между допустимым и запретным, желаемым и нежелательным.
3. Нормы. Функционируя как неписанный социальный алгоритм, они регулируют поведенческие стратегии и обеспечивают внутригрупповую когерентность. Это невидимые, но мощные регуляторы, которые формируют невербальный контакт между членами сообщества.
4. Социальные практики. Они представляют собой динамичные паттерны взаимодействия, являющиеся живым воплощением культурной матрицы. Это подвижные, но устойчивые модели, которые транслируют коллективную память, опыт и мировоззренческие установки сообщества [1, 9, 11].

Мировоззренческие установки, базовые принципы, социальные каноны и модели поведения формируют сложную, многомерную архитектуру культурного пространства, где каждый элемент взаимосвязан и взаимообусловлен, словно часть сложного организма, который постоянно развивается и трансформируется под влиянием внутренних и внешних факторов.

Ценности выступают системообразующим ядром культурного универсума, выполняя роль интегративного начала. Они представляют собой не просто абстрактные идеалы, а живой, динамичный механизм смыслополагания, который пронизывает все сферы человеческой жизнедеятельности [6]. Трансформируясь от умозрительных конструктов к реальным социальным практикам, ценности обретают онтологический статус. Они последовательно материализуются в различных культурных формах – от искусства и религии до экономических и политических институтов, формируя уникальный культурный код [8]. Зрелость культуры определяется не столько декларативностью ценностей, сколько их глубоким и многогранным воплощением. Чем полнее ценностный потенциал реализуется в духовных, социальных, художественных и материальных измерениях, тем более развитой и самодостаточной становится культурная система.

Культура Казахстана – это уникальный социокультурный феномен, где ценностные доминанты отражают глубинную суть народного мировоззрения [3]. Казахстан позиционирует себя как пространство культурной конвергенции, где духовность становится ключевым медиатором глобальных взаимодействий. Ключевой момент – сохранение иерархии ценностей. Культура подобна живому организму: она способна адаптироваться, не теряя своей сущности. Научно-технический прогресс должен стать не самоцелью, а лишь средством реализа-

ции глубинных культурных смыслов.

Традиции для казахского народа – это живой генетический код культуры, который еще сохраняет свою актуальность, несмотря на вызовы глобализации. Каждый обычай – это не музейный экспонат, а действующий механизм трансляции коллективной памяти и мудрости предков. Уважение в казахской культуре – это многогранный социокультурный феномен, глубоко укорененный в традиционной философии кочевников [8]. Это не просто формальный этикет, а сложная духовная практика, где почтение к старшим, гостям и членам общества возведено в ранг сакральной добродетели. Толерантность здесь выступает не просто вежливостью, а целостной мировоззренческой парадигмой, где взаимное уважение является фундаментальным принципом межличностных и межобщественных отношений. Каждый жест, каждое слово наполнены глубоким смыслом взаимопонимания и духовной солидарности.

Казахская культура демонстрирует редкий баланс между сохранением самобытности и открытостью миру, где каждая ценность – это не застывшая норма, а живой, развивающийся организм. Так, гостеприимство – это не просто традиция, а сакральный принцип межчеловеческих отношений [1].

Ценностный мир казахов простирается далеко за грани этнической самобытности, включая как древние культурные коды, так и современные глобальные идеалы. Сегодня они трансформируются в универсальные принципы, которые выходят за рамки национальных границ и нацелены на построение гармоничного общества планетарного масштаба. Эти ценности – своеобразный культурный мост, соединяющий традиционное наследие с актуальными потребностями гражданского мира. Они не только сохраняют самобытность казахского народа, но и создают основу для межкультурного диалога, объединяя различные социальные группы и национальности, проживающие на территории Казахстана [12]. На современном этапе такие ценности все чаще характеризуются как общечеловеческие – они транслируют идеи взаимопонимания, толерантности и солидарности, выходящие за узконациональные рамки. Траектория развития ценностей – это сложный и многогранный процесс, который требует глубокого осмысления и критического анализа. Ключевой момент заключается в том, что ценности могут иметь диаметрально противоположную природу: созидательную и деструктивную.

Культурное многообразие – это не просто декларация, а реальный механизм взаимообогащения. Оно способно наполнить глобальное пространство открытостью, взаимопониманием и солидарностью. Этот культурный подход органично вписывается в универсальную парадигму человеческого развития, где базовые

экзистенциальные ценности – свобода, равенство и автономия – выступают не абстрактными идеями, а живыми социальными практиками. Для казахской традиции подобный философский контекст не является привнесенным извне конструктом, а представляет собой естественное продолжение исторического опыта кочевой цивилизации. Принципы личной свободы и уважения к индивидуальности были имманентно присущи кочевническому укладу, где каждый член сообщества обладал правом голоса и самоопределения. Более того, традиционные институты казахского общества – курултай, совет старейшин – изначально базировались на демократических началах консенсусного принятия решений и паритетного диалога. Это не заимствованная модель, а аутентичная форма социальной организации, где личностная автономия гармонично сочеталась с коллективной ответственностью [9].

Номадическая культура казахов – это уникальный феномен человеческой цивилизации, который сформировал особую философию восприятия мира и межкультурного взаимодействия. Кочевник воспринимал пространство как живой, динамичный космос без жестких границ. Для него мир представлял собой сложную систему, где различные культуры, языки и традиции не противостоят, а дополняют друг друга. Эта мировоззренческая установка порождала фундаментальную толерантность и открытость. Гостеприимство для номада было не просто обычаем, а глубинным экзистенциальным принципом. Встреча с путником или чужестранцем – это не угроза, а возможность обмена опытом, знаниями, энергиями. Готовность разделить последнее, принять незнакомца как почетного гостя – такова была неписаная этика степных народов. Параллельно с этой мягкостью и открытостью существовала удивительная воинская культура. Предки казахов – саки, демонстрировали невероятное искусство военного маневрирования, виртуозное владение конницей, стратегическое мышление, позволявшее эффективно противостоять различным угрозам. Психология кочевников принципиально отличалась от менталитета оседлых сообществ. Они не были скованы жесткими социальными иерархиями, административным контролем или постоянными территориальными привязками. Их свобода была не только физической – они были свободны ментально, могли быстро адаптироваться, принимать нестандартные решения. Эта гибкость, умение балансировать между жесткостью воина и мягкостью гостеприимного хозяина, составляет глубинный код казахской культуры [3]. Номадическое наследие – это не просто исторический артефакт, это живая традиция, которая продолжает формировать национальный характер и мировоззрение.

Современный глобальный мир – это арена беспре-

цедентных возможностей и вызовов для развития человеческого потенциала. Ключевой императив эпохи – сохранение культурной самобытности при активном международном взаимодействии. Свобода и независимость сегодня – это не просто абстрактные категории, а ключевые условия полноценного развития нации. Только обладая подлинным суверенитетом, культура способна формировать собственную национальную идентичность; реализовывать стратегические программы развития и конструировать уникальный социально-политический профиль [15]. В эпоху глобализации принципиально важно не консервировать традиции, а осмысленно модернизировать их, сохраняя сущностное ядро.

Современные трансформационные процессы в Казахстане формируют принципиально новую социальную реальность, где личная свобода становится ключевым антропологическим измерением. Глобальные факторы – интернет, образование, экономический рост выступают мощными детерминантами индивидуальной эмансипации. Они создают систему, в которой человек получает беспрецедентные возможности для самореализации, выходящие за традиционные социальные матрицы. Происходит радикальная перестройка социальных институтов: размываются жесткие гендерные иерархии; трансформируются семейные модели; пересматриваются традиционные репродуктивные стратегии; секуляризуется религиозное пространство.

Независимость перестает быть только политической категорией, становясь персональной стратегией. Человек дистанцируется от жестких нормативных предписаний, получая возможность конструировать собственную траекторию идентичности [12]. Ключевой тренд – переход от нормативного контроля к индивидуальной субъектности. Социальные трансформации создают плацдарм для личностной автономии, где выбор становится фундаментальным правом.

В целом, духовный мир казахского народа – это уникальная мозаика, где каждый элемент пронизан идеями мира, свободы и гармонии. Наследие предков пронизано глубоким уважением к иным культурам, открытостью и гостеприимством, что становится фундаментальным принципом взаимодействия с глобальным миром. Процессы глобализации, которые многими воспринимаются как угроза культурной самобытности, парадоксальным образом могут стать инструментом трансформации и развития. Технологические новации не разрушают, а скорее обогащают традиционные ценности, подобно тому, как современная архитектура может гармонично вписываться в исторический ландшафт. Подлинное развитие происходит через диалог традиций и инноваций, где каждая культура выступает уникальным голосом в глобальном культурном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажигали С.Е. Религиозность и обрядность сельчан Казахстана в ближайшей ретроспективе: Жетысу, середина 80-х // Обычаи и обряды в прошлом и настоящем. Алматы: Ғылым, 2001. — С. 35–96.
2. Астафьева О.Н. Динамика «полицелостности» современной культуры: инновационные практики взаимодействия // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. Москва: Прогресс-Традиция, 2011. — С. 269–285.
3. Ержанова А. Массовые коммуникации и их влияние на глобальные трансформации культуры: диссертация. Алматы, 2010. — 251 с.
4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011. — 464 с.
5. Кравченко С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. Москва: Изд-во МГИМО-Университет, 2012. — 306 с.
6. Культурология: Учебник для студентов вузов и колледжей/Сост. Т. Габитов. Алматы: Раритет, 2008. — 424 с.
7. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. — 535 с.
8. Мерғалиев, Д.М., Абдалимова, З.С. Современное состояние народных традиций в искусстве казахского народа // Инновационный менеджмент и технологии в эпоху глобализации. 2016. № 3. — С. 620–622.
9. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. Москва: Росспэн, 2007. — 439 с.
10. Скопа В.А. Газета «Казак» в общественно-политической жизни Казахстана // Исторический бюллетень. 2022. Т. 5. № 4. — С. 68–71
11. Скопа В.А., Кисатова С.Т. Историко-культурное наследие Ибрая Алтынсарина как источник в изучении культуры Казахстана // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2025. № 3. — С. 18–21.
12. Скопа В.А., Кисатова С.Т. Казахская народная культура как основа национальной идеи: культурологический подход // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2025. № 1. — С. 15–19.
13. Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции: коллективная монография / под ред. Ю.М. Резника. М.: Научно-политическая книга, 2012. — 479 с.
14. Флиер А.Я. Культура управляемая и культура стихийная. Культура vs. свобода // Культура культуры. 2021. № 3.
15. Шатц Э. Политика множественных идентичностей: происхождение и этническая принадлежность в Казахстане // Исследования Европы и Азии. Кашник, 2013. — С. 489–506.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Кисатова Салтанат Тасбулатовна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ УЛИЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ТАНЦА

Таран Андрей Олегович

Старший преподаватель, Санкт-Петербургский
Гуманитарный университет профсоюзов
taran001@mail.ruTHE HISTORY OF THE FORMATION
OF STREET DANCE TRENDS

A. Taran

Summary: The **aim** of this article is to explore the history of the formation of street dance styles. The **objectives** of the research are to identify the prerequisites for the formation of street dance styles, to explore the historical aspects of the development of street dance, to determine the role of street dance in the global cultural space and in the history of world choreography. **Practical significance:** the results of the study can be used in applied research on the history of choreography of the twentieth century. As a result of the research, **conclusion** was made that street dance culture today is a multifaceted phenomenon, consisting of many directions and covering all corners of our planet. It is a global multimillion-dollar industry that widely influences fashion and cinema, and has become an integral part of many people's lives.

Keywords: dance, street dance, choreography, history of choreography, history of street dance.

Аннотация: **Цель** данной статьи – исследовать историю формирования уличных направлений танца. **Задачи** исследования: выявить предпосылки к формированию уличных направлений танца, исследовать исторические аспекты развития уличного танца, определить роль уличного танца в мировом культурном пространстве и в истории мировой хореографии. **Практическая значимость:** результаты исследования могут быть использованы в прикладных исследованиях по истории хореографии XX века. В результате исследования был сделан **вывод** о том, уличная танцевальная культура сегодня – многогранное явление, состоящее из многих направлений и охватывающее все уголки нашей планеты. Это глобальная многомиллионная индустрия, широко влияющая на моду, кинематограф, ставшая неотъемлемой частью жизни очень многих людей.

Ключевые слова: танец, уличный танец, хореография, история хореографии, история уличного танца.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что уличные танцы стали неотъемлемой частью мировой хореографической культуры, превратившись из локального молодёжного движения в глобальное явление. Анализ истории зарождения стилей, их развития и влияния на современные молодёжные субкультуры помогает: понять истоки возникновения уличных танцев; изучить влияние уличных стилей на формирование хореографии; проанализировать культурные контексты, в которых развиваются уличные танцы. В 1980-х годах уличные стили проникли в массовую культуру через телевидение, кино и музыкальные клипы, а фильмы и документальные ленты сыграли ключевую роль в популяризации танцев. Уличные танцы – инструмент социализации, творческого развития и формирования индивидуальности, что подтверждается их активным внедрением в педагогическую практику и образовательные программы. Уличные стили обогащают хореографию, позволяя создать новые формы самовыражения и взаимодействия между различными стилями и традициями. Изучение истории уличного танца помогает: Такой формат способствует обмену опытом, развитию стиля и росту мастерства в танцевальном сообществе.

Цель данной статьи – исследовать историю формирования уличных направлений танца. **Задачи** исследования: выявить предпосылки к формированию уличных направлений танца, исследовать исторические аспекты

развития уличного танца, определить роль уличного танца в мировом культурном пространстве и в истории мировой хореографии.

Методология

В основе исследования лежит культурно-исторический подход. Методы исследования: общенаучные методы (анализ и синтез); сравнительно-исторический метод; анализ видеозаписей уличного танца; изучение интервью с известными деятелями в области уличного танца.

Теоретическая и практическая значимость

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении исторических предпосылок к формированию уличного танца. Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в прикладных исследованиях, посвященных истории хореографии XX века.

Результаты исследования

В 1970-х годах в городах США, особенно в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, начали формироваться новые танцевальные стили, которые стали основой уличного танца. В это время возникли такие направления, как хип-хоп, брейк-данс. Эти танцевальные формы развивались в контексте культурных и социальных изменений, связан-

ных с молодежными движениями, стремлением к свободе самовыражения и поиском идентичности.

Брейк-данс появился в Бронксе, где молодые люди начали танцевать на улицах, используя элементы акробатики и уникальные движения. Одним из известных фигур в этой среде стал Крамп, который привнес в стилизацию движения элементы уличной культуры, построенной на сложных переходах и взаимодействии с музыкой. Танцевальные баттлы и соревнования стали ключевыми моментами, где танцоры могли продемонстрировать свои навыки и уникальность. Не меньшую роль сыграл хип-хоп, который объединил музыку и танец, создавая атмосферу объединения молодежи. Основатели этого направления, такие как DJ Kool Herc, использовали виниловые пластинки, смешивая звучание различных треков. На парковках, в клубах и на улицах начинали проходить выступления, которые, в свою очередь, вдохновляли молодежь на творчество и самовыражение [6].

Танец теперь стал культурным выражением, отражающим борьбу за права и социальный статус. Танцы формировались под воздействием различных стилей, включая соулу, фанку, и даже латинскую музыку, что сделало уличные направления танца многогранными. Появление таких программ, как "Soul Train", усилило интерес к новым танцевальным движениям, предоставляя платформу для демонстрации хип-хоп-культуры.

Социальные изменения, произошедшие в тот период, такие как борьба за гражданские права и выражение недовольства по поводу расовой дискриминации, также оказали влияние на танцевальные стили. Участники уличных танцев выражали свои чувства с помощью движений, создавая уникальный язык, который передавал их переживания и мечты. Важными фигурами, способствовавшими распространению уличных танцев, стали такие группы, как Rock Steady Crew и Electric Boogaloos, которые не только представили новые стили, но и создали сообщество единомышленников. Эти группы способствовали формированию культурных центров, где танец, музыка и визуальное искусство переплетались друг с другом.

Уличные танцы возникли в контексте социальных изменений, происходивших в сообществе. В 1970-х годах, с началом эпохи хип-хопа в США, это искусство стало каналом самоидентификации для молодежи, особенно в неблагополучных районах. Социальные движения, такие как борьба за гражданские права и права меньшинств, вдохновили молодое поколение выражать свои чувства и идеи через танец. Уличный танец предоставил возможность заявить о себе и своих переживаниях в условиях, когда традиционные формы искусства и академические направления обходили стороной голоса молодежи [4].

Танцевальные стили, развивавшиеся на улицах, служили своеобразным символом противостояния устоям. Вместо строгих правил и формализованных движений, уличные танцы предложили свободу самовыражения, сочетающую элементы improvisation и индивидуальности. Каждый танец, каждое движение отражало внутреннее переживание танцовщика, его культурное наследие и социальные реалии. Это был способ сказать: "Мы здесь, и наше мнение имеет значение".

С течением времени уличный танец стал своеобразным зеркалом, отражающим социальные проблемы. Протесты против расовой несправедливости, экономического неравенства и полицейской жестокости находили свое выражение в танцах. Уличная культура поднимала острые темы, которые волновали молодежь, создавая пространство для диалога о насущных вопросах. Этот аспект подчеркивал важность уличного танца как инструмента социального изменения, а не просто как развлекательной деятельности.

Символизм уличного танца также проявляется через свои характеристики – одежду, стили и атрибуты. Цвета, используемые в костюмах, и жесты, используемые во время танца, иногда становились осознанными знаками протеста. Например, молодежь выбирала нестандартные наряды, чтобы подчеркнуть свою индивидуальность и отличаться от традиционного восприятия. Это создавало чувство единства среди танцоров и формировало сообщества, объединяющее их в стремлении к свободе выражения [5].

В результате уличный танец стал важным элементом культурной идентичности, формируя сознание молодых людей и углубляя их связь с окружающим миром. Здесь двигались молодые тела, страстно выражая свои мысли, свои цели и свои мечты, и каждый танец сам по себе был актом неповиновения нормам, которые на протяжении многих лет подавляли индивидуальность. Поднимая темы социальной справедливости и поиска идентичности, уличный танец стал не только искусством, но и формой протеста.

Музыка всегда была важным аспектом уличного танца, формируя его ритмическую основу и вдохновляя танцоров на создание новых движений. Важно рассмотреть, как различные музыкальные стили влияли на развитие танцевальных направлений. Диско, фанк, электроника и, конечно, хип-хоп стали опорными пунктами, которые поддерживали и развивали уличные танцы. Каждый из этих жанров вносил свою уникальную динамику, ритмическую структуру и эмоциональный контекст.

Хип-хоп, в частности, стал тем мощным движущим двигателем, который кардинально изменил подход к

уличному танцу. Зародившись в 1970-х годах в Афроамериканских и латинских сообществах Нью-Йорка, хип-хоп музыка не только служила фоном для танцев, но и задавала определенные культурные коды и социальные нормы. Это помогло установить новые стандарты выражения, где танец становится языком социального протеста, самовыражения и коллективной идентичности. Уличные танцоры начали использовать элементы хип-хопа как способ обсуждения актуальных для них вопросов, воплощая в своих движениях как индивидуальные переживания, так и общие проблемы общества.

Важным аспектом является и взаимодействие между танцорами, самым разнообразным образом интегрирующими музыкальные влияния в свои выступления. В этих условиях уличный танец становится не просто набором движений. Он становится интерпретацией музыкального материала, где каждый танцор вносит что-то свое, что добавляет уникальность и глубину выступления. Связь между музыкой и движением здесь проявляется не только в ритме и мелодии, но и в эмоциональной окраске, общей атмосфере и духе того времени [1].

Воздействие хип-хопа на формирование профессиональных направлений в уличном танце глубокое и многоаспектное. Ведущие фигуры этого жанра стали настоящими кумирами, создавая свои уникальные стили и техники, которые впоследствии были подхвачены другими танцовщиками. Новые направления, такие как крейк, поптинг и локинг, выделяют своеобразные взаимодействия с хип-хоп культурой, чем еще больше укрепляют синергию между музыкой и танцем.

Массовое распространение этих музыкальных стилей в средствах массовой информации и на улицах побуждало танцоров экспериментировать и развиваться. Музыкальные фестивали, баттлы и различные культурные мероприятия создавали платформы для самовыражения и обмена опытом, а танцоры использовали музыку как средство для взаимодействия с публикой, обеспечивая взаимное обогащение и множество новых интерпретаций.

Уличный танец в контексте музыкальных направлений обрел собственное звучание и стиль, который продолжается и сегодня. Танцоры строят свои движения на основе традиций и влияний, адаптируя их к современным реалиям. Эта динамика и обмен культурными кодами позволяют сохранять актуальность уличного танца на протяжении многочисленных изменений в музыкальном пейзаже.

Распространение уличных танцев произошло через множество путей, каждый из которых играл свою роль в формировании глобальной культуры движений. В на-

чале 1980-х годов, уличные танцы начали выходить за пределы американских городов, таких как Нью-Йорк и Лос-Анджелес, благодаря популярным шоу и фильмам, которые продемонстрировали танцевальные бои и выступления. В частности, телепередачи, как "Soul Train", и фильмы, такие как "Flashdance", открыли двери для международной аудитории и помогли танцам занять свое место на мировой сцене.

С развитием интернета и социальных медиа, доступ к уличным танцам стал не только проще, но и быстрее. Платформы, такие как YouTube и Instagram, стали местом, где танцоры из разных уголков мира могли делиться своими работами, обмениваться идеями и вдохновляться друг другом. Это привело к созданию виртуального сообщества, где любой желающий мог легко найти уроки, тренды и инструкции. Краткие видеоролики стали популярным форматом, позволяя танцам быстрее адаптироваться и охватывать различные культуры [2].

Влияние уличных танцев на международной арене также проявляется в многочисленных фестивалях и соревнованиях, которые привлекают участников и зрителей со всего мира. Такие события, как Red Bull BC One и Juste Debout, не только показывают мастерство танцоров, но и служат платформой для обмена культурными элементами и стилями. Эти мероприятия способствовали тому, что уличные танцы стали важной частью многих культурных программ и образовательных инициатив по всему миру.

Современные тенденции в уличном танце демонстрируют яркое взаимодействие с последними достижениями технологий и меняющимся социальным контекстом. Уличные танцы всё чаще просматриваются как форма популярного искусства, легко доступного для широкой аудитории. В медиа пространствах, таких как Instagram и TikTok, танцоры используют платформы, чтобы продемонстрировать свои навыки, предложить новые хореографии и установить личные стили. Эти площадки стали не просто источниками вдохновения, но и важными инструментами для продвижения отдельных танцоров, что позволило таким исполнителям как Jalaiah Harmon или Flex'n' (Victor Deforest) достичь широкой известности и коммерческого успеха.

С ростом популярности уличного танца произошла коммерциализация этого искусства. Бренды начинают массово сотрудничать с талантливыми хореографами и танцорами для создания вирусного контента, что делает уличный танец неотъемлемой частью рекламных кампаний. С подиумов известных модных домов до рекламных роликов, уличная хореография все чаще становится неотъемлемой частью современного маркетинга. Это вписывает уличные танцы в более широкий контекст ком-

мерческих интересов и экономической выгоды.

Шоу-бизнес также активно включает элементы уличной культуры. Кастинги и соревнования возросли в масштабе, что дает возможность талантливым танцорам выходить на большую сцену. Программы, такие как "World of Dance" и "So You Think You Can Dance", вводят элементы уличного танца в мейнстрим. Участие уличных танцоров в таких шоу не только поднимает их статус, но и предоставляет им уникальную платформу для самовыражения.

Вторичное использование элементов уличного танца в популярных музыкальных клипах создает тренды, формируя новый стиль, который созвучен современным трендам. Артисты, такие как Бейонсе или Джейти, активно интегрируют уличную хореографию в свои выступления, а также инициируют диалоги с танцорами, отражая современные веяния и стили [3].

Тем не менее, в этом контексте существует и определенная опасность – утрата идентичности уличного танца, который изначально служил способом самовыражения и протестом против устоявшихся норм. Рынок подстраивает стили под потребности аудитории, что иногда может приводить к искажению традиционных аспектов культуры и искусства.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что уличная танцевальная культура сегодня – многогранное явление, состоящее из многих направлений и охватывающее все уголки нашей планеты. Это глобальная многомиллионная индустрия, широко влияющая на моду, кинематограф, ставшая неотъемлемой частью жизни очень многих людей. История уличных танцев связана с сочетанием социальных условий, влияния музыки, традиций и роли организаций.

Главная социальная предпосылка к развитию уличного танца – поиск альтернативы уличному насилию и социальной изоляции. В условиях ограниченного доступа к культурным и спортивным учреждениям танец стал для молодежи способом самоутверждения, коммуникации и мирного соперничества. Молодые люди собирались вокруг спонтанной микросцены, где одни демонстрировали хореографические элементы, а другие бурно и эмоционально поддерживали. Постепенно стихийные группы объединялись, обменивались опытом, открывали новичкам секреты мастерства. Уличные танцы зарождались как единственный доступный способ выплеснуть эмоции (в том числе негативные), выразить своё отношение к миру и показать принадлежность к улицам, из которых вышли танцоры. Фильмы и документальные ленты сыграли ключевую роль в популяризации танцев, превратив локальные субкультуры в глобальные феномены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атитанова, Н.В. Танец как смысловая универсалия: от выразительного движения к «движению» смыслов: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук: спец. 24.00.01 / Атитанова Наталья Васильевна. - Саранск, 2000. - 18 с.
2. Бебик, М. История и основные принципы танцевально-двигательной терапии / М. Бебик // Танцевально-двигательная терапия. - М., 1997. - Вып. 2. - С.6-11.
3. Васенина, Е. Российский современный танец. Диалоги / Е. Васенина. - М.: Запасный выход, 2005. - 268 с.
4. Галкин, Д.В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей. / Д. В. Галкин // Международный журнал исследований культуры. - 2012. - № 3 (8).
5. Григорьянц, Т.А. Культурно-исторический анализ феномена пластических искусств: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии: 24.00.01 / Григорьянц Татьяна Александровна. - Кемерово, 2004. - 21 с.
6. Жиленко, М.Н. Танец как форма коммуникации в социокультурном пространстве: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии: 24.00.01 / Жиленко Мария Николаевна. - М., 2000. - 22 с.

© Таран Андрей Олегович (taran001@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА И СЮЖЕТНО-ОБРАЗНЫЕ РЕШЕНИЯ ЭЙЗЕНШТЕЙНА

Тельтевский Илья Алексеевич

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна
oranta.pietary@gmail.com

CINEMATOGRAPHIC INTERPRETATION OF THE HISTORICAL ERA: EISENSTEIN'S ARTISTIC MEANS AND PLOT-IMAGE SOLUTIONS

I. Teltevskii

Summary: This article analyzes the unique approach of Soviet director S.M. Eisenstein to depicting historical events and figures in motion pictures. This approach is examined within the context of the early 20th-century Soviet cinematography, which involved a departure from pre-revolutionary traditions and the formation of a new ideology in cinematic art. The study presents a critical review of the scholarly literature on Eisenstein's legacy, focusing on the director's innovative montage theories and their influence on world cinema. Central to the work is an art historical analysis of Eisenstein's leading films, including "Strike," "October," "Battleship Potemkin," "The General Line," "Ivan the Terrible," and "Alexander Nevsky." The article analyzes the artistic and expressive means developed by Eisenstein (montage of attractions, intellectual and dynamic montage, light and shadow, frame composition, sound, and music) and his plot-imagery solutions (deep psychological exploration of historical figures, creation of collective images of the masses). The article emphasizes that Eisenstein viewed cinema as a tool for both reconstructing and simultaneously constructing history, as well as for ideological influence on public masses and shaping historical consciousness within his era.

Keywords: Eisenstein, Soviet cinema, film interpretation, historical epoch, montage, artistic means, plot-imagery solutions, ideological influence.

Аннотация: В статье анализируется уникальный подход советского режиссера С.М. Эйзенштейна к изображению исторических событий и личностей в кинофильмах. Данный подход рассматривается в контексте развития советского кинематографа начала XX столетия, который был связан с отходом от дореволюционных традиций и формированием новой идеологии в киноискусстве. В исследовании представлен обзор научной литературы, посвященной наследию Эйзенштейна, акцентируется внимание на новаторских монтажных теориях режиссера и их влиянии на мировой кинематограф. Центральное место в работе занимает искусствоведческий анализ ведущих произведений Эйзенштейна, среди которых: «Стачка», «Октябрь», «Броненосец «Потемкин», «Генеральная линия», «Иван Грозный», «Александр Невский». Анализируются разработанные Эйзенштейном художественно-выразительные средства (монтаж аттракционов, интеллектуальный и динамический монтаж, звук и музыка, свет и тень, композиция кадра, звук и музыка) и сюжетно-образные решения (глубокое психологическое исследование исторических личностей, создание собирательных образов масс). В статье подчеркивается, что Эйзенштейн воспринимал кинематограф как инструмент для реконструкции и одновременно конструирования истории, а также для идеологического влияния на общественные массы и формирования исторического сознания в рамках своей эпохи.

Ключевые слова: Эйзенштейн, советский кинематограф, интерпретация кино, историческая эпоха, монтаж, художественные средства, сюжетно-образные решения, идеологическое воздействие.

Введение

Начало XX столетия в России было связано с серьезными политическими, общественными и культурными преобразованиями. Революционные события 1905, а особенно 1917 годов в корне поменяли социальное устройство. После Октябрьской революции появилась советская идеология, которая способствовала возникновению совершенно новых форм культуры и художественного творчества. В это время активно развивался такой молодой вид искусства, как кинематограф. Изменения, произошедшие в обществе, в первую очередь, затронули именно его.

Кино в Российской империи было представлено,

главным образом, историческими костюмированными драмами, экранизациями классической литературы и мелодрамами. Дореволюционное кино отличалось излишней иллюстративностью и театральной условностью. Тем не менее, еще в царское время режиссеры стремились к поиску новых художественно-выразительных средств, пытались экспериментировать с камерой и монтажом.

После Октябрьской революции 1917 года перед деятелями культуры, в том числе режиссерами, государство поставило задачу создания в искусстве нового человека и общества. Художественные произведения стали восприниматься как рупор идеологии, инструмент воспитания и просвещения масс. В эту сложную и динамичную

эпоху зарождается и интенсивно развивается советская кинематографическая школа, жаждущая отойти от буржуазных традиций и создать совершенно новое – революционное – искусство. Среди режиссеров в это время наиболее ярко проявляют себя: Дзига Вертов, Всеволод Пудовкин, Лев Кулешов и Сергей Эйзенштейн. Каждый из них по-своему переосмысливал возможности и роль кинематографического искусства. Однако все они особое внимание уделяли исторической теме, так как советское государство нуждалось в актуальной интерпретации прошлого в соответствии с марксистско-ленинской идеологией, в создании новых мифов и героизированных образов, которые вдохновляли бы народные массы на строительство коммунистического государства [1]. Поэтому искусство Сергея Эйзенштейна и его уникальный подход к интерпретации исторических личностей приобрели особую значимость. Новаторство режиссера было, в первую очередь, в том, что он не просто реконструировал прошлое, но и заново создавал его, применяя кинематограф как мощное средство формирования исторического сознания.

Обзор научной литературы по теме исследования

Исторические фильмы Сергея Эйзенштейна стали предметом интереса многих исследователей в области советского и мирового кинематографа. Существует довольно обширный пласт научных работ, анализирующих как художественно-выразительные средства, так и сюжетно-образные решения творений режиссера.

Одним из первых глубоко и всесторонне проанализировал биографию, творческий путь и ключевые работы Эйзенштейна советский критик В.Б. Шкловский. В своей работе, опубликованной в 1973 году, он дал серьезную и обстоятельную оценку искусству Эйзенштейна. Особое внимание исследователь уделил рассмотрению новаторского характера монтажных приемов режиссера [2].

С точки зрения понимания новаторства Эйзенштейна интерес представляет монография А.В. Караганова, изданная в 1973 году. Она посвящена жизни и творчеству другого советского режиссера – Всеволода Пудовкина, однако в ней приводится сравнительный анализ искусства Пудовкина и Эйзенштейна, выявляются общие черты и различия между творческими концепциями двух ведущих фигур советского кино. Караганов подчеркивает, что оба режиссера уделяют важное внимание воссозданию революционных событий. Однако он говорит о том, что Эйзенштейн показывает движение масс, а Пудовкин – судьбу конкретного человека в революционной динамике. Также Караганов отмечает, что оба деятеля экспериментировали с монтажом. Однако, по словам исследователя, Пудовкин воспринимал монтаж как постепенное сцепление фрагментов, друг за другом развивающих основную мысль, а Эйзенштейн представ-

лял монтаж не как последовательное сцепление кусков, а как их столкновение [3].

Крупный вклад в изучение кинематографического искусства Эйзенштейна внесла работа С.И. Фрейлиха «Теория кино: от Эйзенштейна до Тарковского», изданная в 1975 году, который подчеркнул важнейшую роль Эйзенштейна в развитии не только советского, но и мирового кинематографа. Интересно, что в глазах многих исследователей Эйзенштейн, в первую очередь, новатор, в то время как Фрейлих, отмечая новаторство и экспериментаторство режиссера, считает его и классиком, заложившим основы и традиции, на которые будут опираться последующие поколения кинематографистов [4].

В современной науке интерес к искусству Эйзенштейна не утихает. Многие искусствоведы, киноведы, культурологи, кинокритики исследуют разные грани творческого наследия и значения режиссера в развитии отечественного и мирового кинематографа.

Достаточно глубоко искусство Эйзенштейна проанализировано в работе Н.Б. Кирилловой. Исследователь анализирует творчество режиссера с двух сторон: как новатора реформатора, изобретателя языка «интеллектуального кино», так и родоначальник кинематографической мифологии [1].

Большой интерес представляет статья О.А. Ковалова, в которой Эйзенштейн рассматривается не только как творческая личность, но и как человек. Автор поднимает очень значимые аспекты, касающиеся стилистики и творческого метода режиссера. Ковалов считает, что Эйзенштейн – противоречивый и эклектичный мастер. Ковалов полагает, что у него нет единого стиля, однако присутствует «целесообразность конструкций», которая все же объединяет разрозненные элементы в нечто целостное. Исследователь подчеркивает, что даже оформление жилища выглядело очень эклектичным и сочетало совершенно разные стили. Однако Ковалов считает, что именно в отсутствии единой стилистики, в хаотичном «монтаже» приемов и была новаторская ценность кинематографического языка Эйзенштейна, который проложил дорогу для дальнейшего свободного развития искусства кино. Кроме того, исследователь значимую роль искусства Эйзенштейна в том, что в завуалированных формах обращался к архаичным прототипам культуры и мотивам древних мифологий [5].

Н.А. Хренов рассматривает искусство Эйзенштейна с необычного ракурса – семиотического. Исследователь высказывает мысль о том, что для режиссера семиотическая область являлась очень важной на интуитивном уровне, так как он воспринимал язык кинематографа как знаковую систему и с помощью выразительных, «говорящих» символов создавал подлинные метафоры и аллегории.

рии в своих исторических кинокартинах [6].

Для понимания новаторского языка Эйзенштейна важна научная статья Е.А. Русиновой. Исследователь раскрывает суть одного из ключевых в искусстве Эйзенштейна приемов, который он разработал и стал применять на практике. Этот прием называется «звукозрительный контрапункт» и представляет собой контрапунктическое соединение изображения и звука. Русинова считает, что изобретение данного приема режиссером сыграло важнейшую роль в последующем развитии кинематографа во всем мире [7].

Анализ ключевых произведений С.М. Эйзенштейна

Сергей Эйзенштейн был одновременно теоретиком и практиком. Он разработал собственную кинематографическую концепцию, касающуюся как художественно-выразительных средств, так и сюжетно-образных решений. Эту концепцию он активно применил на практике, сняв свои наиболее знаковые исторические фильмы. Подход режиссера к интерпретации исторических событий отличался глубиной, выразительностью и новаторством. Рассмотрим ключевые кинокартины Эйзенштейна разных лет, в которых наиболее ярко воплотились его экспериментальные разработки в области кинематографии.

В 1924 году вышел фильм Эйзенштейна «Стачка». Данная работа явилась своего рода пробной, которая заложила основу для дальнейшего развития творческого метода режиссера. В центре данного кино лежат не масштабные исторические события, а локальный эпизод недавнего революционного прошлого. Здесь впервые продемонстрированы эксперименты Эйзенштейна с так называемым «монтажом аттракционов». Режиссер включает в свое кинополотно шокирующие, драматичные, эмоционально заостренные образы с целью передачи напряженности классовой борьбы и жестокости царского режима. Эйзенштейн не показывает конкретных героев со своими индивидуальными чертами, а воплощает собирательный образ рабочих масс. Ужасающие сцены расстрела, чередующиеся с кадрами забиваемого быка, выступают выразительным примером метафорического монтажа [3]. С помощью указанного монтажного приема автор искусно проводит аналогию между убийством животного и подавлением человеческой жизни, что вызывает у зрителя чувство сильного эмоционального потрясения. Эйзенштейн, обращаясь к выражению идеологических принципов, делает это не с помощью прямолинейных лозунгов, а очень тонко, художественно, и это является характерной особенностью его кинематографического языка.

Через год после «Стачки» – в 1925 году – вышел следующий фильм режиссера – «Броненосец «Потемкин»»,

1925, художественный фильм, Госфильмофонд России, Москва. Эта работа стала хрестоматийным образцом «эйзенштейновского» монтажа. Кроме того, кинокартина признана важной вехой в развитии мирового кинематографа. Здесь представлено знаменитое историческое событие – восстание на броненосце «Потемкин», произошедшее в 1905 году. Конкретный эпизод из истории Первой русской революции превращен Эйзенштейном в эпическую драму о народном гнев и борьбе за свободу. Центральный момент – сцена на Одесской лестнице – подлинный шедевр динамического монтажа. Применение резких, коротких кадров, чередование крупных планов лиц персонажей и солдатских сапог, изменение ракурсов, аллегорическое изображение коляски, которая неуклонно катится по ступеням, создают атмосферу паники, жестокости, хаоса [3]. Режиссер работает в нескольких смысловых планах. С одной стороны, он воссоздает определенное историческое событие. С другой стороны, конструирует эмоциональное содержание в соответствии со своим авторским видением, с помощью которого ему удается заставить зрителя пережить чувства ужаса и несправедливости, которые испытывают герои фильма. Кинокартина демонстрирует способность Эйзенштейна применять монтаж для создания сильного эмоционального воздействия и формирования конкретного взгляда на исторические события [1].

В 1927 году режиссер представил общественности картину «Октябрь», посвященную Октябрьской революции 1917 года. В этом фильме автор применяет прием «интеллектуального монтажа» [4]. Он не просто показывает исторические события, а в метафорической форме раскрывает их идеологический смысл. Эйзенштейн воплощает здесь ряд ярких и выразительных аллегорий: маятник часов, символизирующий ход истории, статую царя, которую народ сбрасывает с пьедестала. В этих метафорах режиссер выражает идеи краха старого мира и рождения нового. Кроме того, в рассматриваемой кинокартине Эйзенштейн использует типографические кадры, включая в ткань фильма лозунги и цитаты, что акцентирует внимание на его пропагандистском характере. Таким образом, фильм «Октябрь» демонстрирует уникальный подход режиссера к кинематографу как к инструменту, необходимому не только для изображения истории, но и для ее индивидуального интерпретирования, а также идеологического оформления.

В 1929 году увидел свет фильм Эйзенштейна «Генеральная линия» (второе название – «Старое и новое»). Данное произведение посвящено процессу коллективизации и затрагивает значимый исторический период в жизни советской деревни. Режиссер вновь обращается здесь к языку метафор, чтобы в символической форме изобразить борьбу новых реалий (коллективное хозяйство) с архаичным укладом (индивидуальное крестьянское хозяйство). Автор показывает сцены с применени-

ем новой техники – сеялок, тракторов – как торжество прогресса. Для создания наиболее выразительного контраста между старым и новым он использует образы природы, животных, земли, показанные в разных ракурсах. Данный фильм демонстрирует виртуозное мастерство Эйзенштейна в воплощении визуальных метафор, через которые передаются сложные общественные и экономические процессы [1].

В 1938 году вышел один из самых блестящих шедевров Эйзенштейна – «Александр Невский». Он был снят в преддверии Второй мировой войны, когда уже во всем мире ощущалась некая угроза, и был призван усилить патриотические чувства советского народа. Режиссер обращается в нем к историческому событию, произошедшему в XIII веке, – Ледовому побоищу, связанному с именем князя Александра Невского. Здесь автор создает героизированный образ выдающегося полководца и великого защитника Руси. В кинокартине мастерски показаны эпические батальные сцены. Режиссер применяет эффектный контраст между светлым началом, представленным величественным обликом русских воинов, и темными силами, воплощенными в угрожающем образе тевтонских рыцарей [2]. Особую роль в фильме играет музыкальное сопровождение выдающегося советского композитора – С.С. Прокофьева. Оно подчеркивает и усиливает драматическую атмосферу кинокартины. Важно отметить, что Эйзенштейн уделяет внимание не только массовым сценам, но и крупным планам, благодаря чему зритель имеет возможность считывать глубокие чувства и мысли героев. В фильме «Александр Невский», интерпретируя историю в русле государственного заказа, создает настоящий героический эпос.

Уже в военное время – в 1944 году – вышла первая часть не менее выдающегося, чем «Александр Невский», шедевра С.М. Эйзенштейна – фильм «Иван Грозный». В этом монументальном кинопроекте отчетливо прослеживается дальнейшая эволюция стилистики режиссера. Здесь он обращается к личности царя Ивана IV Грозного, глубоко исследуя его психологию и внутренние противоречивые конфликты. Эйзенштейн обращается к театрализованным мизансценам, усложненным по композиции кадрам, эффектной игре света и тени [2]. Через все эти художественные приемы автор создает ощущение величия, трагизма и психологического нездоровья личности Ивана Грозного. Особое внимание Эйзенштейн уделяет символике цвета (черного и белого). Центральное место в композиции кинополотна занимают крупные планы лица Ивана, выражающие его внутренние терзания. Картина «Иван Грозный» – это не просто реконструкция событий эпохи Ивана IV, а глубокое психологическое исследование личности сурового правителя в контексте исторических событий.

В 1945 году была выпущена вторая часть дилогии

«Иван Грозный». Если первая часть посвящена приходу к власти Ивана IV и расцвету его царствования, то во второй представлен поздний период его правления и боярский заговор. Во второй части еще глубже раскрывается образ Ивана Грозного. Здесь Эйзенштейн активно экспериментирует с цветом, предвосхищая появление цветного кино. В сценах пира опричников их фигуры представляются с контрастными цветовыми сочетаниями и экспрессивными движениями, в результате чего создается ощущение безумия и жестокости. Вторая часть фильма характеризуется еще большей психологической сложностью и раскрывает одновременно деспотичную природу Грозного и его одиночество [2]. Эйзенштейн применяет статичные, монументальные композиции, подчеркивая величие и в то же время изолированность главного героя. Вторая часть дилогии может восприниматься как самостоятельное произведение. Она – одна из самых смелых и новаторских работ режиссера, выявляющих его стремление к символизму и глубокому психологизму в историческом кино.

Заключение

Искусство С.М. Эйзенштейна – самобытный феномен в истории не только отечественного, но и мирового кинематографа, главным образом, в контексте интерпретации истории. Он воссоздавал историческое прошлое и одновременно додумывал его, наполняя новыми эмоциональными нюансами и смыслами в соответствии со своим авторским видением и идеями эпохи. В то же время режиссер использовал кинематограф как эффективное средство одновременно идеологического воздействия, эмоционального влияния и эстетического переосмысления.

Главным инструментом Эйзенштейна стал монтаж. От раннего «монтажа аттракционов» в «Стачке», призванного эмоционально воздействовать на зрителя и даже шокировать, до «динамического монтажа» в картине «Броненосец «Потемкин»», создающего атмосферу драматизма и хаоса, и далее к «интеллектуальному монтажу» в фильме «Октябрь», где образы служили средством для выражения абстрактных идей, Эйзенштейн постоянно развивал и углублял свои монтажные концепции. Эксперименты режиссера с монтажом позволяли ему не только показывать последовательность событий, но и выстраивать ассоциативные ряды, воплощать метафоры, выражать эмоциональное состояние масс и индивидуальные переживания персонажей.

Помимо монтажа, Эйзенштейн применял и другие художественно-выразительные средства. Он искусно работал с композицией кадра, светотенью, воплощая выразительные, часто монументальные визуальные образы. В фильме «Александр Невский» это отражено в героизации русского воинства и демонизации врага с

помощью контрастных образов и символики цвета. В картине «Иван Грозный» сложные мизансцены, игра света и тени, помогают раскрыть внутренний мир деспотичного царя. Звуковой фон и музыкальное сопровождение также играют важную роль в создании драматической атмосферы.

Сюжетно-образные решения режиссера всегда были подчинены главной идее. В ранних фильмах, связанных с революционными событиями, он воплощал собирательные образы народных масс, сводя к минимуму роль индивидуализированных персонажей в пользу коллектива. Это давало ему возможность акцентировать внимание на силе и значимости массовых движений. В более поздних произведениях, таких как «Александр Невский» и «Иван Грозный», Эйзенштейн отдает предпочтение созданию образа конкретной личности с ее индивидуальными психологическими особенностями. В обоих фильмах он выводит фигуру исторического лидера, изучая его внутренний мир, мотивы поступков и влияние на ход истории. Однако в этих работах он продолжает создавать метафоры и не пытается досконально копировать исторические события. Главная его цель – воплощение архетипических образов.

Следует отметить, что толкование истории у Эйзенштейна всегда было тесно сопряжено с идеологическим контекстом своей эпохи. Его кинокартины были не просто произведениями искусства, а и мощными инструментами государственной пропаганды. Он мастерски

использовал исторические события для формирования общественных настроений в русле идеологии. Однако, несмотря на политизированный характер, его произведения обладают высокой художественной ценностью. Эйзенштейн сумел вывести кинематограф на новый этап развития, продемонстрировав его огромный потенциал в качестве инструмента познания и интерпретации истории.

Говоря о вкладе С.М. Эйзенштейна в кинематографическую интерпретацию истории, следует выделить следующие моменты. Режиссер разработал и применил новаторские монтажные приемы, которые способствовали кардинальной трансформации киноязыка. Он использовал широкий набор художественно-выразительных средств для воплощения глубоких, эмоционально наполненных и выразительных образов. Эйзенштейн показал, каким образом кинематограф можно использовать для формирования исторического сознания и идеологического влияния. Кроме того, режиссер создал эпические картины, которые стали классикой мирового кино и оказали колоссальное воздействие на следующие поколения кинематографистов. Произведений Эйзенштейна до сих пор актуальны для изучения не только истории кино, но и восприятия прошлого, а также для понимания взаимосвязи искусства, общества и идеологии. Режиссер оставил после себя не только великие произведения, но и глубокий теоретический фундамент, который продолжает и в наше время вызывать исследовательский интерес у ученых и вдохновлять деятелей кинематографа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кириллова Н.Б. Сергей Эйзенштейн: революционер в экранной культуре и мифотворец // Известия Уральского федерального университета. 2017. Т. 23. № 3 (165). С. 149-157.
2. Шкловский В.Б. Эйзенштейн. 2-е изд. М.: Искусство, 1976. 296 с.
3. Караганов А.В. Всеволод Пудовкин. М.: Искусство, 1973. 232 с.
4. Фрейлих С.И. Теория кино: от Эйзенштейна до Тарковского» (учеб. для студентов вузов). 3-е изд. М.: Акад. Проект: Альма Матер, 2005. 407 с.
5. Ковалов О.А. Коллаж «Эйзенштейн»: к вопросу о восприятии личности и творчества кинорежиссера // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып.1.
6. Хренов Н.А. Эстетика С.М. Эйзенштейна в семиотическом ракурсе // Вестник ВГИК. 2015. № 1 (23). С. 8-25.
7. Рушинова Е.А. Идеи С.М. Эйзенштейна в контексте современного киноискусства. Звукозрительный контрапункт // Вестник ВГИК. Т. 11. № 3 (41). С. 10-16.

© Тельтевский Илья Алексеевич (oranta.pietary@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ПСИХОТЕРАПИИ ПРИ РАБОТЕ С ПОГРАНИЧНЫМ РАССТРОЙСТВОМ ЛИЧНОСТИ

Алехин Анатолий Николаевич

д-р мед. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
termez59@mail.ru

Исагулова Елена Юрьевна

канд. псих. наук, директор, НМУ «Клинический центр психического здоровья»
9477877@gmail.com

EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF DIFFERENT TYPES OF PSYCHOTHERAPY IN WORKING WITH BORDERLINE PERSONALITY DISORDER

**A. Alekhin
E. Isagulova**

Summary: The article highlights the current state of the problem of the effectiveness of different types of psychotherapy in working with borderline personality disorder, based on the results of contemporary research examining the psychocorrective effects of mentalization-based, transference-oriented, schema-oriented, dialectical behavioral therapy, and acceptance and commitment therapy on reducing the severity of symptom severity of borderline personality disorder.

It is found that comprehensive, long-term psychotherapy may be a useful form of treatment for people with borderline personality disorder. Each of the psychotherapy methods analyzed significantly reduces the severity of borderline psychopathology, but the predominance of the effectiveness of one over the others has not been proven.

The main conclusion may be that any recommended psychotherapeutic treatment provided in an individualized manner may be beneficial. Comprehensive, long-term psychotherapy is probably the most useful form of treatment for people with PPL. However, less intensive and less costly complementary forms of treatment need to be developed. To increase the strength of the evidence, future research in this area should focus on standardizing treatment components and protocols, improving intervention fidelity, and selecting common outcome measures to measure the severity of PDP and related symptoms.

Keywords: borderline personality disorder, psychotherapy, psychocorrection, dialectical-behavioral therapy, acceptance and commitment therapy, schema therapy, dynamic psychotherapy, cognitive-behavioral therapy.

Аннотация: Статья освещает современное состояние проблемы эффективности применения различных видов психотерапии при работе с пограничным расстройством личности, основанное на результатах современных исследований, посвященных изучению психокоррекционного влияния психотерапии, основанной на ментализации, ориентированной на перенос, ориентированной на схемы, диалектической поведенческой терапии и терапии принятия и приверженности, на снижение тяжести выраженности симптоматики пограничного личностного расстройства.

Установлено, что комплексная, долгосрочная психотерапия может быть полезной формой лечения для людей с пограничным расстройством личности. Каждый из анализируемых методов психотерапии существенно снижает тяжесть пограничной психопатологии, но преобладание эффективности одного из них перед другими не доказано.

Главный вывод может заключаться в том, что любое рекомендованное психотерапевтическое лечение, предоставляемое индивидуальным образом, может быть полезным. Комплексная, долгосрочная психотерапия, вероятно, является наиболее полезной формой лечения для людей с ПРЛ. Однако необходимо разработать менее интенсивные и менее дорогостоящие дополнительные формы лечения. Чтобы повысить силу доказательств, будущие исследования в этой области должны быть сосредоточены на стандартизации компонентов и протоколов лечения, повышении точности вмешательства и выборе общих показателей результатов для измерения тяжести ПРЛ и связанных с ним симптомов.

Ключевые слова: пограничное расстройство личности, психотерапия, психокоррекция, диалектико-поведенческая терапия, терапия принятия и приверженности, схема-терапия, динамическая психотерапия, когнитивно-поведенческая терапия.

Введение

Пограничное расстройство личности (ПРЛ) является наиболее распространенным расстройством личности, затрагивающим 1,8% населения в целом, 10% амбулаторных и 15%-25% стационарных пациентов психиатрических клиник [34]. Лица с ПРЛ страдают тяжелыми и стойкими функциональными нарушениями, включая высокие показатели коморбидных психических расстройств, употребления психоактивных веществ,

преднамеренного самоповреждения и суицидальных мыслей. Симптомы ПРЛ часто впервые появляются в подростковом возрасте [31]. Хотя у большинства людей с ПРЛ наблюдается улучшение симптомов в более зрелом возрасте и около 85% из них достигают диагностической ремиссии в течение 10 лет после постановки диагноза, но специфические симптомы, такие как страх быть покинутым, импульсивность, сильный гнев и нестабильная самооценка, могут сохраняться в течение всей жизни [26]. Люди с ПРЛ также часто страдают от других

психических расстройств, включая депрессию, тревожность, посттравматическое стрессовое расстройство, расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ, и расстройства пищевого поведения. Они часто сталкиваются с социальной стигмой, имеют низкие социальные и профессиональные достижения, что обуславливает значительный риск смерти от суицида [14].

В клинической практике пациенты с ПРЛ часто лечатся только фармакопрепаратами или в сочетании с психотерапией. Тогда как практические руководства рекомендуют использовать психотерапию при ПРЛ в качестве лечения первой линии. Для расстройств личности доступно множество методов лечения – от разговорной терапии до медикаментозного лечения. Наиболее часто рекомендуют применять:

1. Диалектико-поведенческая терапия (ДПТ) – комплексная система когнитивно-поведенческой терапии, предназначенная для лечения сложных, трудно поддающихся терапии личностных и поведенческих расстройств.
2. Терапия, основанная на ментализации (MBT) – психодинамическое лечение, основанное на теории привязанности и когнитивной теории. Лечение состоит из еженедельной комбинированной индивидуальной и групповой психотерапии, фокусирующейся на сильных сторонах и неудачах ментализации, связанных с аффективными, импульсивными и межличностными симптомами ПРЛ [10].
3. Системный тренинг эмоциональной предсказуемости и решения проблем (STEPPS) – это групповое лечение, которое сочетает в себе элементы когнитивного поведения и обучение навыкам с системным компонентом для лиц, с которыми пациент регулярно взаимодействует.
4. Динамическая психотерапия (ДПТ) известная под названиями психодинамическая или психоаналитическая психотерапия, объединяет несколько видов психотерапии, сформированных на основе психоанализа и экзистенциальной психологии [2]. Во главу понимания психических процессов и поведения личности динамическая психотерапия ставит сферу бессознательного и глубоко спрятанный в ней опыт прошлой жизни, начиная с детского, иногда даже младенческого возраста [17].
5. Терапия, фокусирующаяся на переносе (ТФП) – это особый вид психодинамической терапии, которая делает акцент на отношениях и исследовании бессознательных конфликтов и эмоций
6. Схема-терапия сосредотачивается на выявлении и изменении «схем», а также на поддержании здоровых стратегий выживания. Один из ключевых принципов схема-терапии – это работа с основными убеждениями или «схемами», которые формируются в раннем детстве и влияют на мышление,

эмоции и поведение во взрослой жизни. Схемы включают в себя негативные убеждения о себе, других людях и мире в целом [4].

7. Терапия принятия и обязательств (АСТ) использует различные упражнения, чтобы помочь человеку сделать жизненный выбор, соответствующий его личным ценностям, и в то же время дистанцировать его от принятия решений, основанных на избегании опыта или социальном давлении.
8. Интерперсональная (межличностная) психотерапия (ИПТ) – психотерапия, являющаяся краткосрочной, высокоструктурированной, конкретно сфокусированной психотерапией, основанной на рабочем принципе «здесь и сейчас» и направленная на разрешение проблем текущих межличностных взаимоотношений.
9. Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) – это одна из наиболее популярных форм психологической терапии, основанная на коррекции когнитивной и поведенческой сферы человека. Главной мишенью этой формы психологической работы являются эмоциональные и поведенческие реакции человека, при которых страдают отношения с окружающими, качество его жизни, личностное, внутреннее благополучие [3].
10. Когнитивная терапия, основанная на осознанности (МВСТ), использует методы КПТ в сочетании с медитативными практиками осознанности и аналогичными психологическими стратегиями [1].

Оценка процесса, используемого для синтеза доказательств в клинических практических руководствах, позволяет определить надежность рекомендаций. Но степень, в которой руководства основаны на доказательствах, различается: недавнее исследование показало, что более половины руководств по клинической практике используют несистематические методы для обоснования рекомендаций [24], что ставит под угрозу обоснованность и надежность доказательств, и приводит к потенциально вводящим в заблуждение и ненадежным результатам. Кроме того, методы психотерапии, часто используемые для лечения ПРЛ, достаточно многочисленны, тогда как сравнение эффективности каждой отдельной психотерапии по сравнению с другими методами практически не проводилось. В связи с этим **целью** данного систематического обзора является анализ и критическая оценка существующих научных исследований о выявлении эффективности различных видов психотерапии при работе с ПРЛ.

Материалы и методы исследования

Сочетая расширенный перечень ключевых слов, связанных с терминами «пограничное расстройство личности» и «психотерапия» был проведен поиск публикаций научных исследований (рандомизированные контроли-

руемые испытания (РКИ) и исследования с группой сравнения, а также более ранние систематические обзоры) в системах Scopus, PubMed, MedLine, The Cochrane Library, eLIBRARY, CyberLeninka, РИНЦ с временным ограничением 10 лет (2015-2024 гг.) без привязки к языку.

Критерием включения в исследования был возраст пациентов 13 лет и старше, наличие диагноза ПРЛ. Включенные в исследование психотерапии были определены как подходящие для включения экспертами APA и используемые для лечения ПРЛ: ДПТ, MBT, STEPPS, ТФП, схема (схематическая) терапия, терапия отказа, АСТ, ИПП, МКТ, КПТ, MBKT, MOTR и их комбинации. Результаты, представляющие интерес, включали улучшение симптомов, специфичных для ПРЛ (например, аутоагрессия, попытки суицида, депрессия, тревожность, импульсивность, эмоциональная регуляция, диссоциативный опыт, безнадежность), глобальную клиническую оценку, социальное функционирование и неблагоприятные жизненные события.

Результаты исследования и их обсуждение

В 2020 году был обновлен Cochrane обзор по психологической терапии для людей с ПРЛ [33]. С момента публикации предыдущей версии в 2012 году число соответствующих исследований увеличилось более чем вдвое, а обзор 2020 года включал 75 рандомизированных контролируемых исследований (РКИ). Обзор Cochrane 2020 года поддерживает основную роль психотерапии в лечении ПРЛ. В частности, наблюдалось клинически значимое снижение тяжести симптомов ПРЛ с помощью психотерапии, специфичной для расстройства любого вида, по сравнению с обычным лечением (0,52, $n = 22$ РКИ, 1244 участника), а также были получены доказательства превосходства с точки зрения самоповреждения ($n = 13$ РКИ, 616 участников), исходов, связанных с самоубийством ($n = 13$ РКИ, 666 участников) и психосоциального функционирования ($n = 22$ РКИ, 1314 участников). Хотя в РКИ было исследовано большое количество методов лечения, большая их часть была оценена только в одном исследовании. Если доказательства ограничены, их следует интерпретировать осторожно, особенно если размер наблюдений очень мал (только 5 из 75 исследований обзора включали 100 или более участников). В целом если доступно только одно исследование, уверенность в доказательствах обычно имеет очень низкий уровень. В связи с чем обзор Cochrane 2020 не обнаружил четких различий между различными видами психотерапии для лечения ПРЛ.

По данным систематического обзора Rameckers S.A. et al. все виды психотерапии оказались эффективными в снижении общей симптоматики ПРЛ, с уровнем эффекта от среднего до большого. Через год наибольшее улучшение было обнаружено для общей тяжести ПРЛ, за ко-

торой следует аффективная нестабильность. Наименьшее улучшение было обнаружено для диссоциации, импульсивности, гнева и суицидальности [28]. Wong J. et al. [35] в опубликованном систематическом обзоре отмечают что психотерапия привела к значительным краткосрочным улучшениям симптоматики ПРЛ после лечения, но не при последующем наблюдении. Не было никакой значительной разницы в эффективности лечения между экспериментальной и контрольной группами в целом. Психотерапия снизила частоту несуйцидального самоповреждения, но не попыток самоубийства.

Из включенных в систематический обзор Crotty K. et al. [13] исследований, в 18 публикациях сравнивались девять широко используемых психотерапий с ПРЛ, в 14 публикациях сравнивали 8 широко используемых психотерапий с другими видами психотерапии для лечения ПРЛ. Среди включенных психотерапий ДПТ был включен в качестве исследуемой группы в 12 исследований, MBT – в 5 исследований, STEPPS, схема-терапия и психотерапия, ориентированная на перенос, – в 4 исследованиях, а мануальная поддерживающая терапия – в 3 исследованиях. В целом, включенные испытания предоставили данные по 2545 участникам. В исследованиях преимущественно участвовали женщины (более 80% участников в 21 из 25 исследований). Более чем в половине исследований не сообщалось о расе или этнической принадлежности. Продолжительность исследований варьировалась от 12 недель до 3 лет, за исключением одного исследования, в котором было 6 сеансов в течение 6-8 недель. В целом, авторы обнаружили низкую силу доказательств в пользу ДПТ, умеренную или низкую – в пользу STEPPS, очень низкую достоверность доказательств – в пользу ДДП, по сравнению с обычно применяемой в психиатрии терапией для лечения ПРЛ. После 12 месяцев лечения исследование не выявило существенных различий между группами по тяжести ПРЛ, тяжести симптомов, общему впечатлению и функционированию и при сравнении MBT с обычным терапевтическим подходом. РКИ ($n = 569$) оценили эффективность схематерапии в сравнении с контролем, с противоречивыми результатами, согласно которым в одном исследовании не было выявлено статистически значимой разницы между методами терапии в снижении пограничных симптомов [15], тогда как в другом – выявлена существенная динамическая разница в пользу схематерапии [20]. Включенное в анализ исследование показало значительное снижение частоты и тяжести преднамеренного самоповреждения у участников группы МАСТ по сравнению с контролем после 6 месяцев лечения.

Одно нерандомизированное клиническое исследование ($n = 90$) сравнило эффективность ДПТ с MBT для ПРЛ [8]. Другое не РКИ ($n = 72$) сравнило ДПТ с STEPPS [18]. Трехгрупповое РКИ оценило эффективность ДПТ ($n = 25$) с ДДП ($n = 27$) и контролем у 68 пациентов с ПРЛ [16].

Трехгрупповое РКИ ($n = 62$) оценило ДПТ с психотерапией, ориентированной на перенос, и с поддерживающей терапией. Три РКИ сравнивали MBT с поддерживающей терапией [9, 12, 21]. В совокупности эти исследования предоставили данные по 317 участникам. В этих исследованиях сообщалось о множественных результатах, включая тяжесть ПРЛ, симптомы и глобальное функционирование. Однако для каждого сравнения достоверность доказательств была оценена как очень низкая, что не позволило сделать значимые выводы. Таким образом, Crotty K. et al. [13] не обнаружили существенных различий между анализируемыми методами психотерапии так как было представлено недостаточно доказательств их эффективности.

Среди отдельных методов лечения статистически значимые оценки эффекта, подкрепленные доказательствами с низкой достоверностью, были найдены в систематическом обзоре Stoffers-Winterling J.M. et al. [32] только для ДПТ (самоповреждение, психосоциальное функционирование) и MBT (самоповреждение, результаты, связанные с самоубийством). Качество доказательств для некоторых дополнительных методов лечения было хорошим, среднего качества полезных эффектов групп обучения навыкам ДПТ (ДПТ-ST). на основные результаты тяжести ПРЛ и психосоциального функционирования.

В систематический обзор Setkowski K. et al. [30] было включено в общей сложности 43 исследования ($n = 3273$). Авторы обнаружили существенные различия между несколькими активными сравнениями в лечении субклинического ПРЛ, однако эти результаты были основаны на очень небольшом количестве испытаний и поэтому должны интерпретироваться с осторожностью. При этом, как отмечают авторы, ни один из методов лечения, по-видимому, не является лучшим выбором для лечения людей с ПРЛ по сравнению с другими методами. Тем не менее ДПТ была наилучшим методом лечения, предоставив убедительные доказательства своей эффективности.

В систематический обзор Oud M. et al. [25] было включено 20 исследований с 1375 участниками. Специализированная психотерапия по сравнению с обычным лечением была связана со средним эффектом, основанным на умеренных качественных доказательствах, относительно общей тяжести ПРЛ, а ДПТ по сравнению с обычным лечением – с небольшим или средним эффектом на самоповреждение. Другие оценки эффекта часто были неубедительными, в основном из-за неточности. Тем не менее авторами представлены доказательства умеренного качества, что специализированные психотерапии эффективны в снижении общей тяжести ПРЛ. Однако дальнейшие исследования должны определить, какие группы пациентов получают наибольшую пользу от специализированных терапий.

Что касается результатов лечения ПРЛ, очевидно, что до сих пор нет консенсуса относительно основного набора результатов и мер, которые следует использовать в исследованиях по оценке лечения ПРЛ. Хотя конкретные методы лечения основываются на различных моделях этиологии и постулируют различные основные проблемы, они склонны расставлять приоритеты и оценивать различные результаты. Например, MBT рассматривает отсутствие способности к ментализации, т.е. выявлению психических состояний (таких как убеждения, желания, чувства, мысли и т.д.) у себя и других, как основную проблему ПРЛ, что приводит к межличностным трудностям. ДПТ, однако, рассматривает нарушенную регуляцию эмоций как основную проблему, что приводит к самоповреждению и суицидальному поведению. Поэтому исследования MBT обычно сообщают о межличностных проблемах, но не об импульсивных или аффективно-дисрегулятивных результатах, тогда как для ДПТ все на оборот. Однако было бы полезно узнать, как различные терапии работают с общим набором результатов, специфичных для ПРЛ, чтобы определить их соответствующие профили действия [22].

Были предприняты усилия по определению основного стандартного набора результатов для лиц с расстройствами личности. На сегодняшний день доступны специфические для ПРЛ показатели, которые позволяют очень подробно оценить отдельные симптомы ПРЛ, такие как Шкала оценки пограничного расстройства личности Занарини (ZAN-BPD) [38], Шкала общего клинического впечатления, адаптированная для ПРЛ (CGI-BPD) [27] или Индекса тяжести пограничного расстройства личности (BPDSI) [6]. До недавнего времени несколько результатов, которые особенно важны для людей, страдающих ПРЛ, по-прежнему игнорировались во всех исследованиях, например, избегание одиночества, хроническое чувство пустоты или нарушение идентичности. Более того, продольные результаты указывают на значимость психосоциальных результатов, поскольку многие люди, страдающие ПРЛ, испытывают нарушение социального и профессионального функционирования в течение длительных периодов времени, даже после того, как симптомы, характерные для ПРЛ, уменьшились и полные диагностические критерии больше не соблюдаются [11]. Однако данные о долгосрочных результатах психотерапии при ПРЛ все еще скудны [29]. Для точной оценки этих методов лечения требуются дополнительные исследования. Кроме того, Hernandez-Bustamante M. et al. [19] проанализировали 18 РКИ, большинство из которых подтвердили эффективность ДПТ при ПРЛ. В этих исследованиях приняли участие 1755 человек, большинство из которых были женщинами. Большинство исследований показали, что как краткосрочная, так и стандартная ДПТ снизили суицидальность у пациентов с ПРЛ с небольшим или умеренным размером эффекта, продолжающимся до 24 месяцев после периода лечения. Кроме

того, эти исследования показали, что ДПТ может значительно улучшить общее психологическое состояние и снизить депрессивные симптомы у пациентов с ПРЛ. Улучшение идентичности, снижение импульсивности, нестабильности настроения, а также снижение частоты госпитализаций являются вторичными результатами, наблюдаемыми в испытаниях после ДПТ. Тем не менее, авторами подчеркивается неоднородность используемых в исследованиях методологий.

В рамках исследования нами были проанализированы найденные в процессе поиска научных публикаций и не включенные в более ранние систематические обзоры и метаанализы РКИ и не РКИ. Всего было проанализировано два исследования (табл. 1).

В рандомизированном, параллельно-групповом, слепом клиническом исследовании Assmann N. et al. [7] амбулаторные пациенты в возрасте от 18 до 65 лет с первичным диагнозом ПРЛ были набраны в центре амбулаторного лечения третьего уровня (Германия). Участники были рандомизированы в ДПТ или схема-терапию с одним индивидуальным и одним групповым сеансом в неделю в течение 1,5 лет. Первичным результатом считалась тяжесть симптомов ПРЛ при естественном наблюдении в течение 1 года. Всего в исследовании приняли участие 164 пациента (49,4% лечились с помощью схема-терапии, а 50,6% - с помощью ДПТ, 79,3% были женщинами). Первичным результатом было изменение тяжести ПРЛ с течением времени, оцененное с помощью общего балла Индекса тяжести пограничного расстройства личности (BPDSI). Анализ намерения лечиться с обобщенными линейными смешанными моделями не показал значительной разницы при наблюдении в течение 1 года между ДПТ и схема-терапией с более низкими баллами для ДПТ. Размеры эффекта до наблюдения были большими в обеих группах. Авторами отмечено, что пациенты в обеих группах лечения показали существенные улучшения, что указывает на возможность успешного лечения ПРЛ с помощью ДПТ и схема-терапии.

В многоцентровом РКИ Arntz A. et al. [5] с тремя группами пациентов в возрасте от 18 до 65 лет с ПРЛ, проведенном в 15 центрах в 5 странах (Австралия, Германия, Греция, Нидерланды и Великобритания), участники

были распределены для схема-терапии в групповом формате (PGST), комбинированном индивидуальном и групповом формате схема-терапии (IGST) или лечились с помощью фармакотерапии. Оба формата схема-терапии предоставлялись в течение 2 лет, с 2 сеансами в неделю в 1-й год и частотой постепенного снижения в течение 2-го года. Данные анализировались в течении 1 года после терапии. Первичным результатом было изменение тяжести ПРЛ, оцененное с помощью BPDSI. Из 495 пациентов (средний возраст 33,6 [9,4] года; 426 [86,2%] женщин) 246 (49,7%) получили фармакотерапию, 125 (25,2%) получили PGST и 124 (25,0%) получили IGST (1 из которых позже отозвал согласие). PGST и IGST в сочетании превосходили фармакотерапию в отношении снижения тяжести ПРЛ. По этому показателю IGST превзошел фармакотерапию и PGST, тогда как PGST существенно не отличался от фармакотерапии. Стабильность эффекта в лечении была выше в группе IGST, чем в группах PGST и фармакотерапии (1 год: 0,82 против 0,73; 2 года: 0,74 против 0,64), и не было никакой существенной разницы между группами фармакотерапии и PGST (1 год: 0,73 против 0,72; 2 года: 0,64 против 0,62). Эти результаты показывают, что IGST является предпочтительным форматом схема-терапии с высокой поддержкой и продолжением улучшения тяжести ПРЛ после завершения лечения.

Следует отметить, что, несмотря на растущее количество доказательств эффективности психотерапии при ПРЛ, у многих пациентов клиническое улучшение не наступает и они не достигают надежных критериев изменения. Систематический обзор Woodbridge J. et al. показал, что примерно половина включенных пациентов не достигла надежного уменьшения симптомов ПРЛ после получения психотерапии [36]. Опубликованные исследования результатов лечения сообщают, что от 6% до 81,3% пациентов не реагируют (что определяется отсутствием снижения симптомов ПРЛ) на некоторые из основных методов лечения [23]. Более позднее исследование Woodbridge J. et al. [37] показало, что отсутствие ответа является сложным и многогранным. Во-первых, очевидно, что должны быть системы, которые будут поддерживать доступ к адекватной помощи и способствовать стабильности жизни. Во-вторых, могут потребоваться значительные усилия на этапе вовлечения в терапию для прояснения ожиданий. В-третьих, внимание

Таблица 1.

Исследования, сравнивающие эффективность методов психотерапии ПРЛ.

Автор	Год	Участники	Терапевтические направления	Период наблюдения	Эффект
Assmann N. et al. [7]	2024	n=164	49,4% - схема-терапия 50,6% - ДПТ	1 год	Существенные улучшения без значимых различий между группами
Arntz A. et al. [5]	2022	n=495	49,7% - фармакотерапия 25,2% - PGST 25,0% - IGST	1 год после двух лет терапии	IGST является предпочтительным форматом схема-терапии. IGST превзошел фармакотерапию и PGST

к конкретным межличностным проблемам между пациентами и психотерапевтами является важным направлением. Наконец, необходима структурированная работа по улучшению отношений и профессиональных результатов. Необходимость внедрения эффективных методов лечения ПРЛ в государственные службы охраны психического здоровья предлагают использовать прагматичные подходы, которые фокусируются на общих факторах терапии, модульное использование тех частей, которые сами по себе могут считаться эффективными. Даже при отсутствии полной структуры терапии, в рамках поэтапного подхода к лечению наименее инвазивное вмешательство является обязательным на разных стадиях тяжести заболевания. Наконец, распространение эталонных ценностей (услуг, не основанных на осуждении) должно стать общей основой лечения ПРЛ.

Заключение

Расстройства личности, и, в том числе, ПРЛ, характеризующееся гипертрофированными лабильными эмоциями и нарушением самоидентификации, являются мучительными и для пациентов, и для их близких. Психотерапия при ПРЛ воспринимается как лечение первой линии и поэтому должна быть дополнительно исследована на предмет ее долгосрочной эффективности, предпочтительно в прямых испытаниях.

Результаты анализа научных публикаций (РКИ, систематических обзоров и метаанализов) последних 10 лет показывают, что все широко используемые психотерапевтические методы и фармакотерапия улучшают тяжесть,

симптомы и функционирование ПРЛ, и нет никаких убедительных доказательств того, что какая-либо широко используемая психотерапия более эффективна, чем другая. Безусловно, ДПТ является наиболее тщательно изученным из этих методов лечения и наиболее широко используемым. В совокупности результаты этих исследований указывают на то, что в настоящее время ДПТ, МВТ и схема-терапия доказали свою эффективность в снижении пограничной психопатологии или, по крайней мере, ее отдельных аспектов. Эти симптоматические улучшения были наиболее последовательными в направлении аутоагрессии и попыток самоубийства. Очевидно, что все эти методы лечения являются как интенсивными, так и относительно длительными. Они также требуют специальной подготовки. Поэтому необходимы менее интенсивные и менее дорогостоящие формы психосоциального лечения ПРЛ. Для того чтобы лечить больше пограничных пациентов с помощью проверенной мануальной психотерапии ПРЛ, может потребоваться положиться на дополнительные формы лечения. Такой фокус лечения имеет большой смысл, поскольку эти акты являются ведущим индикатором ухудшения клинического состояния, которое может привести к разрыву отношений и существенному снижению психосоциального функционирования.

При этом, очень мало известно о вреде, связанном с психотерапией. В дальнейшем необходимо установить стандартизированный набор результатов для ПРЛ и стандартизированный набор мер для оценки этих результатов. Без этого будет крайне сложно оценить относительную эффективность этих методов лечения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агарков В.А. Представления об эффективности психотерапии у клиентов центров психологической помощи и пациентов отделения пограничных психических расстройств / В.А. Агарков, С.А. Бронфман, Д.И. Голованова // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. — 2019. — № 3. — С. 79-86. — DOI:10.24411/2075-4094-2019-16422. — EDN WHHIGJ.
2. Короленко Ц.П. Особенности длительной психодинамической психотерапии пограничного личностного расстройства / Ц.П. Короленко, Т.А. Шпикс // Journal of Siberian Medical Sciences. — 2018. — № 3. — С. 20-30. — EDN URYYP.
3. Харитонов С.В. Комплаенс пациентов с пограничными нервно-психическими расстройствами и интенсивность когнитивно-поведенческой психотерапии / С.В. Харитонов, М.В. Голубев // Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии. — 2018. — № 1. — С. 8-15. — EDN XQBKPZ.
4. Allison S., Bastiampillai T., Looi J.C.L. Further Considerations on Early Intervention for Borderline Personality Disorder // JAMA Psychiatry. 2022. Vol. 79, № 6. P. 631-643. DOI:10.1001/jamapsychiatry.2022.0482
5. Arntz A., Jacob G.A., Lee C.W. Effectiveness of Predominantly Group Schema Therapy and Combined Individual and Group Schema Therapy for Borderline Personality Disorder: A Randomized Clinical Trial // JAMA Psychiatry. 2022. Vol. 79, № 4. P. 287-299. DOI:10.1001/jamapsychiatry.2022.0010
6. Arntz A., van den Hoorn M., Cornelis J., Verheul R., van den Bosch, W.M.C., de Bie A.J.H.T. Reliability and validity of the Borderline Personality Disorder Severity Index // J Personal Disord. 2003. Vol. 17. P. 45-59.
7. Assmann N., Schaich A., Arntz A. The Effectiveness of Dialectical Behavior Therapy Compared to Schema Therapy for Borderline Personality Disorder: A Randomized Clinical Trial // Psychother Psychosom. 2024. Vol. DOI:10.1159/000538404
8. Barnicot K., Crawford M. Dialectical behaviour therapy v. mentalisation-based therapy for borderline personality disorder // Psychological Medicine. 2019. Vol. 49, № 12. P. 2060-2068. DOI: 10.1017/S0033291718002878
9. Bateman A., Fonagy P. Randomized controlled trial of outpatient mentalization-based treatment versus structured clinical management for borderline personality disorder // The American Journal of Psychiatry. 2009. Vol. 166, № 12. P. 1355-1364. DOI: 10.1176/appi.ajp.2009.09040539

10. Bateman A., Constantinou M.P., Fonagy P., Holzer S. Eight-year prospective follow-up of mentalization-based treatment versus structured clinical management for people with borderline personality disorder // *Personality Disorders*. 2021. Vol. 12. № 4. P. 291-299. DOI: 10.1037/per0000422
11. Bohus M., Stoffers-Winterling J., Sharp C., Krause-Utz A., Schmahl C., Lieb K. Borderline personality disorder // *Lancet*. 2021. Vol. 398. № 10310. P. 1528-1540.
12. Carlyle D., Green R., Inder M., Porter R., Crowe M., Mulder R., Frampton C. A randomized-controlled trial of mentalization-based treatment compared with structured case management for borderline personality disorder in a mainstream public health service // *Frontiers in Psychiatry*. 2020. Vol. 11. DOI: 10.3389/fpsy.2020.561916
13. Crotty K., Viswanathan M., Kennedy S. Psychotherapies for the treatment of borderline personality disorder: A systematic review // *J Consult Clin Psychol*. 2024. Vol. 92. № 5. P. 275-295. DOI:10.1037/ccp0000833
14. Crotty K., Viswanathan M., Kennedy S., Edlund M.J., Ali R., Siddiqui M., Wines R., Ratajczak P., Gartlehner G. Psychotherapies for the treatment of borderline personality disorder: A systematic review // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2024. Vol. 92. № 5. P. 275-295. DOI: 10.1037/ccp0000833
15. Farrell J.M., Shaw I.A., Webber M.A. A schema-focused approach to group psychotherapy for outpatients with borderline personality disorder: A randomized controlled trial // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 2009. Vol. 40. № 2. P. 317-328. DOI: 10.1016/j.jbtep.2009.01.002
16. Gregory R.J., Sachdev S. Naturalistic outcomes of evidence-based therapies for borderline personality disorder at a medical university clinic // *American Journal of Psychotherapy*. 2016. Vol. 70. № 2. P. 167-184. DOI: 10.1176/appi.psychotherapy.2016.70.2.167
17. Guerrero J. Borderline Personality Disorder: Review of the Effectiveness of Evidence-Based Therapeutic Interventions // *Mexican Journal of Medical Research ICSA*. 2024. Vol. 12. P. 46-57. DOI: 10.29057/mjmr.v12i24.12449.
18. Guillén Botella V., García-Palacios A., Bolo Miñana S., Baños R., Botella C., Marco J.H. Exploring the effectiveness of dialectical behavior therapy versus systems training for emotional predictability and problem solving in a sample of patients with borderline personality disorder // *Journal of Personality Disorders*. 2021. Vol. 35. P. 21-38. DOI: 10.1521/pedi_2020_34_477
19. Hernandez-Bustamante M., Cjuno J., Hernández R.M., Ponce-Meza J.C. Efficacy of Dialectical Behavior Therapy in the Treatment of Borderline Personality Disorder: A Systematic Review of Randomized Controlled Trials. *Iran J Psychiatry*. 2024. Vol. 19. № 1. P. 119-129. DOI: 10.18502/ijps.v19i1.14347.
20. Hilden H.M., Rosenström T., Karila I., Elokorp A., Torpo M., Arajärvi, R., Isometsä, E. Effectiveness of brief schema group therapy for borderline personality disorder symptoms: A randomized pilot study // *Nordic Journal of Psychiatry*. 2021. 75. №3. P. 176-185. DOI: 10.1080/08039488.2020.1826050
21. Jørgensen C.R., Freund C., Bøye R., Jordet H., Andersen D., Kjølbye M. Outcome of mentalization-based and supportive psychotherapy in patients with borderline personality disorder: A randomized trial // *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 2013. Vol. 127. № 4. P. 305-317. DOI: 10.1111/j.1600-0447.2012.01923.x
22. Karterud S., Kongerslev M.T. Psychotherapy of personality disorders needs an integrative theory of personality // *J Psychother Integr*. 2021. Vol. 31. № 1. P. 34-53.
23. Kellett S., Bennett D., Ryle T., Thake A. Cognitive analytic therapy for borderline personality disorder: therapist competence and therapeutic effectiveness in routine practice: CAT with BPD // *Clin Psychol Psychother*. 2013. Vol. 20. № 3. P. 216-225. DOI: 10/dj36dv.
24. Lunny C., Ramasubbu C., Puil L., Liu T., Gerrish S., Salzwedel D.M., Mintzes B., Wright J.M. Over half of clinical practice guidelines use non-systematic methods to inform recommendations: A methods study // *PLoS One*. Vol. 16. № 4. P. 307-326. DOI: 10.1371/journal.pone.0250356.
25. Oud M., Arntz A., Hermens M.L., Verhoef R., Kendall T. Specialized psychotherapies for adults with borderline personality disorder: A systematic review and meta-analysis // *Aust N Z J Psychiatry*. 2018. Vol. 52. № 10. P. 949-961. DOI:10.1177/0004867418791257
26. Paris J. Suicidality in borderline personality disorder // *Medicina*. 2019. Vol. 55. № 6. P. 476-489. DOI: 10.3390/medicina55060223
27. Perez V., Barrachina J., Soler J., Pascual J.C., Campins M.J., Puigdemont D. The Clinical Global Impression Scale for Borderline Personality Disorder Patients (CGI-BPD): a scale sensible to detect changes // *Actas Esp Psiquiatr*. 2007. Vol. 35. P. 229-235.
28. Rameckers S.A., Verhoef R.E.J., Grasman R.P.P.P., Cox W.R., van Emmerik A.A.P., Engelmoer I.M., Arntz A. Effectiveness of Psychological Treatments for Borderline Personality Disorder and Predictors of Treatment Outcomes: A Multivariate Multilevel Meta-Analysis of Data from All Design Types // *J Clin Med*. 2021. Vol. 10. № 23. P. 57-68. DOI: 10.3390/jcm10235622.
29. Sanza M., Campa J., Menchetti M. The implementation of evidence-based therapies for borderline personality disorder in Mental Health Services // *Evidence-based Psychiatric Care*. 2022. Vol. 8. P. 193-201; DOI: 10.36180/2421-4469-2022-17
30. Setkowski K., Palantza C., van Ballegooijen W. Which psychotherapy is most effective and acceptable in the treatment of adults with a (sub)clinical borderline personality disorder? A systematic review and network meta-analysis // *Psychol Med*. 2023. Vol. 53. № 8ю P. 3261-3280. DOI:10.1017/S0033291723000685
31. Sharp C., Wall K. Personality pathology grows up: Adolescence as a sensitive period // *Current Opinion in Psychology*. 2018. Vol. 21. P. 111-116. DOI: 10.1016/j.copsyc.2017.11.010
32. Stoffers-Winterling, JM, Storebø, OJ, Kongerslev, MT, et al. Psychotherapies for borderline personality disorder: a focused systematic review and meta-analysis. *Br J Psychiatry*. 2022;221(3):538-552. doi:10.1192/bjp.2021.204
33. Storebø O.J., Stoffers-Winterling J.M., Völlm B.A. Psychological therapies for people with borderline personality disorder // *Cochrane Database Syst Rev*. 2020. Vol. 5. № 5. CD 012955. DOI: 10.1002/14651858.CD012955.pub2
34. Winsper C., Bilgin A., Thompson A., Marwaha S., Chanen A.M., Singh S.P., Wang A., Furtado V. The prevalence of personality disorders in the community: A global systematic review and meta-analysis // *The British Journal of Psychiatry*. 2020. Vol. 216. № 2. P. 69-78. DOI: 10.1192/bjp.2019.166
35. Wong J., Bahji A., Khalid-Khan S. Psychotherapies for Adolescents with Subclinical and Borderline Personality Disorder: A Systematic Review and Meta-Analysis // *Can J Psychiatry*. 2020. Vol. 65. № 1. P. 5-15. DOI:10.1177/0706743719878975
36. Woodbridge J., Townsend M., Reis S., Singh S., Grenyer B.F. Non-response to psychotherapy for borderline personality disorder: a systematic review // *Austr N Z J Psychiatry*. 2021. CD 00048674211046893. DOI: 10.1177/00048674211046893.
37. Woodbridge J., Townsend M.L., Reis S.L. Patient perspectives on non-response to psychotherapy for borderline personality disorder: a qualitative study // *Bord Personal Disord Emot Dysregul*. 2023. Vol. 10, № 13. DOI: 10.1186/s40479-023-00219-y

38. Znarini M.C., Vujanovic A.A., Parachini E.A., Boulanger J.L., Frankenburg F.R., Hennen J. Znarini Rating Scale for Borderline Personality Disorder (Zan-BPD): a continuous measure of DSM-IV borderline psychopathology // J Pers. 2003. Vol. 17. P. 233-242.

© Алёхин Анатолий Николаевич (termez59@mail.ru), Исагулова Елена Юрьевна (9477877@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПУПИЛОМЕТРИЯ, КАК ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД ОЦЕНКИ СФОРМИРОВАННОСТИ ИМПРЕССИВНОЙ РЕЧИ У ДЕТЕЙ ЧЕТЫРЕХ – СЕМИ ЛЕТ С ЗАДЕРЖКАМИ РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ (МАТЕРИАЛЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Алиева Наталья Ивановна

Аспирант, Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

nataljaaliyeva@mail.ru

PUPILLOMETRY AS A PSYCHOPHYSIOLOGICAL METHOD FOR ASSESSING THE DEVELOPMENT OF IMPRESSIVE SPEECH IN CHILDREN AGED FOUR TO SEVEN YEARS WITH DELAYED SPEECH DEVELOPMENT (MATERIALS OF PRACTICAL RESEARCH)

N. Aliyeva

Summary: Pupillometry is a psychophysiological method for studying pupil reactions and correlating them with brain function. Researchers identify three of the most important eye reactions from a psychophysiological point of view: pupil constriction and dilation, blinking, and eye movements. The pupillary response is of great interest to psychophysiologicals, since this function can indicate a significant correlation between impressive speech, mental activity, emotional component and cognitive development, «Theory of Mind».

Keywords: pupillometry, psychophysiological method, eye reactions, impressive speech, cognitive development, Theory of Mind.

Аннотация: Пупиллометрия – психофизиологический метод изучения реакций зрачка и соотнесение их с работой головного мозга. Исследователи выделяют три наиболее важных с точки зрения психофизиологии глазных реакций: сужение и расширение зрачка, мигание и движения глаз. Реакция зрачка представляет большой интерес для психофизиологов, так как эта функция может указывать на значимую корреляцию между импрессивной речью, мыслительной деятельностью, эмоциональной составляющей, когнитивным развитием и развитием модели психического («Theory of Mind»).

Ключевые слова: пупиллометрия, психофизиологический метод, глазные реакции, импрессивная речь, когнитивное развитие, модель психического.

Пупиллометрический метод, применяемый в представленном исследовании, позволяет провести количественную оценку диаметра зрачка у детей с нарушениями речи как имеющими органические поражения мозга, так и без них. Из научных источников известно, что структуры вегетативной нервной системы осуществляют влияние на регуляцию величины зрачка. В частности, ядра глазодвигательного нерва и цилиоспинальный центр. Как правило реакцию зрачка связывают со степенью освещенности. Однако, последние исследования выявили, что кора мозга через голубое пятно, претектальные оливарные ядра и верхние холмики четверохолмия оказывают непосредственное влияние на зрачковые реакции, не связанные с освещением. В таком случае исходный диаметр зрачка и измерение его реакций (расширение/сужение) при помощи прибора нейровизуализации (камеры) при выполнении заданий, имеющих словесную инструкцию и невербальную, позволил объективно оценить психоэмоциональное состояние ребенка, когнитивные функции, мыслительную деятельность, мотивацию, а также понимание обращенной речи.

В нашем исследовании ставилась задача при помощи метода пупиллометрии найти корреляцию между изменением диаметра зрачка (сужение/расширение) с пониманием обращенной речи (инструкции к выполнению задания), мыслительной деятельностью и формированием модели психического у детей с нарушениями речи.

В выборку исследования вошли дети с нарушением речевого развития в возрасте от четырех до семи лет. Для изучения понимания импрессивной речи использовали исходный диаметр зрачка, выраженность его спонтанных колебаний и зрачковые реакции, вызванные выполнением представленного задания. Исходный диаметр зрачка – показатель величины зрачка в покое, когда ребенок смотрит на пустой экран в освещенном помещении и не приступает к выполнению задания. За размер исходного диаметра зрачка в покое отвечают функциональная активность норадренергической системы мозга и функциональная организация деятельности мозга. Из научных источников известно, что чем больше исходный диаметр зрачка, тем более эффективной яв-

ляется работа голубого пятна (ядра), расположенного в стволе мозга на уровне Варолиева моста, являющегося частью ретикулярной формации и более эффективны функциональные связи в головном мозге. Некоторые проводимые исследования подтвердили, что исходный диаметр зрачка коррелирует с интеллектом ребенка, памятью и вниманием. Для более четкого понимания укажем, что диаметр зрачка новорожденного ребенка обычно составляет 2 – 2,5 мм (из-за плохо развитых мышечных волокон) и может варьироваться в зависимости от освещенности помещения и других факторов (например, приема некоторых лекарственных препаратов). К трем годам диаметр зрачка в норме становится как у взрослого человека 3 – 3,5 мм. В норме у среднестатистического здорового человека размер диаметра зрачка постоянен, но в зависимости от условий может расширяться или сужаться в пределах 2 – 4 мм в освещенном месте и до 4–8 мм при недостаточном освещении.

Мы взяли эти теоретические данные за основу своего эксперимента и стали исследовать корреляцию между реакцией зрачка на понимание ребенком вербальной инструкции к заданию (понимание обращенной речи) и корреляцию между диаметром зрачка и формированием модели психического у детей с нарушениями речи.

Для оценки реакции зрачка нами были выбраны следующие критерии:

- исходный диаметр;
- латентный период сужения (временной промежуток между раздражителем и началом фактического сужения зрачка);
- время сужения;
- скорость сужения;
- латентный период расширения (временной промежуток между раздражителем и началом фактического расширения зрачка);
- общее время реакции

В исследовании принимали участие две группы сравнения:

- 1 группа – дети без речевого диагноза в возрасте от четырех до семи лет – 112 человек;
- 2 группа – дети от четырех до семи лет с речевыми диагнозами F80.0, F80.1, F80.2 и F83 – 165 человек.

Полученные данные обрабатывались методом аппроксимации пупиллограмм – применение кривых Безье 3-его порядка. Кривая аппроксимации состояла из двух фрагментов, где первый фрагмент – показывает процесс спонтанного низкочастотного колебания зрачка; второй – процесс сокращения диаметра зрачка. Так как площадь зрачка регулируется двумя мышцами сфинктером (сужает) и дилататором (расширяет) и обе мышцы работают одновременно и с задержками, а сила воздействия каждой мышцы пропорциональна свертке разности между площадью зрачка и нормой, то в обработке

были разработаны нелинейные модели и обобщающие данные занесены в таблицу. Зрачковые реакции человека на данном этапе в мировой практике до конца не изучены и математические модели обработки полученных данных в полном объеме не описывают результаты исследования. Эксперимент требует дальнейшего продолжения для более детальной интерпретации результатов.

Таблица 1.

Обобщающая таблица по пупиллометрии для детей четырех – семи лет с речевыми нарушениями при выполнении теста на определение формирования модели психического («Theory of Mind»).

	Критерии оценки зрачка	Исходные данные (медиана) детей с нарушениями речи	Исходные данные (медиана) детей без нарушений речи и развития
1.	Исходный размер зрачка	1,80 мм	3 мм
2.	Изменение диаметра зрачка (расширение)	2,15 мм	2,15 мм
3.	Изменение диаметра зрачка (сужение)	1,72 мм	1,72 мм
4.	Скорость расширения зрачка	0,36 мм/с	0,36 мм/с
5.	Скорость сужения зрачка	0,33 мм/с	0,33 мм/с
6.	Время расширения зрачка	3 с	3 с
7.	Время сужения зрачка	10 с	10 с
8.	Латентный период расширения зрачка	0,3 с	0,3 с
9.	Латентный период сужения зрачка	0,2 с	0,2 с

В данной таблице указаны критерии оценки зрачка и исходные средние данные (медиана), которые были получены в результате обследования детей с нарушениями речи.

Для оценки диаметра был проведен многофакторный дисперсионный анализ (MANOVA), в котором факторами выступали условия (контрольное условие, при котором дети слушали словесную инструкцию к заданию т.е. должны были понять обращенную речь и экспериментальное, когда нужно было рассмотреть картинку – все объекты, изображенные на ней) и удерживать взгляд на правильном варианте ответа (на выбранной картинке – значимый элемент). Результаты показали наличие значимого эффекта условия ($F(1,94, 139,89) = 10,97$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,13$), позиции ($F(1, 72) = 126,26$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,64$) и взаимодействия факторов ($F(2,30, 165,91) = 59,19$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,45$).

Пост-хок анализ, проведенный для каждого из условий отдельно и для каждой сравнительной группы, показал, что, у детей без нарушения речи и у детей с речевым диагнозом F80.0, которые также были включены в кон-

трольную группу диаметр расширения зрачка напрямую коррелировал с мыслительной (когнитивной) деятельностью. Исходный размер зрачка у детей четырех – семи лет до предъявления задания перед пустым экраном в среднем (медиана) равнялся 3 мм, что соответствует возрастным нормам. Через 3 секунды после появления картинки на экране камера фиксировала расширение зрачка в среднем на 2,15 мм и удержанием диаметра зрачка в этом диапазоне в момент слушания инструкции к заданию, рассматривания ребенком всех объектов на экране и во время остановки взгляда на правильном (или выбранном) варианте ответа (значимом элементе). Время от начала появления картинки на экране до ее исчезновения составляло 15 секунд. После исчезновения картинки с экрана монитора, диаметр зрачков в течении 10 с сужался (время между заданиями – пустой экран). Эта реакция была отмечена во всех возрастных группах у детей без речевых нарушений. Соответственно, после появления новой картинки к новому заданию фиксировалась та же самая реакция диаметра зрачка.

Можно было бы отметить, что это физиологическое явление (функция) – зрачок расширяется в момент показа новой картинки через 3 секунды и через 10 секунд приходит в свое исходное положение. Однако, исследуя детей с различными речевыми нарушениями, мы выявили, что у четырех – семилетних дошкольников исходный диаметр зрачка не соответствовал норме, а был значительно уже. Норма – 3 – 3,5 мм. Тогда как у детей с речевыми нарушениями он был в среднем (медиана) 1,80 мм. Предъявляя ребенку задания на мониторе в виде картинок, диаметр зрачка исследуемого ребенка с проблемами речи увеличивался через 3 секунды, как и у детей без речевых нарушений. Ребенок слушал словесную инструкцию к тесту, камера фиксировала блуждающие саккады, которые имели хаотичное движение от одного объекта к другому и застревали лишь ненадолго на случайной или понравившейся картинке, которая не была правильным ответом к тесту (значимым элементом). В среднем в течении десяти секунд после исчезновения картинки с экрана монитора диаметр зрачка сужался и приходил в исходную позицию, что является физиологической функцией во всех возрастных категориях детей с нарушениями речи и без них.

При выполнении теста «Цветные прогрессивные таблицы Равена», где не давались вербальные (словесные) инструкции, камера также фиксировала реакцию (расширение/сужение) диаметра зрачка. Дети из группы с речевыми нарушениями показали результат сходный с результатом детей без речевых нарушений.

У детей из группы без речевых нарушений, понимающих обращенную речь, диаметр зрачка расширялся во время показа на экране задания, как физиологическая реакция на элемент новизны и оставался в таком состоянии до тех пор, пока ребенок не выделял взглядом

и при помощи речи ответ на тест. Затем начиналась реакция физиологического сужения зрачка до исходного размера. У детей с нарушениями речи (отсутствие собственной речи, непонимание или недостаточное понимание обращенной речи) зрачок также расширялся во время появления на экране новой картинки (элемент новизны), как физиологическая функция, после чего в течении десяти секунд возвращался к своим исходным параметрам (сужался). На основе данных наблюдений за экспериментом был сделан вывод о том, что реакция диаметра зрачка напрямую коррелирует с пониманием обращенной речи, мыслительной деятельностью, когнитивными функциями, развитием модели психического (Theory of Mind) и не является только чисто физиологической реакцией. Если ребенок имеет речевые проблемы, не понимает задание на слух и, соответственно, не может его выполнить, то показатели реакции зрачков изменяются на физиологические явления (свет, сумрак, отражение состояния вегетативной нервной системы) либо, как показали данные во время выполнения невербального теста «Цветные прогрессивные матрицы Равена» на интеллектуальные задания, не связанные с выполнением словесной инструкции. Это подтверждает то, что у детей с нарушениями речи до определенного возрастного периода интеллект остается сохранным и соответствует норме или близок к норме. Однако, если речевые проблемы у ребенка не решены до момента начала обучения в школе, «окно возможностей» закрывается, возникают психологические особенности поведения, проблемы с коммуникацией в социальной среде, отставание в интеллектуальном развитии, страдает эмоциональная сфера и постепенно ребенок уходит во вторичную умственную отсталость.

Заключение

Таким образом, исследование регуляции диаметра зрачка, его динамическая оценка в состоянии покоя и при выполнении вербальных и невербальных тестов (заданий), позволяет оценить функциональное состояние работы мозга, так как в процессе задействована не только вегетативная нервная система, но и высележающие структуры. Механизм регуляции реакций зрачка реализуется через голубое пятно, верхние холмики четверохолмия, речевые зоны и другие структуры мозга.

Пупиллометрия является одним из перспективных методов объективной оценки когнитивных нарушений, психоэмоциональных, речевых, формирования модели психического (Theory of Mind), при различных заболеваниях и нарушениях в работе головного мозга.

С точки зрения психолого-педагогических, психофизиологических и коррекционных практик необходима разработка стандартизированных тестов и заданий для диагностики и осуществления контроля деятельности мозга у детей методом пупиллометрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Величковский Б.Б., Измалкова А.И. Влияние нагрузки на вербальную рабочую память при глазодвигательной активности в условиях выполнения задания зрительного поиска. Экспериментальная психология. 2015. 2 (8): 21–35.
2. Девятко И.Ф., Богданов М.Б., Лебедев Д.В. Динамика диаметра зрачка как индикатор когнитивной нагрузки респондента: методический эксперимент по сравнению CASI и P&PSI вопросников. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. 21 (1): 36–49. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-36-49>
3. Ошоров А.В., Александрова Е.В., Мурадян К.Р., Сосновская О.Ю., Соколова Е.Ю., Савин И.А. Пупиллометрия как метод мониторинга фотореакции в нейро-реанимации. Журн. «Вопросы нейрохирургии» имени Н.Н. Бурденко. 2021. 85 (3): 117–123. <https://doi.org/10.17116/neiro202185031117>
4. Походай М.Ю., Бермудес-Маргаретто Б., Штыров Ю.Ю., Мячиков А.В. Методика айтрекинга в психолингвистике и параллельная регистрация с ЭЭГ. Журн. высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2022. 72 (5): 609–622. <https://doi.org/10.31857/S0044467722050124>
5. Пучкова А.Н., Ткаченко О.Н., Дорохов В.Б. Специфика динамики размера зрачка в процессе работы с арифметическими задачами. Социально-экологические технологии. 2017. 3: 80–91.
6. Романова Н.М., Рытик А.П., Самохина М.А., Скрипаль А.В., Усанов Д.А. Особенности глазодвигательных реакций человека при произнесении истинной и ложной информации. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2008. 8 (1): 65–73.
7. Steinhauer S.R., Siegle G.J., Condray R., Pless M. Sympathetic and parasympathetic innervation of pupillary dilation during sustained processing. Int. J. Psychophysiol. 2004. 52 (1): 77–86. <https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2003.12.005>

© Алиева Наталья Ивановна (nataljaalijeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАРТСТРОИТЕЛЬСТВА И ВЫХОД НА ДВУХПАРТИЙНУЮ СИСТЕМУ В РФ

Бурикова Инга Сергеевна

Кандидат психологических наук, доцент,
Северо-западный институт управления РАНХиГС
(Санкт-Петербург)
burikova@cspdom.ru

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF PARTY BUILDING AND THE TRANSITION TO A TWO-PARTY SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

I. Burikova

Summary: The article explores the psychological and sociocultural foundations for the formation of a two-party system in the Russian Federation as an alternative to the ineffective in terms of citizen engagement multiparty model. The aim of the study was to identify the deep mechanisms of citizens' political identification, the role of images, symbols, and value constructs in shaping party loyalty, as well as to substantiate the two-party structure as a psychologically stable and culturally relevant model for Russian society.

The methodological basis included a systems approach, the theory of political identity, psychosemiotic and content analysis, and elements of the historical-comparative method. The empirical part was based on previously conducted studies of Russia's political landscape, expert assessments, and analysis of programs and rhetoric from 23 Russian political parties.

The study revealed that Russian political culture is characterized by a binary perception of political reality, making the two-party model intuitively comprehensible and psychologically acceptable for the mass consciousness. The article substantiates the need to create two ideologically distinguishable parties — one right-wing (conservative) and one left-wing (social-democratic) — which would fulfill not only a representative function but also a meaning-making role. The significance of symbolic resources such as the images of "the people," "victory," and "justice" is emphasized in building emotional loyalty and political identity.

Keywords: two-party system, political identity, political psychology, defensive consciousness, party loyalty, value-based mobilization, symbolic politics, psychosemiotics, conservatism, social democracy, political consciousness, ideological positioning, party field structure, party image.

Аннотация: В статье рассматриваются психологические предпосылки и социокультурные основания формирования двухпартийной системы в Российской Федерации как альтернативы неэффективной, с точки зрения идеологического вовлечения граждан, многопартийной модели. Цель исследования заключалась в выявлении глубинных механизмов политической идентификации граждан, роли образов, символов и ценностных конструкций в формировании партийной лояльности, а также в обосновании двухпартийной структуры как психологически устойчивой и культурно релевантной модели для российского общества.

В качестве методологической базы использовались системный подход, теория политической идентичности, психосемиотический и контент-анализ, а также элементы историко-сравнительного метода. Эмпирическая часть опиралась на ранее проведённые исследования политического поля России, экспертные оценки, а также анализ программ и риторики 23 российских партий. В результате исследования установлено, что российская политическая культура характеризуется склонностью к бинарному восприятию политической реальности, что делает двухпартийную модель интуитивно понятной и психологически приемлемой для массового сознания. Обоснована необходимость создания двух идеологически различимых партий: правой (консервативной) и левой (социал-демократической), выполняющих не только представительную, но и смыслообразующую функцию. Подчёркивается роль символических ресурсов, таких как образ «народа», «победы», «справедливости», в построении эмоциональной лояльности и политической идентичности.

Ключевые слова: двухпартийная система, политическая идентичность, политическая психология, оборонное сознание, партийная лояльность, ценностная мобилизация, символическая политика, психосемиотика, консерватизм, социал-демократия, политическое сознание, идеологическое позиционирование, структура партийного поля, образ партии.

Введение

Политическая система современной России переживает этап глубоких трансформаций, в которых всё более очевидным становится кризис существующей многопартийной модели. Несмотря на формальное наличие широкого спектра партий, реальные различия между ними нивелированы, идеологическое наполнение размыто, а уровень доверия со стороны общества — критически низок. Партии воспринимаются по их лидерам, по «реальным делам», по отголоскам из

прошлого, что приводит к дефициту политической субъектности, снижению участия граждан в электоральных процессах и угасанию интереса к политическому диалогу в целом. Содержание программ политических партий неизвестно подавляющему большинству граждан.

Одной из причин этой деградации политической жизни является психологическая фрустрация населения, накопившаяся вследствие многолетнего разочарования в партиях, которые не в состоянии формировать ясную идентичность, внятные цели и долгосрочные

ценностные ориентиры. В условиях растущего социального запроса на смысл, стабильность и справедливость всё более актуальным становится пересмотр не только институциональных, но и психологических основ партстроительства.

Опыт развитых стран, а также диалектическая природа политического процесса на протяжении всей истории человечества, демонстрируют жизнеспособность и устойчивость двухпартийных систем, основанных на противостоянии двух базовых идеологических полюсов — консерватизма и социал-демократии. Такие силы, под разными названиями, символизируют базовые потребности общества — в стабильности и сохранении традиций, с одной стороны, и в социальной справедливости и обновлении — с другой.

Цель настоящей статьи — проанализировать психологические основания и условия, необходимые для формирования в России устойчивой двухпартийной системы. В фокусе внимания — особенности политического сознания, структура ценностных установок граждан, восприятие партийных образов, а также влияние культурных и исторических факторов на выбор политической идентичности. Особое внимание уделяется концепции обороны и защищённости как ключевому психологическому ресурсу, способному стать основой для формирования позитивной партийной лояльности и консолидации граждан вокруг внятных идеологических платформ.

Обзор литературы

Исследование политических партий, их эволюции, институциональной роли и психологических оснований поведения электората представляет собой предмет междисциплинарного анализа, охватывающего политологию, социологию, психологию и культурологию.

В западной политической науке классической основой изучения двухпартийной системы остается труд М. Дюверже, в котором сформулированы законы зависимости партийной системы от избирательной: согласно «закону Дюверже», мажоритарная система склонна порождать двухпартийность, в то время как пропорциональное представительство — многопартийность [6]. Хотя в России применяется пропорциональная система, актуальные вызовы и особенности политической культуры указывают на возможность формирования двух устойчивых идеологических центров, даже в рамках смешанных моделей.

Роль партий в структуре современной демократии рассмотрена в работах С. Липсета и С. Роккана, которые выделяют «линию разлома» (cleavage) — устойчивые социальные и ценностные конфликты, служащие основой

для возникновения и укоренения партий [26]. Для России подобная линия может проходить между традиционалистски-ориентированным и социально-реформистским сегментами общества.

С психологической точки зрения поведение избирателя и партийные предпочтения исследуются в русле так называемой теории идентичности, согласно которой политическая лояльность выступает как форма социальной идентичности, устойчивой к рациональному анализу и изменениям [25]. Следовательно, ключевым аспектом партстроительства становится не только формулирование программ, но и формирование образа, вызывающего у граждан чувство принадлежности.

В российской научной традиции вопросы политической психологии последовательно разрабатывались А.И. Юревым, предложившим методологию системного анализа политического сознания. В его трудах подчеркивается роль глубинных ментальных структур, эмоциональных паттернов и историко-культурной памяти в формировании политических предпочтений [24]. Значительный вклад также внесли работы А.Ю. Мельвиля, В.И. Ильина, Л.М. Дробизевой и др., где рассматриваются феномены политической идентичности, доверия к институтам и влияние культуры на политические ориентации [5; 8; 11].

Современные исследования партийной системы в России фиксируют состояние институциональной инертности и символической девальвации партий [1; 3; 13; 14; 16; 18; 21; 23]. Партийная принадлежность утратила для большинства граждан личностную значимость, уступив место апатии или конформизму [4; 12; 15; 17; 19]. В этих условиях задачей партстроительства становится не столько организационное обновление, сколько психологическое и символическое переосмысление роли партии как выразителя ценностей и носителя коллективной воли.

Отдельного внимания заслуживают отечественные попытки интеграции понятий обороны, ценностной мобилизации и психологической устойчивости в политический анализ. Данные подходы рассматривают партию не только как канал представительства интересов, но и как носителя «смысловой безопасности» — функции, особенно важной в периоды общественной турбулентности [10].

Материалы и методы исследования

Настоящее исследование носит теоретико-аналитический характер и базируется на междисциплинарном подходе, включающем элементы политической психологии, социологии, политологии и социальной философии. Целью исследования является выявление психологиче-

ских условий и факторов, способствующих формированию двухпартийной системы в России, а также обоснование перспективности такого перехода с точки зрения устойчивости политической идентичности и общественного доверия.

Методологические основания

В качестве методологической базы использованы:

- Системный подход, рассматривающий политическое сознание как многоуровневую и динамическую структуру;
- Культурно-исторический анализ, применяемый для интерпретации особенностей развития партийной системы в российском контексте;
- Теория политической идентичности, объясняющая механизмы формирования устойчивых предпочтений и партийной лояльности;
- Психосемиотический анализ партийных образов и символов.

Эмпирические источники

- Результаты исследования политического поля России, проведённого в рамках работ под руководством проф. А.И. Юрева с классификацией партий по идеологическим и психосемантическим критериям [13; 24];
- Анализ программных документов и публичных высказываний 23 политических партий РФ, позволивший выявить признаки идеологической эрозии и отсутствие содержательной дифференциации [22];
- Обзор публикаций в научных журналах, статистических данных об участии граждан в выборах, а также аналитических материалов Центра политической конъюнктуры и ФОМ (в части оценки уровня доверия к партиям) [2; 9; 20];
- Контент-анализ экспертных выступлений, публичных дискуссий и социальной риторики партий (2020–2024 гг.) с целью выявления доминирующих ценностных установок [7].

Методы анализа

- *Контент-анализ* программ и риторики политических партий — для выявления смысловых доминант и частотных идеологических паттернов.
- *Психолого-семиотический анализ* партийных символов, названий и лозунгов — для интерпретации их воздействия на массовое сознание.
- *Историко-сравнительный метод* — для сопоставления этапов развития партийной системы в России с моделями двухпартийности в других странах (США, Великобритания, Япония).

- *Метод экспертной оценки* — на основе анализа мнений ведущих российских политических психологов и социологов.
- *Интерпретативный анализ политической мифологии* — в контексте изучения коллективных символов, таких как «народ», «победа», «социальная справедливость» и др.

Таким образом, выбор методов обусловлен необходимостью комплексного рассмотрения феномена двухпартийности не только как институционального, но и как психологически значимого явления, в котором отражаются глубинные ожидания и ценностные ориентации российского общества.

Психологические основания двухпартийной модели

Формирование устойчивой двухпартийной модели в современной России требует не только институциональных изменений, но прежде всего — психологической легитимации данной структуры в массовом сознании, что предполагает выявление и актуализацию таких психологических оснований, которые обеспечивают доверие, идентификацию и готовность к участию граждан в политической жизни в рамках именно бинарной оппозиции партий.

- *Диалектическая природа политического мышления.* Результаты психосемиотического анализа программных документов и риторики российских партий подтверждают, что большинство граждан мыслят в оппозиционных категориях: «сильное государство — слабое государство», «социальная справедливость — экономическая эффективность», «традиция — прогресс». Такая бинарность восприятия является отражением диалектической структуры политического мышления, в основе которого лежит стремление упростить сложную политическую реальность до двух противоположных, но взаимодополняющих идеологических ориентиров. Такая структура хорошо вписывается в концепцию двухпартийной системы, где противоборство между консерватизмом и социал-демократией воспринимается не как конфликт, а как форма баланса, необходимого для стабильности и развития. Психологически она удовлетворяет базовую потребность в определённости, упрощает политический выбор и снижает тревожность перед неопределённостью.
- *Партийная идентификация как форма социальной принадлежности.* Согласно теории политической идентичности [25], устойчивость партийных предпочтений зависит не от программных установок, а от ощущения принадлежности к социальной группе, олицетворяемой партией. Ис-

следование российского электората показывает низкий уровень такой идентификации с существующими партиями, что объясняется их размытым идеологическим образом и отсутствием последовательного позиционирования. Двухпартийная модель способна восстановить функцию партии как психологического маркера социальной идентичности. Правая партия — выражающая традиционные ценности, чувство гордости за страну, преемственность поколений; левая — ориентированная на идеи социальной справедливости, заботы о «маленьком человеке», солидарности. Обе идентичности эмоционально насыщены, символичны и соответствуют культурным архетипам, присутствующим в исторической памяти российского общества.

- *Смысловая интеграция через образность и символику.* Контент-анализ названий партий и их риторики показывает слабую семантическую насыщенность большинства брендов. Они не выполняют свою символическую функцию — не формируют эмоционального отклика, не создают устойчивого образа. В условиях политической фрустрации важнейшим ресурсом является создание образа партии как смысловой опоры: источника устойчивости, смысла, ориентира.

В предлагаемой модели:

- Правая партия может опираться на символику, связанную с памятью, героизмом, государственностью, победой;
- Левая — на образы заботы, справедливости, труда, защиты социально уязвимых.

Такие образы глубоко укоренены в массовом сознании и позволяют строить идентификацию на бессознательном уровне, минуя рациональный анализ программных положений.

- *Психологическая потребность в структурированности политического поля.* Историко-культурный анализ показывает, что периоды максимальной политической стабильности в России совпадали с ситуациями, где поле власти было ясно структурировано и иерархизировано. Напротив, периоды высокой многопартийности (например, 1917 г. или 1990-е гг.) воспринимались как хаотические и опасные. Многопартийность, не подкреплённая реальной конкуренцией и смысловой дифференциацией, воспринимается массовым сознанием как симулякр демократии, в то время как упорядоченность в виде двух ясных, идеологически оформленных сил отвечает потребности в предсказуемости, коллективной безопасности и доверии. Таким образом, двух-

партийность выполняет функцию психической гигиены — снижает тревожность, политическую усталость и цинизм.

- *Ценностная мобилизация и эффект "психологической ясности".* Обе предполагаемые партии, при их правильной идеологической архитектуре, обладают потенциалом ценностной мобилизации. Правая — через обращение к понятию служения, гордости, долга; левая — через апелляцию к справедливости, равенству, солидарности. Такой эффект активизирует внутренние ресурсы личности, формируя не только лояльность, но и готовность к политическому участию.

Результаты исследования

Результаты проведённого теоретико-аналитического исследования позволили выявить ряд устойчивых закономерностей, подтверждающих необходимость и психологическую обоснованность перехода к двухпартийной модели в Российской Федерации. Полученные данные структурированы по основным направлениям анализа.

1. *Дефицит идеологической и ценностной дифференциации партий.* Контент-анализ программных и публичных заявлений 23 российских партий продемонстрировал низкий уровень смысловой поляризации между ними. В риторике партий доминируют универсальные, абстрактные формулировки, не позволяющие чётко отделить одну политическую силу от другой, что создаёт эффект «сгущённого центра» и делает затруднительным процесс политической идентификации у граждан.
2. *Низкий уровень партийной идентичности у населения.* Анализ отечественных и международных социологических данных (ФОМ, ВЦИОМ, EIU, Pew Research) показывает устойчиво низкий уровень доверия к политическим партиям в России. В то же время сохраняется потенциал к партийной идентификации при условии, что партия выражает не столько рациональные интересы, сколько ценностно-символическую позицию, отражающую мировоззрение и эмоциональный настрой человека, что подтверждает релевантность теории политической идентичности, акцентирующей внимание на эмоционально окрашенном восприятии партий как символических сообществ.
3. *Выраженная бинарность политического мышления в массовом сознании.* Результаты психосемантического анализа электоральных установок и политических ориентаций свидетельствуют о том, что граждане, даже не осознавая этого, мыслят политическую реальность в двоичных категориях: государство — общество, традиция — реформа, справедливость — свобода, стабильность — перемены, отражающие внутреннюю потребность

в упрощённой и ясной картине мира, где присутствуют две противоположные, но взаимосвязанные силы. Именно такая структура мышления лежит в основе устойчивых двухпартийных систем в странах с развитой демократической культурой.

4. *Потребность в образной и эмоциональной символике партий.* Психосемиотический анализ названий, лозунгов и визуального оформления партийных брендов выявил, что большинство партий в России не используют символику, имеющую высокую степень эмоциональной вовлечённости. Отсутствие сильных образов и символов (таких как, например, «победа», «труд», «справедливость», «нация», «память») ведёт к снижению эмоциональной значимости партий. Между тем, образы с глубокой культурной укоренённостью способны выполнять функцию «мостов идентичности» между партией и её потенциальным избирателем.
5. *Социально-психологическая усталость от многопартийности.* Историко-культурный и социологический анализ показывает, что периодическая гиперфрагментация партийной системы (например, в 1917 г., в 1990-х гг. и в посткризисные электоральные циклы) порождает не политическое многообразие, а цинизм и апатию. Многопартийность без реальной конкуренции в глазах общества приравнивается к имитации. Интерпретативный анализ массовых высказываний и экспертной риторики подтверждает устойчивый запрос на упорядоченность и смысловую структуру в политике — то, что может быть достигнуто через двухпартийную модель.
6. *Психологические преимущества двухпартийной структуры.* Сопоставление зарубежного и отечественного опыта показало, что двухпартийность:
 - упрощает политический выбор и снижает когнитивную нагрузку на избирателя;
 - способствует формированию долгосрочной идентичности и эмоциональной лояльности;
 - восстанавливает представление о политике как о поле подлинного противостояния, а не имитационного согласия;
 - возвращает в политический язык понятие «народ» как субъект политики, а не только как объект агитации.

Выводы и обсуждение

Проведённое исследование позволяет сделать обоснованный вывод о том, что переход к двухпартийной модели в современной России не только возможен, но и психологически оправдан. Анализ политического сознания, ценностных ориентаций и семантических паттернов в восприятии партийной структуры показал

наличие устойчивого запроса на упрощение и смысловую кристаллизацию политического поля. В условиях, когда многопартийность утратила функциональность как механизм представительства и мобилизации, двухпартийность становится альтернативой, способной восстановить доверие и идентификацию граждан с политическими субъектами.

Одним из ключевых результатов исследования стало выявление диалектической структуры массового политического восприятия, ориентированной на оппозицию двух противоположных, но взаимосвязанных идеологических полюсов — консервативного и социал-демократического. Такое противостояние глубоко укоренено в политической истории, культуре и психологии, а потому воспринимается гражданами как естественное и понятное. Оно обеспечивает не деструктивный конфликт, а продуктивный баланс, в котором могут сосуществовать и конкурировать разные версии будущего, выраженные через ценности стабильности и обновления.

Образность и символика, как показал психосемиотический анализ, играют ключевую роль в процессе формирования партийной идентичности. Названия, лозунги, исторические ассоциации и ценностные маркеры (например, «победа», «справедливость», «служение», «народ») не только усиливают эмоциональный отклик, но и позволяют партиям выполнять функцию смысловой интеграции, возвращая политику в пространство личного и коллективного смысла. В этом контексте двухпартийная модель даёт возможность каждой из сторон сформировать устойчивую психологическую базу поддержки, которая выходит за рамки электоральной целесообразности и закрепляется на уровне идентичности.

Обсуждая перспективы реализации данной модели, следует подчеркнуть, что речь не идёт о механическом копировании западных систем. Напротив, двухпартийная структура в России должна учитывать национальные особенности политической культуры, такие как высокая значимость символов, историческая преемственность, доминирование этико-мировоззренческого (а не только интересоцентрического) подхода к политике. Важно также, чтобы обе партии не выступали как антагонисты власти, а сохраняли интегративный характер, объединяя вокруг себя массовые движения, экспертные сообщества, региональные инициативы и т.д.

Таким образом, двухпартийность в российском контексте может стать:

- формой политической модернизации, опирающейся на традиционные ценности;
- способом восстановления доверия к институтам;
- инструментом смысловой консолидации общества на фоне мировоззренческой фрагментации.

Необходимым условием перехода к такой модели является не только реформирование партийного законодательства, но и психологическая перезагрузка самого представления о партии как выразителе не просто интересов, а исторической, моральной и культурной миссии. В этом заключается главный вызов — и главная возможность — нового этапа партстроительства в России.

Заключение

Современная партийная система России находится в состоянии идеологической и функциональной стагнации. Утрата доверия к политическим институтам, размытие смыслов, отсутствие реального политического выбора и массовое отчуждение от избирательного процесса указывают на необходимость не только институциональной, но и психологической трансформации модели партстроительства.

Анализ политического сознания, проведённый в рамках настоящего исследования, позволяет утверждать, что двухпартийная система, основанная на противопоставлении консервативной и социал-демократической идеологий, отвечает глубинным потребностям российского общества — в ясности, предсказуемости, смысло-

вой определённости и принадлежности. Такая модель политической организации удовлетворяет естественное стремление к диалектическому равновесию между стабильностью и изменением, между сохранением и развитием, между национальной идентичностью и социальной справедливостью.

Двухпартийность представляет собой не отказ от плюрализма, а его структуризацию и упорядочение. В условиях, когда реальная конкуренция растворилась в политической рутине, именно идеологически оформленная, психологически значимая и ценностно различимая структура партий способна вернуть политике статус общественно значимого института. При этом важнейшую роль играют не столько программы и лозунги, сколько возможность эмоциональной и символической идентификации граждан с теми смыслами, которые партии транслируют.

Тем самым двухпартийная система в российском контексте может стать не просто формой политической организации, а инструментом психологической стабилизации и культурной консолидации, необходимым для укрепления внутреннего единства и формирования зрелого гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурикова, И.С. Роль феномена оборонного сознания населения в существующей геополитической ситуации / И.С. Бурикова // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2025. — Т. 30, № 1(100). — С. 15-21. — DOI 10.24412/1999-6241-2025-1100-15-21. — EDN KJSVWG.
2. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Политические предпочтения россиян [Электронный ресурс]. — URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 15.07.2025).
3. Гельман В. Авторитарная Россия. Бегство от свободы, или Почему у нас не приживается демократия. Говард Рорк, 2022. - 336 с.
4. Давыдов, А.В. Консервативная идеология в политической системе современной России / А.В. Давыдов, С.В. Устинкин // Власть. — 2010. — № 11. — С. 78-80. — EDN NBMGMZ.
5. Дробижева, Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения / Л.М. Дробижева // Социологические исследования. — 2020. — № 8. — С. 37-50. — DOI 10.31857/S013216250009460-9. — EDN IZTYSH.
6. Дюверже, М. «Политические партии» / перевод с французского Л.А. Зиминной. — 5-е изд. — Москва: «Академический Проект», 2020. — 544 с. — ISBN 978-5-8291-3153-1
7. Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. Аналитические доклады о политических процессах в России [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ranepa.ru/structure/insap.html> (дата обращения: 15.07.2025).
8. Кондраль, Д.П. Модернизация политической системы современной России: развитие консервативных и национал-патриотических проектов [1] / Д.П. Кондраль, А.Г. Кузьмин // Общество: политика, экономика, право. — 2020. — № 4(81). — С. 19-24. — DOI 10.24158/per.2020.4.2. — EDN FRAZIX.
9. Министерство юстиции РФ. Единый государственный реестр политических партий [Электронный ресурс]. — URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr/> (дата обращения: 15.07.2025).
10. Новое политическое мышление и оборонное сознание. Нравственность советских воинов и ее значение в армейской службе / Гл. полит. упр. Сов. Армии и ВМФ; [Подгот. А.В. Павловым и др.]. — Москва: Воениздат, 1990. — 63,[1] с.: 20 см — (В помощь марксистско-ленинской подгот. офицеров).
11. Опыт классификации стран / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина [и др.] // Полис. Политические исследования. — 2006. — № 5. — С. 15-38. — EDN HAOUDV.
12. Петухова, Т.Н. Оценка русского либерализма с позиций практического применения / Т.Н. Петухова // Начала Русского мира. — 2025. — № 1. — С. 64-70. — EDN EJMHOZ.
13. Политические партии и политики России как объекты классификации (по материалам их программ и публичных выступлений) / Т.В. Анисимова, И.С. Бурикова, М.А. Коновалова [и др.] // Власть. — 2003. — № 9. — С. 31-42. — EDN UVKLEX.
14. Поляков, Л.В. Консервативная Россия. К тридцатилетию нашей идеологической эволюции / Л.В. Поляков // Тетради по консерватизму. — 2021. — № 4. —

- С. 13-25. — DOI 10.24030/24092517-2021-0-4-13-25. — EDN KSBROK.
15. Пономаренко, Е.В. Либерально-консервативные партии в России: место и роль в политическом процессе: специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Пономаренко Евгений Валерьевич. — Краснодар, 2004. — 25 с. — EDN ZNPVIR.
 16. Пророк, В. Социально-политический выбор России в контексте идеологий / В. Пророк // Наука. Культура. Общество. — 2021. — Т. 27, № 4. — С. 107-121. — DOI 10.19181/nko.2021.27.4.9. — EDN THNEPD.
 17. Руткевич, А.М. Либеральная демократия vs консервативный популизм / А.М. Руткевич // Тетради по консерватизму. — 2019. — № 1. — С. 344-380. — DOI 10.24030/24092517-2019-0-1-344-380. — EDN QJHEHI.
 18. Трущева, А.А. Консервативные ценности российских граждан и членов партии "Единая Россия" (политико-культурный анализ): специальность 23.00.03 "Политическая культура и идеологии": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Трущева Анастасия Александровна. — Москва, 2017. — 22 с. — EDN ZQDABJ.
 19. Угринов, Е.А. Политическая партия "Единая Россия" и консервативная модернизация / Е.А. Угринов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2013. — № 3(36). — С. 393-398. — EDN RCDOCL.
 20. Фонд «Общественное мнение». Электоральные рейтинги и доверие к партиям [Электронный ресурс]. — URL: <https://fom.ru> (дата обращения: 15.07.2025).
 21. Хорина, Г.П. Идеология консерватизма и управление современной Россией / Г.П. Хорина // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 3. — С. 84-92. — EDN PWNXSD.
 22. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Список зарегистрированных партий [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.cikrf.ru/> (дата обращения: 15.07.2025).
 23. Ширинянц, А.А. К "феноменологии" консерватизма и не только / А.А. Ширинянц // Вопросы истории консерватизма. — 2015. — № 1. — С. 356-380. — EDN YHWIOT.
 24. Юрьев, А.И. Введение в политическую психологию / А.И. Юрьев. — Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1992. — 228 с. — ISBN 5-288-01060-9. — EDN YWVNP.
 25. Green D.P., Palmquist B., Schickler E. Partisan Hearts and Minds: Political Parties and the Social Identities of Voters. — New Haven: Yale University Press, 2002. — 330 p.
 26. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments, Free Press, 1967. P. 64.

© Бурикова Инга Сергеевна (burikova@cspdom.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТРЕСС ЮРИСКОНСУЛЬТА: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

PROFESSIONAL STRESS OF A LEGAL ADVISER: CAUSES, CONSEQUENCES, AND COPING STRATEGIES

E. Vertyagina

Summary: The article is devoted to the study of the phenomenon of professional stress of legal advisers. The specific stressors of the legal profession are considered in the context of the professional activity of a legal adviser, the psychological and physiological effects of stress in the workplace are analyzed, and scientifically based strategies for preventing and overcoming stress at the individual and organizational levels are proposed, taking into account the stages of professional development of a lawyer's personality.

The study highlights the relevance of the problem under study for maintaining the health of legal advisers, improving the quality of legal services and the effectiveness of organizations.

Keywords: professional activity, professional development, professional stress, legal adviser, stress factors, psychohygienic, stress prevention, organizational culture.

Вертягина Елена Александровна

Кандидат психологических наук, доцент, Саратовская
государственная юридическая академия
helen_vertyagina@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию феномена профессионального стресса юрисконсульты. Рассматриваются специфические стрессоры юридической профессии в контексте профессиональной деятельности юрисконсульта, анализируются психологические и физиологические последствия стресса на рабочем месте, а также предлагаются научно обоснованные стратегии профилактики и преодоления стресса на индивидуальном и организационном уровнях с учетом этапов профессионального становления личности юриста. Исследование подчеркивает актуальность изучаемой проблемы для поддержания здоровья юрисконсульты, повышения качества оказания юридических услуг и эффективности функционирования организаций.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, профессиональное становление, профессиональный стресс, юрисконсульт, стресс-факторы, психогигиена, профилактика стресса, организационная культура.

Введение

В настоящее время в условиях интенсификации объемов получаемой информации наблюдается рост нервно-психической напряженности в деятельности юристов разной специализации, что сопровождается повышенными требованиями к психической устойчивости и адаптивности работников.

Разнообразие подходов к исследованию проблемы стресса весьма велико и достаточно подробно представлено в научных работах. Изучение различных видов стресса (эмоционального, психического, спортивного, производственного, космического, военного и др.) с позиций современной науки нашло свое отражение в работах, посвященных биохимическим (Виру А.А., 1981; Панин Л.Е., 1983; Робу А.И., 1989), физиологическим (Мерсон Ф.З., 1981, 1988; Федотов В.М., 1991), клиническим (Горизонтов П.Д., 1976; Короленко Ц.П. 1978), психофизиологическим и психологическим (Китаев-Смык Л.А., 1983; Космолинский Ф.П., 1976) аспектам его проявлений [1, 2].

Юридическая профессия как профессия типа «человек-человек» относится к числу наиболее стрессогенных. В научной литературе традиционно подробно

рассматриваются специфические стресс-факторы в профессиональной деятельности работника правоохранительных органов [3].

Практическая актуальность и недостаточная теоретическая разработанность проблемы профессионального стресса юрисконсульта обусловили избрание ее в качестве темы настоящего исследования.

Объект исследования – стресс как конфликтное эмоциональное психическое состояние.

Предмет исследования – особенности профессионального стресса юрисконсульта.

Целью исследования является определение основных особенностей профессионального стресса юрисконсульта с последующей разработкой рекомендаций для повышения стрессоустойчивости сотрудника.

В соответствии с этой целью были поставлены конкретные задачи:

- выявить социально-психологические особенности профессиональной деятельности юрисконсульта;

- изучить специфичные стресс-факторы в профессиональной деятельности юрисконсульта;
- исследовать последствия профессионального стресса у юрисконсульттов;
- разработать основные направления стратегии преодоления и профилактики профессионального стресса юрисконсульта на индивидуальном и организационном уровнях с учетом этапов профессионального становления личности юриста.

Методы исследования

Методологической основой настоящего исследования являются базовые положения психологической науки. Это – принципы системности, детерминизма, развития, принцип единства сознания и деятельности, единства субъективного и объективного, социального и биологического, взаимосвязи и взаимообусловленности профессиональной деятельности и личности исполнителя.

В проведенном исследовании использовался комплекс взаимодополняющих методов: анализ научной литературы по проблеме исследования, изучение документов, беседа, анкетирование.

Эмпирическую базу исследования составили результаты анкетирования 50 юрисконсульттов (50% мужчин, 50% женщин) в возрасте от 22 до 50 лет; стаж работы в юриспруденции от года до двадцати лет.

Результаты исследования и их обсуждение

Профессиональная деятельность юрисконсульта обладает уникальной социально-психологической спецификой, отличается сложным взаимодействием элементов познавательной, удостоверительной, коммуникативной и организаторской подструктур, многообразием решаемых задач, порождающих комплекс факторов, способствующих развитию профессионального стресса сотрудника [4].

К основным должностным обязанностям юрисконсульта относятся следующие. Правовое сопровождение деятельности организации: консультирование руководства и сотрудников по правовым вопросам, связанным с деятельностью компании. Разработка и проверка договоров: подготовка, анализ и согласование различных договорных документов, контрактов, соглашений. Обеспечение соблюдения законодательства: контроль ответственности деятельности компании действующему законодательству, подготовка внутренних нормативных актов. Представление интересов организации в судах и государственных органах: участие в судебных разбирательствах, подготовка исковых заявлений, жалоб и других документов. Работа с юридической документацией:

ведение дел, хранение и систематизация юридических документов. Обеспечение правовой безопасности: выявление рисков, связанных с деятельностью компании, разработка рекомендаций по их минимизации. Обучение сотрудников: проведение инструктажей и разъяснений по правовым вопросам внутри организации. Контроль за исполнением судебных решений и договорных обязательств [5].

Юрисконсульт (корпоративный юрист) работает в рамках одной организации, обеспечивая ее правовую безопасность, соответствие деятельности законодательству, разрешение внутренних и внешних правовых споров. Персональная ответственность за принимаемые решения и их последствия, высокая интенсивность работы, необходимость балансировать между интересами бизнеса или организации и требованиями закона создают предпосылки для возникновения стресса, который при отсутствии адекватных мер и профилактики может привести к серьезным негативным последствиям как для самого специалиста, так и для работодателя [6].

Во время бесед с респондентами определены специфичные стресс-факторы в профессиональной деятельности юрисконсульта.

1. Высокая личная ответственность и риск ошибки. Последствия профессиональной ошибки юрисконсульта могут быть катастрофическими для организации: многомиллионные убытки, репутационный ущерб, судебные разбирательства, административная или уголовная ответственность руководства. Постоянное осознание этого бремени является мощным хроническим стрессором.
2. Информационная перегрузка и когнитивная нагрузка. Необходимость постоянно отслеживать изменения в огромном массиве законодательства, судебной практики, внутренних документов компании требует колоссальных интеллектуальных усилий и концентрации внимания.
3. Многозадачность и острый дефицит времени. Юрисконсульту часто приходится вести множество разнородных проектов (договоры, претензии, суды, консультации, проверки), каждый из которых имеет жесткие сроки. Хронический цейтнот и необходимость быстро переключаться между задачами истощают психофизиологические ресурсы.
4. Конфликт интересов и этические дилеммы. Необходимость отстаивать интересы работодателя, которые могут вступать в противоречие с буквой или духом закона, личными этическими принципами юриста или интересами третьих лиц, создает глубокий внутриличностный конфликт.
5. «Буферная роль» и коммуникативные нагрузки. Юрисконсульт часто выступает «буфером» между

бизнес-подразделениями (стремящимися к результату) и жесткими правовыми рамками, между руководством и контролирующими органами. Необходимость постоянно объяснять, убеждать, отказывать, вести сложные переговоры с коллегами, контрагентами и чиновниками требует высоких эмоциональных затрат.

6. Неопределенность правовой среды. Частые и не всегда предсказуемые изменения законодательства, противоречивость судебной практики создают фон неопределенности, затрудняющий уверенное принятие решений и планирование.
7. Организационные факторы. Недостаток ресурсов (кадровых, временных), нечеткие должностные инструкции, отсутствие обратной связи или признания со стороны руководства, конфликтная организационная культура усугубляют стресс.

На основе проведенного анкетного опроса определены последствия профессионального стресса у юрисконсультов.

1. Физиологические реакции: сердечно-сосудистые заболевания (гипертония, ишемическая болезнь сердца) указали в анкете 10% респондентов; желудочно-кишечные расстройства – 17 % респондентов; нарушения сна, хроническая усталость – 85 % респондентов; ослабление иммунитета, частые простудные заболевания, головные боли, мышечное напряжение указал каждый второй опрошенный юрист.
2. Проявление психологических симптомов, отражающих особенности функционирования мотивационной, когнитивной и эмоционально-волевой психических сфер связано с возрастом и стажем работы респондентов. Так, снижение профессиональной мотивации, ощущение собственной некомпетентности, безразличное, порой циничное отношение к коллегам, клиентам, контрагентам отметили 80% респондентов со стажем более 5 лет. Снижение концентрации внимания, ухудшение памяти, тревожность, раздражительность, субдепрессивные состояния определены у 76 % юрисконсульты со стажем работы менее 5 лет.
3. Профессиональные: снижение качества работы, рост числа ошибок; снижение производительности, прокрастинация; ухудшение отношений с коллегами и руководством; текучесть кадров юридических департаментах; репутационные риски для организации указали большинство опрошенных юрисконсульты.

Разработка стратегии преодоления и профилактики профессионального стресса юрисконсульта требует комплексного подхода на индивидуальном и организационном уровнях с учетом этапов профессионального

становления личности юриста.

Индивидуальный уровень:

1. Поддержание физического здоровья: регулярная физическая активность, сбалансированное питание, достаточное потребление воды, качественный сон, соблюдение режима дня, профилактические медицинские осмотры.
2. Развитие стрессоустойчивости: овладение навыками когнитивной реструктуризации и эмоциональной регуляции, тайм-менеджмента и грамотной расстановки приоритетов [7].
3. Психогигиена и восстановление: регулярные перерывы в течение рабочего дня, хобби, интересы вне работы, обеспечивающие психологическую разгрузку, социальная поддержка (семья, друзья, коллеги-единомышленники), обучение техникам релаксации, обращение за профессиональной помощью психолога или психотерапевта при стойких симптомах стресса или эмоционального выгорания.

Подчеркнем, что данные навыки актуально формировать на этапе профессионального обучения будущих юристов, что способствует сохранению физического и психического здоровья работника, формированию у него индивидуального подхода к оценке и последующей адекватной коррекции своего психофизиологического самочувствия и трудоспособности. [8, 9, 10].

Организационный уровень:

1. Культура поддержки и признания: открытая коммуникация, поощрение обратной связи от сотрудников; признание достижений и ценности вклада юристов в успех компании, создание атмосферы психологической безопасности, где допустимо обсуждать ошибки и трудности без страха наказания.
2. Оптимизация рабочих процессов: четкое распределение обязанностей и зон ответственности, реалистичное планирование сроков и нагрузки; обеспечение необходимыми ресурсами (современные правовые системы, ПО, доступ к базам данных, достаточный штат), автоматизация рутинных операций.
3. Развитие и поддержка персонала: инвестиции в профессиональное и личностное развитие сотрудников; проведение мероприятий по снижению риска профессиональной деформации работников.

Выводы

Изучение проблемы профессионального стресса юрисконсульта предполагает подробное рассмотрение

объективных (содержание и условия труда) и субъективных (индивидуально-психологические особенности работника) факторов. Подчеркнем, стрессовая ситуация для каждого работника уникальна, поскольку определяется его индивидуальностью (уровнем интеллектуального развития, темпераментом, характером, стилем поведения, субъективным жизненным и профессиональным опытом и пр.). Стрессоустойчивость в немалой степени зависит от общего жизненного фона юриста, т.е. от того, насколько успешно он умеет адаптироваться к напряженным ситуациям, порождаемым общесоциальными, профессиональными, семейными, возрастными и

прочими факторами.

Ключевыми условиями повышения стрессоустойчивости юрисконсультов являются высокий уровень их правовой культуры и профессиональной компетентности, овладение будущими юристами на этапе вузовской подготовки методами самомотивации, саморегуляции и самоорганизации и последующая их индивидуализация на конкретном рабочем месте с учетом пола, возраста, типа высшей нервной деятельности, уровня интеллектуального развития работника; разработка индивидуальных программ повышения профессионального мастерства; а также улучшение условий труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бохан Т.Г. Стресс и стрессоустойчивость: опыт культурно-исторического исследования. – Томск: Издательство «Иван Федоров», 2021. – 291 с.
2. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. – СПб.: Питер, 2006. – 126 с.
3. Осадченко К.А. Моделирование профессиональной надежности специалистов юридической сферы: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Санкт-Петербург, 2025. – 19 с.
4. Васильев В.Л. Юридическая психология. – М.: Юстиция, 2025. – 608 с.
5. Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих (утв. Постановлением Минтруда России от 21.08.1998 N 37) (ред. от 27.03.2018) // СПС КонсультантПлюс.
6. Журавель Е.Г. Психические состояния личности и их психолого-правовая оценка // Юридическая психология. – 2021, № 1. – С. 13 – 17.
7. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики соре // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2023, № 1 (10). – С. 83 – 89.
8. Высшее юридическое образование в XXI веке: вызовы и решения. – Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2024. – 130 с.
9. Зинатуллина А.М. Особенности развития стрессоустойчивости взрослых, совмещающих учебную и профессиональную деятельность: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Москва, 2024. – 23 с.
10. Новикова Е.Е. Факторы соматического риска у студентов вуза / Е.Е. Новикова, Е.А. Вертягина // Эффективный менеджмент здравоохранения: стратегии инноваций: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Саратов, 29–30 сентября 2022 года / Редколлегия: А.С. Федоников [и др.]. – Саратов: Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского, 2022. – С. 237-240.

© Вертягина Елена Александровна (helen_vertyagina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ТЕЛЕСНОГО ОБРАЗА «Я» ПРИ СЕКСУАЛЬНЫХ НАРУШЕНИЯХ

Леденцова Светлана Леонидовна

Кандидат психологических наук, БУ ВО ХМАО-Югры

«Сургутский государственный университет»

Leden-Svet@yandex.ru

Мирзазаде Русана Шохрат кызы

клинический психолог, Центр социальной адаптации
людей с особенностями в развитии и их семей «АВАКада»

(г. Сургут)

mirzazaderusana@gmail.com

FEATURES OF BODY IMAGE "I" IN SEXUAL DISORDERS

S. Ledentsova

R. Mirzazade

Summary: This article is devoted to the specifics of the bodily image of the "I" in people with impaired psychosexual orientation, introduces the concept of the bodily image of the "I", defines the role of sexuality in the formation of physicality in people with homo- and bisexual orientation. According to the results of an empirical study, three groups of psychological disorders have been identified: symptoms of a borderline level of personality organization; symptoms of a disharmonious bodily image of the "I" and specific features of the realization of a sexual role and sexual activity characteristic of persons with impaired sexual orientation. The article describes a symptom complex of disharmonious body image of the "I" in psychosexual orientation disorders, manifested in violations of: the level of sensations (low awareness of body image, body schema disorders); cognitive level (inadequate ideas about one's body and its functions); emotional level (negative assessment of one's bodily manifestations and rejection of certain body parts and organs); motivational and semantic level (contradictory and unstable nature of motives and meanings related to bodily appearance, exaggerated role of motives and meanings related to physicality; in the conflict personal sense of the body: the motive of maintaining health in combination with tendencies to self-harm); behavioral level (objectification and fixation on one's body, in dysmorphic and hypochondriac symptoms).

Keywords: body image "I", corporeality, homosexual orientation, bisexual orientation, gender role behavior, disorder of psychosexual development, gender identity, body schema, body image, borderline level of personality organization.

Аннотация: Данная статья посвящена специфике телесного образа «Я» у людей с нарушениями психосексуальной ориентации, вводится понятие телесного образа «Я», определяется роль сексуальности в формировании телесности у лиц с гомо- и бисексуальной ориентацией. По результатам эмпирического исследования выявлены три группы психологических нарушений: симптомы пограничного уровня организации личности; симптомы дисгармоничного телесного образа «Я» и специфические особенности реализации половой роли и сексуальной активности, свойственные лицам с нарушением сексуальной ориентации. Описан симптомокомплекс дисгармоничного телесного образа «Я» при расстройствах психосексуальной ориентации, проявляющийся в нарушениях: уровня ощущений (низкой степени осознанности образа тела, нарушения схемы тела); когнитивного уровня (неадекватных представлениях о своем теле и его функциях); эмоционального уровня (негативной оценке своих телесных проявлений и отвержении определенных частей тела и органов); мотивационно-смыслового уровня (противоречивом и нестабильном характере мотивов и смыслов, связанных с телесной внешностью, преувеличенной роли мотивов и смыслов, связанных с телесностью; конфликтном личностном смысле тела: мотиве сохранения здоровья в совокупности с наклонностями к самоповреждениям); поведенческого уровня (объективированности и фиксированности на своем теле, в дисморфобической и ипохондрической симптоматике).

Ключевые слова: телесный образ «Я», телесность, гомосексуальная ориентация, бисексуальная ориентация, полоролевое поведение, нарушение психосексуального развития, гендерная идентичность, схема тела, образ тела, пограничный уровень организации личности.

Психологические подходы, различные по теоретическим позициям по отношению телесности и сексуальности, единодушны в представлении о том, что телесные проявления и переживания сопряжены со становлением идентичности и самосознания личности [10, 9, 11, 12]. В отечественном подходе опосредствование телесности знаком культуры считается одним из важнейших аспектов успешного формирования самосознания, самоотношения и самоидентичности, что определяет значимость исследования нормы и патологии развития телесности [10, 11]. «Культурное тело» как «особый контур «Я», не совпадающий с границами «Я», очерченными природными преградами» в трудах авторов может быть акцентирован различными феноменами, например, та-

кими как: первичная телесная идентичность, схема тела, образ тела, границы тела, телесное представление, концепция тела и пр. [1, 9, 11, 12]. Важной областью любого из данных феноменов является тело «эротическое», как один из аспектов «культурного тела», в социализации которого изначально усваивается не модель реализации функции, а механизм торможения, регламентирующий области допустимого и запретного [11].

Противоречивость социальных требований к проявлению сексуальности (при реализации данной функции любой запрет этой области надлежит, соблюдая нарушать [11], политические и общественные пертурбации понятия нормы и патологии в сфере сексуальности,

индивидуальные особенности социальной ситуации развития личности, физиологические проблемы в развитии организма и прочие аспекты влияют на развитие сексуальности, а, порой, изменяют и искажают развитие телесного образа Я, и, следовательно, весь ход развития личности.

Основными психологическими новообразованиями в сфере сексуальности считаются половая идентичность как осознание индивидом своей половой принадлежности; сексуальная ориентация как способность испытывать сексуальное влечение к определенному полу, а также специфическая половая роль как дифференциация статусов, прав и обязанностей индивидов в зависимости от их половой принадлежности, включающая в себя полоролевое и сексуальное поведение [8].

Теоретический обзор показал, что существующие на данный момент психологические исследования не позволяют в полной мере описать специфику сексуальных расстройств с точки зрения их влияния на телесный онтогенез человека, что обуславливает теоретическую значимость нашего исследования. Особо остро встает вопрос о наличии нарушений телесного образа «Я» как интегрального социально-культурного психического образования, складывающегося в процессе развития и постижения личностью своей телесной самоидентичности у людей, чья ориентация отличается от традиционной, но не квалифицируется как личностное расстройство. Данное противоречие выступает проблемой нашего исследования.

Исходя из этого, нами была выдвинута гипотеза о том, что нарушения развития перечисленных компонентов сексуальности, даже учитывая то, что они не во всех случаях фиксируются в международных классификаторах болезней (МКБ- 10, МКБ-11 и DSM-V) как нарушения и расстройства, будут грубо искажать развитие телесного образа «Я» личности, что отразится и в появлении проблем развития самосознания и самоотношения [2, 3, 4, 5, 6, 7]. Формирование искаженного и негативного телесного образа «Я», будет проявляться в нарушениях:

- Уровня ощущений (низкая степень осознанности телесности);
- Когнитивного уровня (неадекватные представления о своем теле);
- Эмоционального уровня (негативная оценка тела);
- Мотивационно-смыслового уровня (преувеличенная роль мотивов и смыслов, связанных с телесной внешностью);
- Поведенческого уровня (объективированность и фиксированность на своем теле, дисморфофобическая и ипохондрическая симптоматика).

В рамках экспериментального исследования, с целью

изучения поставленной выше гипотезы, была проведена работа с двадцатью респондентами, в число которых входило десять мужчин и десять женщин в возрастном промежутке от 18-ти до 30-ти лет.

Таблица 1.

Описание трех групп выборок испытуемых.

Мужчины гомосексуальной ориентации	Женщины гомосексуальной ориентации	Представители бисексуальной ориентации
1.1. (26 лет)	2.1. (30 лет)	3.1. (24 года, ж.)
1.2. (23 года)	2.2. (21 год)	3.2. (22 года, м.)
1.3. (23 года)	2.3. (24 года)	3.3. (19 лет, ж.)
1.4. (18 лет)	2.4. (20 лет)	3.4. (21 год, м.)
1.5. (18 лет)	2.5. (18 лет)	3.5. (20 лет, ж.)
1.6. (20 лет)	2.6. (19 лет)	3.6. (30 лет, ж.)
1.7. (21 год)	2.7. (23 года)	

Все испытуемые являлись представителями нетрадиционной сексуальной ориентации (гомо- и бисексуальная). Данная выборка отвечает принципу репрезентативности как микромодель генеральной совокупности людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, отражающая ее основные характеристики. При обработке результаты исследования были разделены на группы. В первую группу вошли результативные показатели мужчин; во вторую – женщин с гомосексуальной ориентацией. Третью группу результатов составили показатели представителей бисексуальной ориентации вне зависимости от пола.

Задачами исследования было обусловлено применение метода клинической беседы, которое позволило составить подробный анамнез каждого испытуемого; а также использование следующего диагностического инструментария как наиболее полно раскрывающего особенности исследуемой проблемы, согласованного с природой предмета исследования и имеющего адекватные исследовательские возможности полученному результату:

1. Методика – опросник Сандры Бэм (диагностика полоролевых особенностей: маскулинности, фемининности, андрогинности, недифференцированности);
2. Методика «Сегменты» Д.К. Саламовой, Н.В. Дворянчикова и С.Н. Ениколопова (с целью изучения образа тела в рамках динамической Я-концепции) [1];
3. Методика «Рисунок человека», относящаяся к категории проективных, в авторстве Ф. Гудинафа, К. Маховера, в модификации Т.В. Румянцевой (определение личностных особенностей исследуемых подопечных, путем анализа рисунка человеческой фигуры);

4. Опросник образа собственного тела О.А. Скугаревского и С.В. Сивухи (определение степени удовлетворенности собственным телом); Далее – ООСТ.
5. Промеры по Фельденкрайзу в модификации Соловьевой И.А. (выявление искажений образа тела у лиц с нарушениями сексуальной ориентации);
6. Методика многостороннего исследования личности (ММПИ), в адаптации Ф.Б. Березина (с целью диагностики возможной дисгармоничности и акцентуации личности подопечных).

Для оценки особенностей развития телесного образа «Я» у лиц с нарушениями психосексуальной ориентации были разработаны критерии анализа, маркерами которых являлись данные перечисленных методик (см. табл. 2).

Результаты методик позволили не только описать нарушения телесного образа «Я», но и выявить специфику развития личности с нарушениями сексуальной ориентации [2, 3, 4, 5, 6, 7]. Данные были разделены нами на три группы, характеризующие: показатели пограничного уровня организации личности; симптомы нарушения развития общей и половой идентичности; характеристики искаженного (дисгармоничного) телесного образа

«Я», и специфические симптомы дисгармонии половой роли и сексуальной активности, свойственные лицам с нарушением сексуальности.

В актуальном образе телесного «Я», (норма развития которого описана по результатам методики «Сегменты» Н.В. Дворянчиковым, Д.К. Саламовой и С.Н. Ениколоповым [1]) у представителей гомо- и бисексуальной ориентации семантической значимостью обладают иные, по сравнению с нормативной выборкой, части тела, что может свидетельствовать о нарушениях телесного образа «Я» и телесного образа Другого у подопечных всех групп (см. табл. 3).

Было выявлено, что значимость и семантика частей тела в актуальном образе телесного «Я» у лиц гомо- и бисексуальной ориентации отличается от смысловых телесных значений гетеросексуальной выборки [1]. Так, например, гомосексуальные женщины при определении своих значимых зон тела в ситуации сексуального взаимодействия, выделяют нехарактерные для нормативного выбора области спины, шеи и плечевого пояса, традиционно присущие мужской выборке и связанные с семантикой мужественности, но при этом игнорируют значимую для нормативной выборки область гениталий. Это может указывать на сексуальную незрелость, пере-

Таблица 2.

Критерии анализа феноменологии нарушенного телесного образа «Я» у лиц с нарушением психосексуальной ориентации.

Критерии	Наличие в выборке						
	N (показатель нормы)		O (средняя выраженность нарушения)			N (показатель нарушения)	
Восприятие тела	Целостное		Неустойчивое			Фрагментарное	
Образ тела	Нормотипичный		Средняя выраженность искажения			Искаженный	
Схема тела	Нормотипичная		Дисгармоничная			Искаженная	
Степень удовлетворенности телом	Удовлетворенность телом		Умеренная неудовлетворенность			А: Тотальная неудовлетворенность	Б: Компенсаторно-высокая удовлетворенность
Дисморфофобия	Отсутствие		Частичная выраженность			Наличие	
Ипохондрия	Отсутствие		Частичная выраженность			Наличие	
Полоролевое поведение	А: Умеренное преобладание фемининности у женщин	Б: Умеренное преобладание маскулинности у мужчин	А: Умеренное преобладание фемининности у мужчин	Б: Умеренное преобладание маскулинности у женщин	: В одинаковой степени высокие показатели обеих шкал полная андрогиния	А: Высоко-выраженная фемининность у женщин / маскулинность у мужчин	Б: Низкие показатели обеих шкал (Недифференцируемость по полу)
Гендерная идентификация	Соответствует биол. полу		Не соответствует биол. полу			Неопределенная	
Личностный профиль по ММИЛ (ММПИ)	Нормотипичный		Дисгармоничный, выше статистической нормы (1-3 шкалы)			Дисгармоничный, выше статистической нормы (более 3ех шкал > n)	
Самооценка	Адекватная самооценка		А: Тенденция к умеренной заниженности	Б: Тенденция к умеренной завышенности		А: Неадекватно заниженная	Б: Неадекватно завышенная

Таблица 3.

Результаты методики «Сегменты» у групп с гомо- и бисексуальной ориентацией в зависимости от биологического пола.

Пол	Вариант нормы (гетеросексуальная ориентация) – стандарт методики	Дисгармоничный вариант (гомосексуальная ориентация)	Дисгармоничный вариант (бисексуальная ориентация)
Женщины	1) При «слепой» инструкции - области лица, груди, гениталий, спины и живота 2) При сексуальном взаимодействии - области гениталий, ягодиц, груди и живота 3) При взаимодействии со своим полом (однополое взаимодействие) - области лица и ладони 4) При взаимодействии с противоположным полом - области лица, груди, ягодиц и плечевого пояса (вид спереди)	1) При «слепой» инструкции – ноги (вид сзади), лицо, спина 2) При сексуальном взаимодействии – спина, шея, живот 3) При взаимодействии со своим полом (однополое взаимодействие) – лицо, кисти рук, часть руки (от локтя до плеча) 4) При взаимодействии с противоположным полом – лицо, часть руки (от локтя до плеча), зона плеч	1) При «слепой» инструкции – области гениталий, ног (вид сзади и спереди), ягодиц 2) При сексуальном взаимодействии – спина, шея (вид сзади), плечи (вид сзади) 3) При взаимодействии со своим полом (однополое взаимодействие) – лицо, ладони, часть руки (от локтя до плеча) 4) При взаимодействии с противоположным полом – часть руки (от локтя до плеча), ладони, лицо
Мужчины	1) При «слепой» инструкции - области лица, гениталий, а область шеи, груди, живота 2) При сексуальном взаимодействии - области лица, гениталий и шеи (вид спереди) 3) При взаимодействии со своим полом (однополое взаимодействие) - области лица, ладони, и плечевого пояса (вид спереди) 4) При взаимодействии с противоположным полом - области лица, ладони, плечевого пояса и шеи (вид спереди)	1) При «слепой» инструкции – области лица, ноги (вид спереди), шея (вид спереди) 2) При сексуальном взаимодействии - области гениталий, лица, шеи, и ног (вид сзади) 3) При взаимодействии со своим полом (однополое взаимодействие) - области лица, шеи, кисти рук 4) При взаимодействии с противоположным полом - области лица, ног (вид сзади), кисти рук	1) При «слепой» инструкции – ягодицы, живот, лицо, гениталии, ладони 2) При сексуальном взаимодействии – ладони, гениталии, живот, ягодицы 3) При взаимодействии со своим полом (однополое взаимодействие) – лицо, живот, ягодицы 4) При взаимодействии с противоположным полом – лицо, ягодицы, плечи, живот

Таблица 4.

Индивидуальные результаты по «Опроснику образа собственного тела» О.А. Скугаревского и С.В. Сивухи в подгруппах гомо- и бисексуальной ориентации.

Мужчины гомосексуальной ориентации	Оценка балл	Женщины гомосексуальной ориентации	Оценка балл	Представители бисексуальной ориентации	Оценка балл
1.1.	20	2.1.	15	3.1.	34
1.2.	42	2.2.	13	3.2.	2
1.3.	8	2.3.	25	3.3.	30
1.4.	5	2.4.	13	3.4.	15
1.5.	31	2.5.	13	3.5.	23
1.6.	26	2.6.	14	3.6.	22
1.7.	25	2.7.	13		
Всего неудовлетворенности в подгруппе в %	71%		100%		83%

Чем выше балл по данной методике, тем сильнее выражена неудовлетворённость своим телом (порог $n > 12$ баллов = неудовлетворенность телом)

живание гендерного несоответствия, на дисфорическое отношение к собственной половой принадлежности, что подтверждается данными клинической беседы.

В результате изучения оценки значимости областей тела у мужчин с гомосексуальной ориентацией нами было выявлено, что они игнорируют части тела, имеющие семантику мужественности (области спины и шеи и плечевого пояса), характерные для нормативной выбор-

ки в ситуации взаимодействия с противоположным полом. При этом наиболее ценностно-значимыми частями тела у них считаются лицо, кисти рук и ноги (вид спереди и сзади), что указывает на отсутствие эротического интереса к женщине и использование при контакте с ними преимущественно коммуникативной составляющей тела (мимики и жестов).

Среди представителей бисексуальной ориентации

Таблица 5.

Индивидуальные результаты по методике «Промеры по Фельденкрайзу»
в подгруппах гомо- и бисексуальной ориентации.

Мужчины гомосексуальной ориентации	Показатель искажения (в %)	Женщины гомосексуальной ориентации	Показатель искажения (в %)	Представители бисексуальной ориентации	Показатель искажения (в %)
1.1.	95%	2.1.	85%	3.1.	75%
1.2.	85%	2.2.	95%	3.2.	65%
1.3.	90%	2.3.	85%	3.3.	70%
1.4.	55%	2.4.	90%	3.4.	80%
1.5.	85%	2.5.	90%	3.5.	65%
1.6.	80%	2.6.	55%	3.6.	70%
1.7.	95%	2.7.	90%		
Общий показатель искажения в подгруппе в %	86%		86%		67%

вне зависимости от пола можно наблюдать следующую тенденцию: при оценке своего тела при обычном и сексуальном взаимодействии с лицами своего и противоположного пола значимыми выделяются одинаковые области, чаще всего не несущие сексуальной семантики (лицо, руки и пр.), а при слепой инструкции (простой оценке значимых своих телесных зон) тело оценивается утрированно сексуально. Такие данные схожи с тем, как оценивают свое тело люди психотического уровня развития, в частности, больные шизофренией [6, 7]. Тело для них часто становится источником вины и страха как носитель сексуальных потребностей, которые отвергаются, отчуждаются и проявляются в виде голосов в голове. Можно предположить, что при бисексуальной ориентации также происходит максимальный разрыв телесного и духовного проявлений. Использование тела в сексе становится средством для получения любви и принятия, истинного сексуального зрелого взаимодействия в отношениях не присутствует. Подобные результаты отсылают нас к выводу о более аморфном представлении о своем теле у лиц с бисексуальной ориентацией и к недифференцированности выбора ими сексуального объекта.

Это подтверждается и результатами методики «Рисунки человека» Ф. Гудинафа, К. Махвер, в модификации Т.В. Румянцевой, где испытуемые с бисексуальностью часто изображают мифическое создание, не обладающее признаками пола, либо человека, имеющего телосложение без признаков пола. Также можно отметить, что их восприятие себя и своего тела изменчиво и является отраженной копией оценки их телесности значимым Другим, с которым они находятся в отношениях. В зависимости от пола значимого лица, их представление о себе, своем теле, об эталонах полоролевого поведения меняется, подстраивается под представления Другого. Это указывает на нарушения общей и гендерной иден-

тичности при бисексуальной ориентации.

Можно сделать вывод, что из-за проблем с сексуальной ориентацией формирование телесного образа подопечных связано с трудностями при выборе образца для идентификации. Образ себя, своего тела и пола у подопечных остается размытым и внешним, не присвоенным, либо латентно опирается на образцы не своего пола. В результате подопечные часто стремятся его изменить, подвергнуть модификации, поэтому в данной выборке гораздо выше частота проявлений ипохондрии, дисморфофобии и применения различных трансформаций тела, о чем делятся подопечные всех групп в ходе клинической беседы.

Данные о неудовлетворенности своим телом подтверждаются результатами методики «Опросник образа собственного тела» О.А. Скугаревского и С.В. Сивухи (см. табл. 4).

Выявлено, что в группе мужчин с гомосексуальной ориентацией 71% не удовлетворены своим телом, в группе женщин с гомосексуальной ориентацией процент неудовлетворенности в группе составляет 100, а в группе с бисексуальной ориентацией подопечные не удовлетворены телом в 83% случаев.

Причины неудовлетворенности своим телом определяется по результатам методики «Промеры по Фельденкрайзу» (см. табл. 5).

У всех подопечных была выявлена колоссальная разница между ощущаемым и реальным телом. В 100% случаев подопечные искаженно воспринимали размеры, формы и массу собственного тела, не могли определить границы тела, игнорировали отдельные его части, не-

Таблица 6.

Индивидуальные результаты по полоролевому опроснику С. Бем
в подгруппах гомо- и бисексуальной ориентации.

Мужчины гомосексуальной ориентации	Основной индекс	Женщины гомосексуальной ориентации	Основной индекс	Представители бисексуальной ориентации	Основной индекс
1.1.	-0.464	2.1.	0.116	3.1.	0.465
1.2.	0.929	2.2.	-0.348	3.2.	0.581
1.3.	0.929	2.3.	0.465	3.3.	-0.232
1.4.	0.000	2.4.	0.581	3.4.	1.045
1.5.	0.116	2.5.	0.116	3.5.	0.233
1.6.	0.465	2.6.	0.581	3.6.	0.581
1.7.	0.697	2.7.	-0.116		
Общий вывод по под- группе	Андрогиния – 57% Преобладание феминности в рамках андрогинии – 43%		Андрогиния – 71% Преобладание феминности в рамках андрогинии – 29%		Андрогиния – 50% Преобладание феминности в рамках андрогинии – 34% Феминность – 16%

Если основной индекс (IS) находится в пределах от -1 до +1, то делается заключение о преобладании андрогинности; если IS > 1, то преобладает феминность; если IS < -1, то преобладает маскулинность.

одинаково распределяли внимание между различными частями и органами тела. Помимо объективно искаженных параметров тела (чрезмерно длинные ноги, маленькая голова, большой рот, чрезмерно широкие бедра, и т.д.) у испытуемых всех групп на передний план выходят нарушения гендерного самовосприятия. Так, например, у мужчин гомосексуальной ориентации ощущаемое тело имеет узкую талию, узкие плечи, широкие бедра и широкую грудь, что свойственно женскому анатомическому телосложению. При этом подобное визуальное соотношение оценивается мужчинами, как желаемое, несмотря на это гендерной дисфории у них не отмечено.

Исследование полоролевых особенностей испытуемых, исходя из опросника Сандры Бэм показало, что у всех испытуемых основной индекс показателей методики находится в пределах от -1 до +1, что характеризует преобладание андрогинности и отсутствие выраженных маскулинных, либо феминных черт (см. табл. 6).

Однако внешняя телесная выраженность, соответствующая андрогинному образу, встречается лишь у подопечных бисексуальной ориентации. Мужчины с гомосексуальностью в социуме придерживались схожести с мужским традиционным образом. В случае гомосексуальных женщин отмечается тенденция к разделению их на две подгруппы:

1. Девушки, которым свойственна внешность и поведение, соответствующие гендерной принадлежности с утрированием и вычурностью ее характеристик;
2. Девушки, внешность и поведение которых имели

черты, характерные для противоположного пола (мужчин) и были схожи с его традиционным образом.

В самооценке тела по результатам опросника образа собственного тела в 60% случаев у испытуемых обнаруживается тотальная неудовлетворенность подопечных собственным внешним обликом, своим телом, в 25% случаев менее выраженная, но выходящая за пределы нормативной, в 10% обнаруживается нормативная удовлетворенность телом, и в 5% наблюдается компенсаторно-завышенная удовлетворенность телом (см. табл. 4).

Причиной непринятия собственной телесности можно считать отрицание признаков собственного пола как у мужчин, так и у женщин с гомосексуальной ориентацией, в совокупности с направленностью на их либо полное устранение, либо внешнее видоизменение. Особенно ярко подобного рода тенденция наблюдается у подопечных в период подросткового возраста, что демонстрирует проблемы не только телесного образа «Я» в целом, но и проблемы с гендерной идентичностью и сферой самосознания, в частности.

При бисексуальной ориентации у представителей обоих полов есть тенденция к андрогинному образу, в некоторых случаях андрогинность преследуется сознательно, однако в большей части случаев наблюдается неосознанный уход от соответствия внешним традиционным образам мужчины или женщины, что свидетельствует о размытости, аморфности идентичности.

Таблица 7.

Сводные результаты испытуемых по критериям нарушений телесного образа «Я» (в %).

Критерии	Наличие в выборке						
	N (показатель нормы)		O (средняя выраженность нарушения)			Q (показатель нарушения)	
Восприятие тела	Целостное		Неустойчивое			Фрагментарное	
	0%		5%			95%	
Образ тела	Нормотипичный		Средняя выраженность искажения			Искаженный	
	0%		20%			80%	
Схема тела	Схожая с нормотипичной		Дисгармоничная			Искаженная	
	5%		40%			55%	
Степень удовлетворенности телом	Удовлетворенность телом		Умеренная неудовлетворенность			А: Тотальная/выраженная неудовлетворенность	Б: Компенсаторно-высокая удовлетворенность
	10%		25%			А: 60%	Б: 5%
Дисморфофобические симптомы	Отсутствие		Частичная выраженность			Наличие	
	0%		0%			100%	
Ипохондрические симптомы	Отсутствие		Частичная выраженность			Наличие	
	0%		0%			100%	
Полороловое поведение	А: Умеренное преобладание фемининности у женщин в рамках андрогинии	Б: Умеренное преобладание маскулинности у мужчин в рамках андрогинии	А: Умеренное преобладание фемининности у мужчин	Б: Умеренное преобладание маскулинности у женщин	В: В одинаковой степени высокие показатели обеих шкал (полная андрогиния)	А: Высоко-выраженная фемининность у женщин / высоко-выраженная маскулинность у мужчин	Б: Низкие показатели обеих шкал (Недифференцируемость по полу)
	А: 40%	Б: 5%	А: 35%	Б: 15%	В: 5%	А: 0%	Б: 0%
Гендерная идентификация	Соответствует биологическому полу		Не соответствует биологическому полу			Неопределенная	
	20%		45%			35%	
Личностный профиль по ММИЛ (MMPI)	Нормотипичный		Дисгармоничный, выше статистической нормы (1-3 шкалы)			Дисгармоничный, выше статистической нормы (более 3ех шкал > n)	
	0%		0%			100%	
Самооценка	Адекватная самооценка		А: Тенденция к умеренной заниженности	Б: Тенденция к умеренной завышенности		А: Неадекватно заниженная	Б: Неадекватно завышенная
	5%		А: 10%	Б: 0%		А: 75%	Б: 10%

Можно сделать вывод о том, что выявленные нарушения телесного образа «Я» указывают на не учитываемые в международных классификаторах болезней проблемы гендерной идентичности у лиц с нарушениями сексуальной ориентации. Это подтверждается и данными клинической беседы, в процессе которой были выявлены такие симптомы нарушения идентичности как: самоповреждающее поведение; гипертрофированная роль внешних данных (внешней привлекательности) при выборе партнера, в совокупности со значимостью соответствия потенциальных партнеров определенным,

самостоятельно отмеченным стандартам; краткосрочные по продолжительности романтические отношения и быстрая смена партнеров в результате амбивалентного отношения к другим и к себе с циклами идеализации-обесценивания; нестабильность эмоционального реагирования в однотипных ситуациях. Эти симптомы сопоставимы с симптомами, описываемыми в психоаналитическом классификаторе PDM-II как проявления пограничного уровня организации личности, или как симптомы пограничного расстройства в МКБ-11 и DSM-V [2, 3, 4, 5, 6, 7].

Особой группой, имеющей качественное отличие в характеристике идентичности, была выборка подопечных с бисексуальной ориентацией. В данной выборке было выявлено отсутствие дифференцировки людей по половозрастным признакам, формирование высокой зависимости от значимого лица, более глубокая аморфность представлений о собственном телесном образе [6, 7]. По методике MMPI у всех испытуемых данной сексуальной ориентации наблюдался пик по шкале шизоидности с уходом за пределы нормативных границ. У большинства данных испытуемых в семье были больные шизофренией, с которыми имелся личный контакт. У подопечных с гомосексуальной ориентацией вне зависимости от пола по методике MMPI в 100% случаев были выявлены показатели некоторых шкал выше нормативных (выше 70 T-баллов) (см. табл. 8), но тенденцию в выраженности определенной шкалы выявить не удалось.

Эмпирическое исследование, проведенное нами, обнаружило взаимосвязь между всеми компонентами человеческой сексуальности, сделав акцент на нарушениях сексуальной ориентации, которые приводят к отклонениям и в других аспектах, составляющих сферу сексуальности – в половой роли, сексуальной активности, и полоролевом поведении, проявляющиеся в аморфном восприятии образов мужчины и женщины, недифференцированности гендерных эталонов внешности и поведения, что отражается в реальном поведении подопечных, в котором смешиваются атрибуты женских и мужских ролей.

В сексуальной сфере исследуемой выборки была диагностирована отличительная особенность – ее садомазохистическая фиксация, склонность к промискуитету, групповым экспериментам. Садомазохистические тенденции могут встречаться у одного человека в разный период времени, характеризуя нестабильность не только сексуальной активности, но и идентичности «Я», указывая на наличие расколотого «Я» на Презренную и Идеальную части [2, 3, 4, 5, 6, 7]. Особенно ярко это наблюдается у женщин с гомосексуальной ориентацией.

Подводя итоги анализу телесного образа «Я» у лиц с нарушениями сексуальной ориентации, по выделенным критериям следует описать тенденции, свойственные всей выборке подопечных, замеченные нами в ходе исследования (см. табл. 7).

Так, по первым трем критериям: «Восприятие тела», «Образ тела» и «Схема тела» у подопечных было зафиксировано фрагментарное, искаженное восприятие в 95% случаев, искаженный образ тела в 80% и искаженная схема тела в 55% случаев. Это выражается, например, в том, что в методике "Сегменты" у представителей гомо- и бисексуальной ориентации семантической зна-

чимостью обладают иные, по сравнению с нормативной выборкой, части тела (см. табл. 1).

По четвертому критерию – «Степени удовлетворенности телом» выявлено, что 85% подопечных испытывают неудовлетворенность телом, а 5% компенсаторно-завышенную удовлетворенность им, тогда как лишь 10% испытуемых удовлетворены своим телом. Однако подопечные, у которых наблюдается удовлетворенность телесным обликом фрагментарно воспринимают его, разделяя самооценку лица, тела, и отдельных его частей. Причиной непринятия собственной телесности можно считать отрицание признаков собственного пола как у мужчин, так и у женщин с гомосексуальной ориентацией, и направленность либо на полное устранение этих признаков, либо на внешнее видоизменение (см. табл. 4 и 5). При бисексуальной ориентации у представителей обоих полов есть тенденция к андрогинному образу, в некоторых случаях андрогинность преследуется сознательно, однако в большей части случаев наблюдается неосознанный уход от соответствия внешним традиционным образам мужчины или женщины, что свидетельствует о размытости, аморфности идентичности.

Пятый критерий, направленный на выявление на дисморфофобической симптоматики, показал, что она присутствовала в 100% случаев, что выявляла методика "Промеры по М. Фельденкрайзу", где у 100% испытуемых образ тела имел несуразный облик (большой рот, длинная узкая шея, длинные руки/ноги, анатомическое строение тела, свойственное противоположному полу и пр. (см. табл. 5)).

По шестому критерию – «Ипохондрической симптоматике» – также была зафиксирована е тотальная выраженность у всей выборки (100%). Испытуемые были обеспокоены своим соматическим и психическим здоровьем, большинство делились, что бояться умереть от смертельно-опасного заболевания. Но при этом понятие здоровья у данной выборки наполнено противоречиями, а в связи с низкой оценкой собственной телесности, тело может стать для них объектом ненависти, на котором вымещаются негативные эмоции, проявляются самоуничижающие мысли, в форме аутодеструктивного поведения, проявляется тотально заниженная самооценка в 75% случаев (десятый критерий анализа). Личностные особенности подопечных как девятый критерий анализа – свидетельствуют о пограничном уровне развития личности, что выражается в дисгармоничном профиле по методике MMPI в 100% случаев, в неопределенной гендерной идентичности в 35% и в идентичности, не соответствующей полу в 45% случаев (седьмой и восьмой критерии анализа), хотя официально мы говорим только о нарушениях половой ориентации.

Таким образом, при нарушениях сексуальной ориен-

тации телесный образ «Я» является глубоко нарушенным. В норме образ телесного «Я» является положительным и в повседневной жизни чаще остается вне сознания. В случае гомо- и бисексуальной ориентации образ тела отчуждается от общего образа «Я», воспринимается эго-дистонно, становится объектом сознания, дисморфофобии и ипохондрической фиксации. Люди с нарушением сексуальной ориентации находятся в постоянном мониторинге состояния тела, его положений, функций, способов реагирования, оценке внешней выраженности, поиске заболеваний и пр. Часты проявления аутоагрессии, наличествуют дисгармония в схеме тела; акцент

делается на оценке внешности, присутствует негативная самооценка, собственная активность часто направлена на устранение физических недостатков. Эти проявления нарушенной телесности связаны с нарушением общей и гендерной идентичности и половой роли, что позволяет сделать вывод о том, что сексуальное развитие личности не может рассматриваться вне общего контекста развития, а также не может исключаться из анализа целостного развития личности. Особенности сексуального поведения и ориентации с необходимостью сопровождаются изменением становлением идентичности и самосознания личности [2, 3, 4, 5, 6, 7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Дворянчиков, Н.В. "Сегменты" - метод исследования телесного образа "Я" / Н.В. Дворянчиков, Д.К. Саламова, С.Н. Ениколопов // Сексология и сексопатология – 2003. – № 5. – С. 11-18.
2. Леденцова С.Л., Назирова Е.В. Причины патологического неограниченного сексуального поведения девушек подросткового возраста / С.Л. Леденцова, Е.В., Назирова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. -2023. -№07. -С. 42-49.
3. Леденцова С.Л., Абдуллина Р.С. Принципы психологического сопровождения девушек с гомосексуальной ориентацией / С.Л. Леденцова, Р.С. Абдуллина // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары, 19 января 2023 г. – Чебоксары: ИД Среда. – 2023. – С. 291-299.
4. Леденцова, С.Л., Наджафова, Камила Назим-кызы Гомосексуальная ориентация как симптом пограничного уровня развития личности, требующего психолого-педагогического сопровождения / С.Л. Леденцова, Наджафова Камила Назим-кызы // Психолого-педагогическое сопровождение общего, специального и инклюзивного образования детей и взрослых: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – г. Тула 1 апреля 2021г. – Чебоксары: ИД Среда. – 2021. – С. 380-387.
5. Леденцова, С.Л., Безродный Р.Г. Нарушение психосексуального развития подростков, воспитывающихся в социально-педагогических учреждениях / С.Л. Леденцова, Р.Г. Безродный // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – Москва: Аналитика – Родис. – февраль 2020. – № 1А. – С. 182-191.
6. Леденцова С.Л., Цинн Н.А. Проблемы социального взаимодействия больных шизофренией с нарушениями психосексуального поведения / С.Л. Леденцова, Н.А. Цинн // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. –Том 12. – № 1А. – 2023. – С.281-291.
7. Леденцова С.Л., Емельянова А.В. Особенности психосексуальных нарушений у больных шизофренией в условиях Севера / С.Л. Леденцова, А.В. Емельянова // International journal of medicine and psychology / Международный журнал медицины и психологии. – 2022. – Том 5. – №1 – С. 52-58.
8. Менделевич, В.Д. Руководство по аддиктологии / Под ред. проф. В. Д. Менделевича. СПб.: Речь, 2007. —768 с.
9. Ribeiro P.R.L., Tavares M.C.F. As contribuições de Seymour Fisher para os estudos em imagem corporal // Motricidade. 2011. vol. 7, n. 4, pp. 83-95.
10. Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. — М.: Смысл, 2015. — 895 с.
11. Тхостов, А.Ш. Психология телесности. / А.Ш. Тхостов — М.: Смысл, 2002. — 287 с.
12. Fonagy P., Target M. Zum Verständnis von Gewalt: über die Verwendung des Körpers und die Rolle des Vaters // Kinderanalyse. 1995. 10. S. 280–307.

© Леденцова Светлана Леонидовна (Leden-Svet@yandex.ru), Мирзазаде Русана Шохрат кызы (mirzazaderusana@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОНКУРЕНТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА В УСЛОВИЯХ КОНКУРСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

FRAMEWORK OF COMPETITIVE INTERACTION AMONG COLLEGE STUDENTS WITHIN CONTEST SETTINGS

**E. Mychko
S. Tkachenko**

Summary: The article is devoted to the study of the phenomenon of competitive interaction among students of secondary vocational education institutions within the context of competitive activities. Based on theoretical analysis and systematization of approaches from pedagogical and social psychology, the authors have identified and substantively described the key structural components of this interaction: motivational, emotional, ethical, and behavioral. The specificity of their manifestation among college students is emphasized, relating to age-related characteristics and an orientation towards practice-oriented professional development. It is noted that competitive interaction within competitions constitutes a complex psychological-pedagogical phenomenon requiring targeted formation to achieve both educational goals (improving the quality of vocational training, enhancing cognitive activity) and personal development goals (developing stress tolerance, communicative competence, professional identity). The obtained research results can be used to optimize the organization of competitive activities in secondary vocational education and to develop psycho-pedagogical support for participants.

Keywords: competitive interaction, college students, competitive activities, motivational component, emotional component, ethical component, behavioral component, educational psychology, professional development.

Мычко Елена Иосифовна

доктор педагогических наук, профессор, Балтийский
федеральный университет имени Иммануила Канта
(Калининград)
emychko@bk.ru

Ткаченко Сергей Викторович

преподаватель, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (Калининград)
sergeytkachenko78@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию феномена конкурентного взаимодействия среди студентов учреждений среднего профессионального образования в контексте конкурсной деятельности. На основе теоретического анализа и систематизации подходов педагогической и социальной психологии авторами выделены и содержательно раскрыты ключевые структурные компоненты данного взаимодействия: мотивационный, эмоциональный, этический и поведенческий. Подчеркивается специфика их проявления у студентов колледжа, связанная с возрастными особенностями, ориентацией на практико-профессиональную деятельность развития. Отмечается, что конкурентное взаимодействие в условиях конкурсов выступает комплексным психолого-педагогическим феноменом, требующим целенаправленного формирования для достижения как образовательных (повышение качества профессиональной подготовки, активизация познавательной деятельности), так и личностно-развивающих (развитие стрессоустойчивости, коммуникативной компетентности, профессиональной идентичности) целей. Полученные результаты исследования могут быть использованы для оптимизации организации конкурсной деятельности в СПО и разработки психолого-педагогического сопровождения участников.

Ключевые слова: конкурентное взаимодействие, студенты колледжа, конкурсная деятельность, мотивационный компонент, эмоциональный компонент, этический компонент, поведенческий компонент, педагогическая психология, профессиональное становление.

Введение

Современная система среднего профессионального образования (СПО) ориентирована не только на передачу знаний и формирование практических навыков, но и на развитие у студентов комплекса личностных качеств, необходимых для успешной адаптации и конкурентоспособности на рынке труда. Важным ресурсом в этом процессе выступает конкурсная деятельность (олимпиады, конкурсы профессионального мастерства, проектные состязания и т.п.), которая интенсифицирует учебный процесс и создает специфические условия для межличностного взаимодействия студентов.

В рамках конкурсной деятельности неизбежно возникает и приобретает особую значимость феномен конкурентного взаимодействия. В отличие от простого соперничества, конкурентное взаимодействие в образовательном контексте представляет собой сложный процесс, в котором достижение индивидуальных целей участников связано с необходимостью учитывать действия и результаты других, соревнующихся в рамках установленных правил за ограниченные ресурсы (победа, призовое место, признание). Для студентов колледжей, находящихся на этапе активного профессионального становления и личностного самоопределения, конкурентное взаимодействие обладает значительным развивающим потенциалом, но одновременно предъ-

являет высокие требования к их психологической готовности.

Несмотря на распространенность конкурсных практик в СПО, психологические аспекты конкурентного взаимодействия студентов в этих условиях остаются недостаточно изученными. В частности, требуется выделение его структурных компонентов и их содержания. Целью данной статьи является теоретическое обоснование и содержательное раскрытие ключевых структурных компонентов конкурентного взаимодействия студентов колледжа в условиях конкурсной деятельности: мотивационного, эмоционального, этического и поведенческого.

Основные результаты

Психологической основой развития конкурентоспособной личности выступает принцип саморазвития. Этот принцип синтезирует фундаментальные идеи, выдвинутые в рамках культурно-исторической теории генезиса психики и сознания (Л.С. Выготский) [2], психологической теории личности и деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн) [5;9], а также теории развития личности ребенка (Л.И. Божович, В.В. Давыдов, Д.Б. Эльконин) [7].

Анализ современной психолого-педагогической литературы, посвященной теории конкуренции и конкурентоспособности, выявил, что однозначного общепризнанного понятия конкурентоспособности личности нет. Одни авторы понимают под этим явлением достижение успеха и профессиональное развитие личности (Л.М. Митина [7], В.И. Шаповалов [15], Е.Л. Холодцева [14]); другие – способность достигать поставленных целей (Д.С. Котикова) [3], занять достойное место на рынке труда (С.А. Хазова [13], И.В. Терелянская [12]), к продуктивному позиционированию в профессиональной среде в условиях неопределенности, разнообразия, сложности (Е.Г. Белякова) [1]; третьи – внепрофессиональной или надпрофессиональной характеристикой, необходимой каждой личности (Т.А. Сливина) [10].

Однако формирование конкурентоспособности личности, независимо от трактовки, неразрывно связано с процессом ее включения в ситуации конкурентного взаимодействия. Именно в практических условиях соревновательной деятельности, особенно значимой в воспитательном пространстве колледжа (олимпиады, конкурсы профессионального мастерства, проектные чемпионаты), происходит реальная апробация и развитие качеств, обеспечивающих успешность. При этом одним из ключевых аспектов конструктивного соперничества становится культура конкурентного взаимодействия.

Согласно позиции И.В. Лебедевой, это интегративное

личностное качество, объединяющее ценностные ориентации, установки, знания, а также способы поведения, общения и деятельности, которые обеспечивают эффективное сочетание сотрудничества и соперничества в конкурентных ситуациях [4].

Конкурентное взаимодействие в образовательной среде целесообразно рассматривать как системное образование, обладающее относительной устойчивостью и внутренней структурой. Выделение компонентов позволяет глубже понять его механизмы и направленно влиять на его эффективность и психологическую безопасность для участников. Исходя из вышесказанного, определены следующие структурные компоненты конкурентного взаимодействия студентов колледжа и их содержание (Таблица 1).

Таблица 1.
Структурные компоненты, содержание и показатели конкурентного взаимодействия.

Компонент	Содержание компонента	Показатели
Мотивационный	Ориентация на внутренние побуждения, направляющие и регулирующие участие в конкурентной деятельности и определяющие цели и смысл соперничества.	– внутренняя и внешняя мотивация; – направленность на саморазвитие и самореализацию; – целеполагание на успех.
Эмоциональный	Способность управлять своими эмоциональными состояниями, преодолевать трудности и регулировать поведение в стрессовых условиях конкурентной деятельности.	– стрессоустойчивость; – эмоциональный интеллект (эмоциональная саморегуляция); – поведенческая гибкость.
Этический	Ориентация и установки на нравственные и ценностные основания допустимых способов поведения в конкурентном взаимодействии.	– направленность на сотрудничество и кооперацию; – профессиональная этика; – способность к неконфликтному общению и поведению.
Поведенческий	Способность выбирать адекватные формы конкурентного поведения, эффективно использовать инструменты профессионального позиционирования, достигать поставленных целей, грамотно презентовать свои компетенции и достижения.	– вариативность типов (моделей) поведения; – коммуникативное поведение (умение презентовать себя и результаты); – профессионально-деятельностные навыки (hard skills)

Основной сферой, где целенаправленно формируется и проявляется данная культура конкурентного взаимодействия студентов колледжа, выступает конкурсная деятельность. Под конкурсной деятельностью понимается специально организованная состязательная практика, направленная на выявление, развитие и демонстрацию личностных качеств, профессиональных умений, знаний и творческого потенциала учащихся в различных областях. Эта деятельность выполняет важные развивающую, оценочную, мотивационную и социализирующую функции, создавая уникальную среду для апробации и совершенствования навыков конструктивного соперничества.

Значительный вклад в понимание развивающего потенциала конкурсной деятельности, особенно в контексте СПО, вносят исследования отечественных ученых. Их работы подтверждают, что различные формы конкурсов служат мощным катализатором не только профессионального роста, но и формирования ключевых аспектов конкурентного взаимодействия студентов.

Так, коллектив авторов (А.К. Лукина, И.А. Крюкова, Н.И. Степанова, Г.М. Снисарева) подчеркивают фундаментальную роль конкурсов профессионального мастерства. Они указывают, что такие конкурсы позволяют студентам систематизировать и обобщить полученные знания, умения и навыки, развивать творческие способности, на практике демонстрировать приобретенные компетенции и получать объективную обратную связь о своей успешности [6]. Этот процесс напрямую связан с поведенческим компонентом конкурентного взаимодействия, формируя базу для уверенного участия в состязаниях.

С.И. Соловьева рассматривает конкурсную деятельность в более широком ключе - как эффективное средство повышения конкурентоспособности студентов СПО. По ее мнению, участие в конкурсах способствует развитию способностей, свойств и качеств, которые гарантируют высокую профессиональную готовность, характеризуют потенциал для успеха в конкурентной среде, обеспечивают уверенные профессиональные действия в динамичных условиях производства и, что особенно важно, формируют внутреннюю уверенность [11]. Эти результаты тесно переплетаются с мотивацион-

ным и эмоциональным компонентами конструктивного конкурентного взаимодействия.

А.И. Попов и Н.П. Пучков, фокусируясь на олимпийском движении, видят в нем специфическую социальную реальность и сферу деятельности. Они утверждают, что олимпиады создают пространство для совместного повышения уровня творческих способностей как студентов, так и преподавателей. Особенно значимо их замечание о том, что олимпийское движение приобщает студента к межличностному взаимодействию, основанному на творческой профессионально ориентированной деятельности, и способствует воспитанию нравственных качеств [8]. Этот взгляд акцентирует этический компонент и социальную природу конкурентного взаимодействия, подчеркивая его роль в социализации и формировании культуры общения в условиях соревнования.

Таким образом, разнообразие конкурсной деятельности создает многогранную среду для формирования и проявления конкурентного взаимодействия. Каждый тип конкурсов актуализирует специфические аспекты этого взаимодействия и позволяет вовлекать студентов с разными интересами и способностями.

Выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что конкурентное взаимодействие студентов колледжа в условиях конкурсной деятельности представляет собой сложный, многокомпонентный психолого-педагогический феномен, играющий значимую роль в их профессиональном и личностном становлении. Выделение и содержательное раскрытие структурных компонентов - мотивационного, эмоционального, этического и поведенческого - создает основу для его системного понимания и целенаправленного формирования.

Перспективы дальнейшего исследования темы. Актуальной остается разработка и подбор специализированных, надежных методик (опросников, шкал, схем наблюдений), направленных на комплексную оценку всех структурных компонентов (мотивационного, эмоционального, этического, поведенческого) конкурентного взаимодействия студентов колледжа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белякова Е.Г. Структурно-содержательная модель конкурентоспособности как качества личности / Е.Г. Белякова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. - 2017. - Том 3. - № 2. - С. 189-198.
2. Выготский Л.С. Психология развития человека. - М.: Смысл; Эксмо, 2005. - 1136 с.
3. Котикова Д.С. Формирование конкурентоспособности личности студента в образовательном процессе вуза: диссертация ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Котикова Дарья Станиславовна. - Нижний Новгород, 2010. - 245 с.

4. Лебедева И.В. Воспитание культуры конкурентных взаимодействий у обучающихся колледжа: диссертация ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Лебедева Ирина Владимировна. — Майкоп, 2015. — 199 с. — Текст: непосредственный.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие / А.Н. Леонтьев. — 2-е издание, стереотипное. — Москва: Смысл: Академия, 2005. — 352 с.
6. Лукина А.К., Крюкова И.А., Степанова Н.И., Снисарева Г.М. Конкурсная деятельность обучающихся СПО как эффективный способ повышения интереса к получаемой профессии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. - 2017. - № 5-1. - С. 132-136.
7. Митина Л.М. Психология развития конкурентоспособной личности / Л.М. Митина. - М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО "МОДЭК", 2002. - 400 с.
8. Попов А.И. Методологические основы и практические аспекты организации олимпиадного движения по учебным дисциплинам в вузе: монография / А.И. Попов, Н.П. Пучков. — Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. — 212 с. — Текст: непосредственный.
9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 2002. — 720 с.
10. Сливина Т.А. Формирование конкурентоспособной личности будущего специалиста в образовательном процессе вуза: диссертация ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Сливина Татьяна Анатольевна. - Красноярск, 2008. - 248 с. — Текст: непосредственный.
11. Соловьева С.И. Конкурсная деятельность как средство повышения конкурентоспособности студентов учреждений среднего профессионального образования: диссертация ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Соловьева Светлана Игоревна. — Пермь, 2021. — 214 с. — Текст: непосредственный.
12. Терелянская И.В. Психологическое сопровождение развития творческой конкурентоспособной личности студента в образовательном процессе вуза: автореферат дис. ... канд. психол наук: 19.00.07 / Терелянская Ирина Васильевна. - Нижний Новгород, 2012. - 25 с.
13. Хазова С.А. Развитие конкурентоспособной личности в системе образования: автореферат дис. ... д-ра. пед. наук: 13.00.01, 13.00.08 / Хазова Снежана Александровна. - Майкоп, 2011. - 60 с.
14. Холодцева Е.Л. Конкурентоспособность в системе разноуровневых характеристик личности работников социальной сферы: диссертация ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Холодцева Елена Лиунгартовна. - Барнаул, 2006. - 214 с.
15. Шаповалов В.И. Формирование конкурентоспособной личности в условиях школьного дополнительного образования: монография / В.И. Шаповалов; под науч. ред. Ю.С. Тюнникова. - Сочи: СГУТиКД, 2008. - 190 с

© Мычко Елена Иосифовна (emychko@bk.ru), Ткаченко Сергей Викторович (sergeytkachenko78@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СУПЕРВИЗИЯ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАСКРЫТИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ

SUPERVISION AS A UNIVERSAL APPROACH TO THE DISCLOSURE OF PSYCHOLOGICAL PHENOMENA

**Ju. Popova
V. Petkov
N. Demchenko
K. Bulakh
Ya. Kudina**

Summary: This article presents a scientifically substantiated approach to the use of supervision as a method of professional counseling for psychotherapists, including a broader understanding of phenomenology, which reflects the psychological reflection of reality during psychotherapy and supervision. The article describes the main approaches to psychological phenomenology, in particular its processual features, which are determined by the quality of the psychotherapist's interpretation of clients' psychological problems, taking into account their depth; the adaptive characteristics of the client's personality structure; and the psychotherapist's professional readiness to take these characteristics into account. The article outlines the dynamic and substantive aspects of the analysis of psychological phenomenology, as well as the levels affecting the expansion of the understanding of psychological phenomena. The results of the presented analysis clarify scientific ideas about the possibility of using supervision to expand the connection between psychological theory and practice, as well as to enhance the professional competence of psychotherapists.

Keywords: supervision, psychotherapy, psychological phenomenology, psychotherapist, professional counseling, psychological competence.

Попова Юлия Ивановна

Кандидат психологических наук, доцент, Кубанский
государственный университет (г. Краснодар)
jeis@mail.ru

Петьков Валерий Анатольевич

Доктор педагогических наук, профессор, Кубанский
государственный университет (г. Краснодар)
Valerype@mail.ru

Демченко Наталья Юрьевна

Кандидат психологических наук, доцент, Невинномысский
государственный гуманитарно-технический институт
natalidem71@yandex.ru

Булах Ксения Владимировна

Кандидат психологических наук, доцент, Невинномысский
государственный гуманитарно-технический институт
kseniyabulah@yandex.ru

Кудина Яна Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент, Невинномысский
государственный гуманитарно-технический институт
kseniyabulah@yandex.ru

Аннотация: В статье научно обоснована возможность использования супервизии как направления профессионального консультирования психотерапевтов и универсального подхода, расширяющего понимание феноменологии содержания психологического отражения реальности в психотерапии и супервизии. Описаны основные направления рассмотрения психологической феноменологии, в частности её процессуальные особенности, обусловленные качеством интерпретации психотерапевтом психологической проблематики клиентов с учетом её глубины; адаптивными особенностями личностной структуры клиента, а также профессиональной готовностью психотерапевта к учету данных особенностей. Обозначены динамические и содержательные аспекты анализа психологической феноменологии, а также уровни, затрагивающие расширение понимания психологических феноменов. Результаты представленного анализа уточняют научные представления о возможности использования супервизии для расширения представлений о связи психологической теории и практики, а также повышения профессиональной компетентности психотерапевтов.

Ключевые слова: супервизия, психотерапия, психологическая феноменология, психотерапевт, профессиональное консультирование, психологическая компетентность.

Психологическая феноменология включает любые психические явления, формирующие психическое отражение событий среды и относящиеся к поведению, событиям и аспектам внутренней жизни человека, которые подвержены изменениям в определенный момент жизни в зависимости от существующих внешних и внутренних условий]. Психологические феномены составляют индивидуальное отражение действительности на различных уровнях бытия человека, как ситуативном,

так и биографическом, и включают как простейшие психические проявления, обусловленные работой нервной системы, так и сложные надличностные образования, выполняющие системообразующие функции по отношению к менее комплексным проявлениям, которые являются их аспектами и частями [1].

Представленная в научной психологической литературе систематизация психологических феноменов в

виде мыслей и установок, эмоций и переживаний, соматических и поведенческих реакций, потребностей и мотивов, позволяет понять их функциональное значение для формирования отражения реальности и внутрипсихические системные связи, но подобное четкое и системное представление не всегда прослеживается эмпирически в тех областях психологической практики, где понимание особенностей отражения реальности имеет важное значение для прогнозирования поведения и результатов деятельности [5,9,10].

Одной из таких областей деятельности является психотерапия, а также психотерапевтическая супервизия – как вид профессионального консультирования психотерапевтов, где психологическое отражение во всем многообразии его феноменологии является предметом рассмотрения, но различаются их цели и мишени [4]. В супервизии психологическая динамика психотерапевтической работы рассматривается через призму сознания психотерапевта как результат его смысловой репрезентации психологической реальности клиента. Это позволяет детализированно рассмотреть феноменологию описанных в психологической литературе психологических феноменов, а также проследить её изменение в ходе интерпретаций терапевта [2]. Тем самым происходит расширение понимания работы психики, как отражающей реальность, так и интерпретирующей это отражение, и сократить разрыв между психологической теорией и практикой.

Производимый в ходе супервизии анализ включает как содержательное рассмотрение отражения ситуации клиентом, так и динамическое. Процесс содержательно-го рассмотрения включает анализ жизненной ситуации клиента, связанной с фрустрацией актуальной потребности, через такие элементы как:

- восприятие и интеграция;
- переработка и анализ;
- интерпретация и оценка;
- реакции в виде состояний и поведения [1].

В динамическом анализе внимание уделяется следующим моментам:

- влиянию психологических особенностей клиента на формирование образа ситуации;
- пониманию психотерапевтом этих особенностей;
- особенностям совпадения и несовпадения переноса и контрпереноса в терапевтических отношениях;
- особенностям терапевтического контакта, как между терапевтом и клиентом, так и между супервизором и терапевтом (включая особенности речи, эмоциональную, когнитивную и ролевую конгруэнтность);
- понимания супервизором связи особенностей контрпереноса с характеристиками кейса и личностными особенностями терапевта [1].

Понимания супервизором связи особенностей контрпереноса с характеристиками кейса в наибольшей степени способствует расширению профессиональной компетентности психотерапевта при условии понимания этой связи, а обязанностью супервизора является её понятное и полное описание. Из-за различий в содержании базовых установок и механизмов личностного функционирования здесь удастся прояснить наиболее значимые различия ценностно-смысловой сферы клиента и терапевта, составляющие суть их психологической феноменологии, что существенно расширяет континуум понимания данных психологических категорий с учетом особенностей жизненного и профессионального опыта. Причинно-следственная и содержательная связь внешних обстоятельств и личностных особенностей супервизора, рассмотренная в динамике взаимопроникновения переноса и контрпереноса, дает богатый материал для диагностики, анализа, формирования индивидуальной психотерапевтической программы и уточнения курса психотерапевтической работы [1,7].

Неполное понимание, значительный лингвистический разрыв, искаженные причинно-следственные связи, подмена смыслов и понятий, «слепые пятна» восприятия и анализа, отсутствие достаточной когнитивной, эмоциональной и смысловой конгруэнтности, неумение увидеть и оценить вклад клинической симптоматики в представление случая – эти и многие другие факторы также представляют собой феноменологическое поле для супервизорского анализа [6].

Анализ динамики терапевтических отношений и особенностей контакта позволяет рассмотреть индивидуальные характеристики коммуникативной сферы клиента, терапевта и супервизора, и отметить степень конгруэнтности вербальных характеристик, когнитивного, эмоционального и ролевого проявлений. Научный интерес представляет анализ ролевых позиций в начале терапевтической работы, при формулировании запроса и в динамике процесса психотерапии. Значимыми аспектами феноменологии в данном случае является осознание психотерапевтом особенностей контакта и возможности их контроля. Обозначение собственной роли и роли клиента, анализ ролевой динамики является предпосылкой для понимания неосознаваемых социально-психологических установок клиента и терапевта, которые в процессе супервизии становятся осознаваемыми, что может способствовать улучшению эффекта от психотерапии. Улучшение происходит благодаря тому, что появляется возможность соотнести сценарии переноса и контрпереноса в контексте запроса клиента и его личной истории, создавая предпосылки для внутриличностных изменений [2].

Следует отметить, что супервизия, как практически ориентированная сфера деятельности, дает ограни-

ченные возможности для предоставления материалов кейса в структурированной форме, например, научных статей. Такой способ структурирования и представления материалов психотерапевтической работы используется чаще для понимания возможностей применения конкретных техник и методов, а не для уточнения понимания психологических феноменов. Поэтому повышение осведомленности профессионального сообщества происходит благодаря возможности со стороны супервизора и супервизанта участвовать в профессиональных дискуссиях, интервью, групповых супервизиях и прочих формах работы, предполагающих обмен опытом. Ключевыми факторами при этом являются улучшение понимания проявления различных феноменов психотерапевтом и супервизором, повышение профессиональной компетентности, которое становится предиктором профессионального развития, превращая сознание обоих в более точный и эффективный инструмент психотерапевтической работы.

Рассмотрение психологической феноменологии с точки зрения степени дисфункциональности кейсов, позволяет сделать вывод, что супервизия клинических случаев, при наличии у клиента установленного диагноза, даёт возможность детально проанализировать проявление отдельных симптомов личностных аномалий, которые зачастую наиболее четко проявляются в особенностях восприятия ситуации, формирования реакций, переноса и контрпереноса, причем как в терапевтических отношениях, так и в супервизии, что в первую очередь расширяет понимание психотерапевтом «теневых» образований психики, а также способствует выработке более эффективной стратегии терапевтических отношений. Также при работе с клиническими случаями представляет интерес проявление защитных механизмов при различных личностных аномалиях и эффективность отклика на терапию при использовании различных методов и техник.

Супервизия психотерапевтической работы с невротизированными клиентами позволяет детальнее понять возможности психотерапевта в дифференциации адаптивных и дезадаптивных личностных механизмов, их проявление в текущей жизненной ситуации и в связи с запросом, а также прояснить их использование в терапевтических целях. Отдельной областью интереса в супервизии психотерапии невротизированных клиентов является анализ феноменологии при переходе от сим-

птоматической к глубинной терапии, поскольку сохраняющаяся адаптивность психики невротизированных клиентов, с одной стороны, способствует сохранению жизненной стабильности, а с другой стороны, особенности невротизации приводят к предъявлению «фасадных», симптоматических запросов, требующих проработки для формулировки истинного запроса и перехода к глубинной терапии – и именно этот переходный момент представляет методологическую сложность. Некоторые фасадные запросы имеют очень конвенциональную, социально-культурно-приемлемую форму и потому принимаются терапевтами за истинный запрос, в результате чего психотерапия хотя и проводится технически правильно, не приводит к значимому прогрессу и возникновению чувства удовлетворенности у клиента и терапевта – что нередко становится запросом на супервизию со стороны терапевтов [8].

Резюмируя вышеизложенное следует отметить, что смысловым стержнем анализа терапевтической работы в ходе супервизии, объединяющим терапевтическое пространство и супервизионное, является комплекс психологических феноменов, представляющих наибольшую сложность для понимания терапевтом, в его интерпретации, но с сохранением клиентского нарратива.

Расширение понимания психологических феноменов происходит на нескольких уровнях:

- уровне индивидуального понимания психотерапевта;
- уровне индивидуального понимания супервизора;
- - уровне индивидуального понимания клиентами их психологических особенностей;
- уровне осведомленности профессионального сообщества об особенностях проявления различных феноменов в терапевтической динамике при использовании методов различной направленности.

Наличие подобного разнообразия рассматриваемого материала позволяет произвести дифференциацию профессионального воздействия терапевта от его личностной динамики восприятия и интерпретаций, то есть разделить сферу, собственно, супервизии, анализа клинического случая, и материала для балинтовской группы, что на содержательном уровне способствует повышению профессиональной компетентности отдельных специалистов и всего профессионально-терапевтического сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бусыгина Н.П., Силкин А.И. Параллельный процесс в супервизии: история понятия и объяснительные модели // Консультативная психология и психотерапия, 2015. №5. С.182-204.
2. Джейкобе Д., Дэвид П., Мейер Д. Дж. Супервизорство. Техника и методы корректирующих консультаций. СПб., 1997. 235 с.
3. Краг О.Т. Основы супервизии в экзистенциально-гуманистической терапии. М., 2018. 222 с.

4. Кулаков С.А. Супервизия в психотерапии: Учебное пособие для супервизоров и супервизантов. Издательские решения. 2022. 240 с.
5. Мак-Вильямс Н. Формулирование психотерапевтического случая. М.: Класс, 2015. 322 с.
6. Петьков В.А., Демченко Н.Ю. Супервизия в профессиональном образовании педагога-психолога. В книге: Трансформация профессионального образования: подготовка к вызовам XXI века: коллективная монография. Невинномысск, НГГТИ, 2024. С.204-209.
7. Попова Ю.И., Петьков В.А., Демченко Н.Ю., Булах К.В., Фоменко Е.Н. Психологический потенциал супервизии в деятельности психолога // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание». 2024. №11. С. 81-83.
8. Попова Ю.И., Петьков В.А., Демченко Н.Ю., Булах К.В., Кудина Я.В. Супервизия в психотерапии невротических клиентов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: «Познание». 2025. № 4. С. 75-78.
10. Улановский А.М. Феноменология в психологии и психотерапии: прояснение неотчетливых переживаний // Консультативная психология и психотерапия. 2009. № 17(2). С. 27–51.
11. Ховкинс П., Шохет Р. Супервизия. Индивидуальный, групповой и организационный подходы. Пер. с англ. СПб.: Речь, 2002. 351 с.

© Попова Юлия Ивановна (jeis@mail.ru), Петьков Валерий Анатольевич (Valerype@mail.ru),
Демченко Наталья Юрьевна (natalidem71@yandex.ru), Булах Ксения Владимировна (kseniyabulah@yandex.ru),
Кудина Яна Владимировна (kseniyabulah@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О ПОТЕНЦИАЛЕ ЛЕЧЕБНОЙ ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ – ИППОТЕРАПИИ – КАК ИНСТРУМЕНТЕ ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

ON THE POTENTIAL OF THERAPEUTIC HORSE RIDING – HIPPOThERAPY – AS A TOOL FOR THE SOCIAL REHABILITATION OF CHILDREN AND ADOLESCENTS

**N. Frolova
O. Agavelyan**

Summary: The problem of disability is currently increasingly considered as a special part of another problem – social. Data at the disposal of the UN allow us to state that only at the end of the last century there lived 0.5 billion disabled people on Earth, which was about 10% of the population globally. Somewhat paradoxically, the figures depend on the development of a particular region: the higher the indicator, the more people with physical and mental disabilities inhabit a particular country. In the United States, for example, about 20% of citizens are people with disabilities of one kind or another.

It is also worth noting the statistics available to WHO, which confirm the following thesis: the number of disabled people as an indicator is characterized by a tendency towards a steady increase.

Keywords: horse riding, disability, coordination load, therapeutic exercises, rehabilitation.

Фролова Надежда Викторовна

Аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет»;

Педагог-психолог высшей квалификационной категории, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение города Новосибирска «Средняя общеобразовательная школа № 43» г. Новосибирск»

Nadezhda.frolova.1985@list.ru

Агавелян Оганес Каранетович

доктор психологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет»

oganesagavelyan@yandex.ru

Аннотация: Проблематика инвалидности в настоящее время все чаще рассматривается как особая часть другой проблемы – социальной. Данные в распоряжении ООН позволяют утверждать, что только в конце прошлого столетия на Земле проживало 0,5 млрд инвалидов, что составляло около 10 % населения в глобальном плане. Несколько парадоксально, но цифры зависят от развитости конкретного региона: чем выше показатель, тем больше лиц с физическими и психическими отклонениями населяет определенную страну. В Соединенных Штатах, например, около 20 % граждан – это люди с инвалидностью того или иного вида.

Здесь же стоит отметить статистику в распоряжении ВОЗ, которая подтверждает следующий тезис: количество инвалидов как показатель характеризует тенденцией к неуклонному возрастанию.

Ключевые слова: верховая езда, инвалидность, координаторная нагрузка, лечебная гимнастика, реабилитация.

Разрешение представленной проблематики, хотя и в ограниченной части соответствующих аспектов, возможно посредством иппотерапии – уникального и эффективного средства, доказавшего собственную результативность в контексте реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Обратимся к теории и отметим, что hippos (иппо) – слово, обозначающее лошадь. При этом факт позитивного влияния иппотерапии – лечебной верховой езды – на здоровье человека известен людям с давних времен. И все-таки в привычном понимании данный метод является современным, потому что направление оформилось в знакомом для нас виде относительно недавно. Вместе с тем обосновано, что иппотерапия способствует:

- Лечению детей с ограниченными возможностями

здоровья;

- Проработке различных проблем, связанных с функционированием головного мозга;
- Устранению патологий и последствий нарушений, затрагивающих опорно-двигательный аппарат;
- Проработке регуляторных отклонений и дисфункции отдельных систем организма человека.

В России заявленное направление стало активно развиваться в начале 90-х, когда в Москве был открыт центр «Живая нить», предназначенный для работы с так называемыми проблемными детьми. Спустя время соответствующие практики начали активно распространяться и в других городах, что небезосновательно считается основой популяризации лечебной верховой езды в России.

Иппотерапия рассматривается, помимо прочего, в качестве технологии социальной работы с лицами, характеризующимися ограниченными возможностями здоровья. Вместе с тем речь о комплексном инструменте для реабилитации: метод используется при работе с детьми-инвалидами, при коррекции различных нарушений и заболеваний, с которыми сталкиваются взрослые люди. Также иппотерапия рассматривается рядом ученых в качестве подвида лечебной гимнастики, где основной инструмент – это животное, то есть лошадь.

Если проводить параллель между представленным направлением и традиционными восстановительными терапевтическими методиками, то можно увидеть, что первое обладает рядом преимуществ. Дело в том, скажем, что иппотерапия буквально базируется на задействовании биологической функции движения, что на фоне контакта с животным обретает условное социальное значение. Лечебная верховая езда влияет на всадника во множестве направлений и аспектов, она:

- Помогает корректировать физическое состояние лиц, характеризующихся нарушениями в функционировании двигательного аппарата;
- Способствует разрешению психологических проблем, затрагивающих детей и подростков в контексте социальной адаптации и реабилитации;
- Дает выраженный эффект в контексте интеграции инвалидов в общество.

Отметим и то, что иппотерапия крайне полезна при работе с детьми с ДЦП, что обусловлено ценными эффектами: естественные движения лошади помогают даже маленькому всаднику лучше организовывать собственный двигательный опыт, систематизировать соответствующие действия и контролировать их.

Стоит выделить так называемую координаторную нагрузку – один из эффектов лечебной верховой езды. Речь о том, что при регулярных занятиях по иппотерапии формируется условная схема фиксации тела. Всадник, даже если он маленький, удерживает баланс благодаря активизации мышечной ткани в бедренной зоне. Соответствующие мышцы способствуют удержанию вертикального положения, при этом работают в тесной связке с навыками координации и управления тазом. В это же время возникает нагрузка на нижние конечности, что дополнительный плюс, ведь впоследствии это укрепляет соответствующие структуры.

Опора на стремена здесь – не столь значимый фактор, если дело касается здорового человека. Но все резко меняется, когда всадником становится инвалид, сталкивающийся с различными расстройствами двигательного спектра. Преимущество в том, что создаются условия, важные с точки зрения переменной нагрузки на мышечные ткани нижних конечностей в то время, как

голеностоп зафиксирован в условно-физиологическом положении. При этом всадник, даже если это ребенок, может сохранять позу тела в сагиттальной плоскости, держаться руками за гурт или ремень на лошадиной шее.

Поступательные движения лошади приводят к тому, что активность различных мышц тела всадника меняется, вместе с тем улучшается навык координации, ведь возникает потребность в удержании условного равновесия в седле. Это естественный компонент любого занятия. Отметим и то, что имеет место симметрия нагрузок по всем осям, что соответствующим образом активизирует функционирование всех мышечных тканей, участвующих в посадке и отвечающих за правильную позу. Это крайне важно с точки зрения работы с лицами, сталкивающимися с ассиметричными двигательными расстройствами.

Стоит особо отметить и то, что дозированные нагрузки во время занятий положительно влияют на вестибулярный аппарат, нормализуют его функционирование и вместе с тем улучшают статику и кинетику организации моторики. Это преимущество с точки зрения проработки проблем, с которыми сталкиваются люди с признаками нарушенных двигательных способностей: повышается уровень уверенности движений, страхи по поводу самоконтроля становятся менее тревожащими, а двигательная активность – более самостоятельной.

Налицо комплексное нейрофизиологическое воздействие: движения лошади позитивно влияют на вестибулярный анализатор всадника, при этом стимулируются глубинные мозговые структуры, во многом связанные с состоянием и активностью нейронного моторного аппарата. Благодаря отмеченному удастся добиваться дополнительного позитивного эффекта в виде качественной проработки патологических двигательных паттернов, шаблонов, часто называемых стереотипами.

Важно осознавать и тот факт, что проработка различных двигательных нарушений по мере верховой езды приводит к тому, что постепенно и качественно преобразуется социально-психический статус конкретного лица. Это выражается в повышении самооценки, в социальной активности и не только. Очевидное следствие – увеличение уровня заинтересованности человека, скажем, ребенка, в восстановлении, то есть в сути и содержании реабилитационного процесса.

Можно утверждать, таким образом, что иппотерапия – отличный метод реабилитации при работе с детьми, в том числе с церебральным параличом. Верховая езда в данном контексте занимает особое место в контексте естественной биологической терапии, значительно ускоряющей приближение основного результата в виде восстановления, проработки нарушений, затрагивающих

функционирование опорно-двигательного аппарата.

Специфика лечебной верховой езды – иппотерапии – в аспектах возраста, социализации и медицинских показателей, типичных для детей с ограниченными возможностями здоровья

Социализация ребенка с ограниченными возможностями здоровья – сложный процесс, затрудненный и отличающийся от случая, в который вовлечен обыкновенный, скажем, младший школьник. Это детерминировано понятными пробелами физического характера, интеллектуальными и смежными вероятными отклонениями. При этом отмеченное оставляет след на социализации и связанных с ней процессах.

Иппотерапия в данном контексте, или же лечебная верховая езда – эффективный и результативный метод коррекции. Он положительно влияет на развитие детей с ограниченными возможностями здоровья, в том числе на ребят с ДЦП. Практика и статистика позволяют утверждать, что иппотерапия – особый и ценный инструмент с точки зрения условной постановки движений, поз, а также с позиции развития произвольного внимания. Дополнительно лечебная верховая езда укрепляет различные группы мышц без нагрузки на сердце.

Занятия могут быть организованы в условиях города или сельской местности, что исключает недоступность метода для различных категорий нуждающихся в этом детей. В любом из случаев базовое требование – соблюдение принципов безопасности.

Снова отметим, что по мере лечебной верховой езды в соответствующую работу включаются различные структуры мышечной ткани. Это частично обусловлено рефлекторным аспектом: сидя на лошади и двигаясь вместе с ней, конкретный человек на уровне инстинктов стремится к удержанию равновесия. В иной ситуации он бы просто выпал из седла, осознание чего и заставляет задействовать как здоровые, так и патологически измененные мышцы. Часто это происходит даже без волевых усилий.

Воздействие лечебной верховой езды на человеческий организм аналогично тому, что имеет место при реализации прочих видов ЛФК. Занятия, скажем, активируют вегетативные системы, влияют на всадника в психогенном и биомеханическом аспектах. Соотношение между ролями соответствующих факторов зависит от прорабатываемой патологии, от конечных задач и целей, поставленных перед каждым сеансом иппотерапии. Если дело касается, скажем, невроза, ДЦП или отсталости в умственном плане, важен акцент на психогенном компоненте. Если же все сводится к коррекции, например, осанки, важна биомеханика.

Некоторые авторы отмечают, что лечебная верховая езда облегчает неврозы и смежные состояния, а также:

- Избавляет от заторможенности и скованности действий;
- Облегчает восприятие реальности в ее корректном, то есть текущем состоянии и без искажений;
- Улучшает способности, необходимые для ориентации во времени и пространстве;
- Снимает психозы и подобные состояния;
- Улучшает навыки, ценные с точки зрения адаптации к реальным условиям окружающего мира.

Еще один плюс лечебной верховой езды – исключение положения конкретного пациента, как в случае работы психотерапевта или иного врача, когда он становится условно выше, чем лицо, требующее лечения. В ситуации иппотерапии это исключено, ведь всадник и животное становятся партнерами, обязанными ладить на вербальном и невербальном уровнях.

Внимания заслуживает и тот факт, что роль всадника требует от каждого ребенка максимальной концентрации внимания. Вместе с тем важны осознанные действия и способность ориентироваться в пространстве.

Подчеркнуть следует и то, что в рамках иппотерапии лошадь становится:

- Посредником в контексте взаимоотношений между терапевтом и ребенком либо иным лицом;
- Условным получателем определенных сведений, потому как предполагается восприятие команд;
- Усилителем сигнала. Здесь речь о том, что последний, транслируемый терапевтом, косвенно, а иногда и прямо затрагивает всадника – ребенка или иное лицо.

Некоторые авторы в своих работах отмечают, что иппотерапия, если она реализована и проводится грамотно, способствует достижению следующих положительных результатов:

- Облегчение и даже полное снятие заторможенности;
- Снижение общей тревожности всадника;
- Развитие самостоятельности;
- Обеспечение способности адаптироваться, подстраиваться под различные пространственные и временные условия, обстоятельства.

Отметим и то, что иппотерапия обладает определенными чертами типичной психотерапии, что выражается в успешной реабилитации лиц, сталкивающихся с различными умственными отклонениями от нормы. По мере занятий, что отмечено, становятся активными не только мышцы, но и когнитивные процессы, что позитивно влияет на общие результаты терапии.

Внимания заслуживает аспект мотивации, ведь дети

и другие лица, нуждающиеся в этом, по мере верховой лечебной езды демонстрируют самостоятельность и стремление к активности. Сама возможность ощутить себя полноценным всадником на фоне имеющихся патологий – мощный стимул и мотив, особенно в плане противодействия страху и в смысле демонстрации уверенности в собственных силах и возможностях. Все это положительно влияет на волевую мобилизацию и деятельность, исключает страх и провоцирует отклики со стороны организма всадника на различных уровнях.

Стоит отметить, что иппотерапия влияет на занимающихся лиц разнонаправленно. В первую очередь подчеркнем, что возникает эмоциональная связь с лошадью, что сопровождается потребностью в демонстрации определенных усилий для взаимодействия с животным. В совокупности представленные факторы провоцируют возникновение уникальной и достаточно ценной терапевтической ситуации, характерной исключительно для случая лечебной верховой езды. Насыщенная эмоциональная атмосфера в этом смысле – больше плюс, ведь это стимулирует общий подъем конкретного лица, а также улучшение его настроения и позитивное изменение так называемого психического статуса.

Вернемся к вопросам, не касающимся физического аспекта, и отметим, что иппотерапия повышает активность познавательной сферы конкретного лица. Это обусловле-

но потребностью в концентрации внимания, в демонстрации сосредоточенности и самоорганизации. Вместе с тем всадник обязан запоминать требуемые действия, планировать их реализацию. Это положительно влияет на координацию в слуховом, моторном, зрительном и прочих планах.

Лечебная верховая езда, что ранее косвенно отмечено, несколько напоминает альтернативные разновидности ЛФК. При этом базовый фактор – движение животного. Есть и отличие, которое сводится к следующему: иппотерапия демонстрирует исключительно комплексное воздействие на физические и психические компоненты личности всадника. Комплексность здесь – важный критерий, ведь в реабилитационном контексте и в терапевтическом плане занятия с лошадью демонстрируют действительно разноплановые результаты.

Заслуживает внимания и тот факт, что температура тела лошади несколько выше, чем у человека (на 1–1,5 градуса), поэтому мышечные ткани, особенно в области таза и ног, вместе с напряжением получают условную дозу расслабления, что считаем еще одним плюсом.

Дополнительное преимущество иппотерапии сводится к атмосфере: ребенок или взрослый приходит в место, где видит манеж, животных и дружелюбных терапевтов-инструкторов, а не врачей в белых халатах и холодный свет типичного медицинского учреждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беллион Д. Сенсорная инвалидность и реабилитация верховой ездой. / Исследовательский центр Бобиньи, Франция, 1994, 11 с.2. Глэддинг С. Психологическое консультирование. 4-е изд. - СПб.:С-Пэ 2002г.
2. Выготский Л.С. Вопросы детской (возрастной) психологии. Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1982-1985, Т.4., с. 137 - 142.
3. Выготский Л.С. Проблемы развития психики. Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1982 - 1985, Т.3., 277 с.
4. Гурвич П.Т. Центр лечения верховой ездой. / Журнал «Коневодство и конный спорт» №2, 1997, с.16-23.
5. Гурвич П.Т. Какие заболевания лечат верховой ездой. / Журнал «Коневодство и конный спорт» №1, 1997, с.19-21.
6. Гурвич П.Т., Легашин В.И. Конный спорт - один из видов спорта инвалидов. / Специальное Олимпийское движение в России. Современные проблемы и перспективы развития. // Всерос. науч.-практ. конф. 30 нояб.-1 дек. - М., 2000, 62 е., с.7-15.
7. Кольцова М.М. Двигательная активность и развитие функций мозга ребенка. - М.: Медицина, 1973, 128 с.
8. Лория М.Ш. Медико-биологические основы релаксации при диспластическом сколиозе. Дисс. на соиск. степ. д.м.н. - Тбилиси, 2000, 140 с. + илл.
9. Лория М.Ш., Цварава Д.М. Эффективность гипотерапии в лечении сколиозов. / Всес. науч.-практ. конф. «Гипокинезия и спортивная гиперкинезия растущего организма и их коррекция.» - Ташкент, 1983, с.23-27.
10. Лория М.Ш., Цварава Д.М. Релаксация у больных с инфарктом миокарда. - М., 2002, 19 с.
11. Мошков В.Н. Лечебная физическая культура в клинике нервных болезней. - М.: Медицина, 1982, 115 с.
12. Роберт Н.С. История и перспективы развития иппотерапии в России. / Журнал «Вестник спортивной медицины России» № 2 (23), 1999, с.39-41.
13. Столяров В.И. Решение проблемы социальной реабилитации инвалидов на основе проекта «СпАрт». / Сб. материалов к лекциям по физ. культ. и спорту инв., т.1. - Малаховка, 1993, 272 е., с.128-138.

© Фролова Надежда Викторовна (Nadezhda.frolova.1985@list.ru), Аравелян Оганес Карапетович (oganesagavelyan@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ФОРМ И СПОСОБОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДЕТСКОГО ХИРУРГА И ПАЦИЕНТА

THE RELEVANCE OF THE PROBLEM OF FORMS AND METHODS OF INTERACTION BETWEEN A PEDIATRIC SURGEON AND A PATIENT

M. Chesnokof

Summary: The results of the study of the relevance of the forms and methods of interaction between a pediatric surgeon and a patient are presented. A survey was conducted on the basis of the V.E. Veltishchev Institute of Pediatrics and Pediatric Surgery of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «N.I. Pirogov Russian National Research Medical University» of the Ministry of the Russian Federation in Moscow, in particular in the Children's City Clinical Hospital No. 9, and at the XXI Congress of the Russian Association of Pediatric Surgeons in Moscow on September 22-24, 2023. There were 101 pediatric surgeons surveyed from 26 to 55 years old. For the study, we used questionnaire methods. Interim conclusions were drawn based on the results. Research in this direction is ongoing.

Keywords: pediatric surgeon, doctor-patient relationship, Veatch R., parents and doctor.

Чесноков Михаил Сергеевич

аспирант, Автономная некоммерческая организация
высшего образования «Университет мировых
цивилизаций имени В.В. Жириновского» (г. Москва)
michaelchesnokof@gmail.ru

Аннотация: Представлены результаты исследования актуальности форм и способов взаимодействия врача - детского хирурга с пациентом. Проведено анкетирование на базе Научно-исследовательский клинический институт педиатрии и детской хирургии имени академика Ю.Е. Вельтищева ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России г. Москвы, в частности в ГБУЗ «Детской Городской Клинической Больницы №9 им. Г.Н. Сперанского», и на XXI съезде Российской ассоциации детских хирургов в г. Москва 22-24 сентября 2023 года, количество опрошенных детских хирургов 101 от 26 до 55 лет. Для исследования использовался метод анкетирования. По результатам были сделаны промежуточные выводы. Исследование в этом направлении продолжается.

Ключевые слова: детский хирург, взаимоотношения врача и пациента, Витч Р., родители и врач.

Введение

О тношения между врачами и их пациентами привлекали философское, социологическое и литературное внимание со времен Гиппократов, и являются предметом около 8000 статей, монографий, глав и книг в современной медицинской литературе. В данной статье описаны основные моменты состояния проблемы форм и способов взаимодействия врача и пациента на примере детского врача. Постулированы основные проблемы, которые существуют в данной сфере, дана характеристика направлений исследований в проблеме взаимоотношений врача и пациента, проведен литературный обзор, приведены статистические данные по данной проблеме, постулированы тенденции и прогнозы в данной сфере, представлены результаты исследования актуальности форм и способов взаимодействия врача - детского хирурга с пациентом на базе Научно-исследовательский клинический институт педиатрии и детской хирургии имени академика Ю.Е. Вельтищева ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России г. Москвы, в частности в ГБУЗ «Детской Городской Клинической Больницы №9 им. Г.Н. Сперанского», и на XXI съезде Российской ассоциации детских хирургов в г. Москва 22-24 сентября 2023 года.

Проблема взаимодействия врачей и пациентов

История взаимодействия врача и пациента начинается около 4000 лет до Р.Х. Тогда превалировала сакральная модель взаимодействия между врачом и пациентом [13]. Далее она претерпела многие изменения и, наконец, утвердился современный коллегиальный принцип взаимоотношения между врачом и пациентом.

Взаимодействие между врачом и пациентом были и остаются краеугольным камнем медицинской помощи, поскольку непосредственная клиническая функция врача это общение с пациентом, будь это телемедицина или очный прием. Необходимо выслушать жалобы, узнать анамнез заболевания, то есть то, когда болезнь началась, как развивалось заболевание, было ли какое-либо диагностическое инструментальное обследование, применяемое пациентом лечение. Нарушения взаимоотношения между врачом и пациентом могут приводить к серьезным трудностям в диагностике и лечении заболеваний [6]. Например, пациент, который не доверяет практикующему врачу, не будет эффективно раскрывать полную информацию. В свою очередь, пациент, который будет встревожен, не будет четко воспринимать информацию. Таким образом, «...

взаимоотношения между врачом и пациентом являются одним из ведущих факторов, определяющих эффективность лечения» [6].

Жалобы, анамнез жизни и заболевания являются субъективной частью обследования, но тем не менее важными элементами диагностического поиска врача. В некоторых случаях анамнез заболевания является практическим единственным способом отличить схожие заболевания на доклиническом уровне приема врача, например в инфектологии.

Благоприятные взаимоотношения оказывают влияние и на врача, и на пациента. Первый повышает мотивацию в своей работе, что способствует поддержанию эмоционального состояния и предотвращению выгорания практикующих врачей и текучести кадров. Второй увеличивает уровень удовлетворенности полученной медицинской помощи.

Все больше данных [12] свидетельствует о том, что пациенты, активно участвующие в лечении, улучшают биологические показатели и качество жизни и более довольны оказываемой медицинской помощью. Это все зависит от взаимоотношения с врачом.

В современных условиях увеличатся доля частных лечебно-диагностических центров. Конкуренция за прием пациентов порой часто характеризуется сочетанием завышенных обещаний и стремления выполнить меньшее. Пациенты могут приходить в кабинет врача, ожидая, что все их потребности будут удовлетворены так, как они сами ожидают и определяют. Вместо этого они обнаруживают, что медицинская организация, оказывающая медицинскую помощь не готова оказать данную услугу. Когда это происходит, немедленно возникает прочный барьер для доверительных отношений между пациентом и врачом. Этого всего необходимо избегать.

Статистика и прогнозы

Несмотря на достижения клинической психологии, медицинской этики и деонтологии, многие вопросы, касающиеся взаимоотношений в модели врач-пациент, в настоящий момент ещё не решены. Согласно статистике более половины (57,6%) [11] выпускников медицинских вузов не довольны обучением взаимодействию с пациентом и хотели бы пройти дополнительные курсы.

Также по статистике только 6% врачей никогда не сталкивалось с ситуацией, в которой необходимо разрешить конфликт с пациентом или их родственниками [7]. Согласно статистическим данным имеющаяся тенденция будет сохраняться, что делает проблему взаимодействия врача и пациента актуальной.

Законодательная база

Важность проблемы взаимоотношения между врачом и пациентом вызвала появление закона № 323 от 21.11.2011 г. [8] в России, который сформулировал важнейшие задачи для её решения. Приоритетом стали следующие цели для обеспечения граждан РФ безопасных условий в области здравоохранения: усиление защиты прав, повышение эффективности контрольно-надзорных мероприятий, борьба с нелегальным оборотом фальсифицированных лекарств и медицинских устройств, укрепление здоровья детей и забота о материнстве. Для выполнения этих задач установлены следующие шаги: контроль доступности лекарств и медицинских изделий для населения, включая обеспечение их наличия по всей территории страны. Разработка и внедрение адаптивной системы контроля на основе риск-ориентированного подхода в деятельности надзорных органов. Введение процедуры контрольных закупок как инструмента Росздравнадзора для оценки качества продукции. Реализация мер по внедрению автоматизированной системы отслеживания движения лекарств и медицинских изделий на всех этапах, начиная с производства до конечного использования. Но самое важное, подведена база, где согласно принципам охраны здоровья утвердилась коллегиальная модель взаимоотношения врача и пациента, предложенная Робертом Витчем [3] свидетельствует о том, что пациенты, активно участвующие в лечении, улучшают биологические показатели и качество жизни и более довольны оказываемой медицинской помощью. Проблему взаимоотношения врача и пациента можно рассматривать в разных аспектах. Важность данных частей проблемы взаимоотношения между врачом и пациентом находит отражение в диссертационных исследованиях.

Из исследования О.В. Минаковой можно сделать вывод [5], что проблема взаимодействия врача и пациента будет иметь в ближайшем будущем еще более важное место в здравоохранении, подготовка специалистов медицинского звена будет затрагивать способы улучшения взаимодействия врача и пациента, что будет реализовано, по мнению автора, через формирование аналитико-рефлексивной компетенции у будущих медиков, которое может осуществляться через комплексную методологию, основанную на системно – деятельностном (интерактивное обучение), компетентностном (умение применять знания в работе и жизни), личностно-ориентированном (индивидуальный подход к обучающимся) и интегративном (знания из разных предметов связываются между собой) подходе. Данное исследование подтверждает образовательно-социальную значимость проблемы взаимоотношения «врач-пациент».

Также важно исследование [4], которое дискрибирует формирование когнитивной структуры для двух систем

устного медицинского взаимодействия – авторитарной и коллегиальной, а именно: метаисследование параметрических особенностей этих систем; углубленное изучение их прагматических ролей и функциональных принципов; выделение ключевых стратегий коммуникации (основных и вспомогательных). В исследовании выявлен ряд дефектов в межличностном общении между пациентом и врачом, что опосредовано подчеркивает актуальность когнитивно-речевого аспекта проблемы взаимоотношения врача и пациента.

В исследовании Катоховой С.С. [1] определяется понятие психологической компетенции медицинского работника как сложной системной личной структуры, объединяющей глубокие психологические познания и умения, ключевые личностные качества для эффективного самоуправления, поведения сотрудника. Это включает способность планировать на высоком уровне, применять корректное психологическое воздействие в решении профессиональных и социальных задач. Данное исследование подчеркивает актуальность проблемы взаимоотношения врача и пациента на уровне компетенций.

Таким образом, имеет место широкий диапазон исследований, посвященных взаимоотношению врача и пациента, что не может не подтвердить актуальность данной проблематики.

Новая модель взаимодействия

На современном этапе развития медицины наблюдается появление в сфере организации здравоохранения новых способов взаимодействия между врачом и пациентом. Медицина, все чаще сталкиваясь с вызовами современности (переходными процессами от «лечения» к «сервисному подходу», ростом биоэтических дилемм), вынуждена пересматривать свои основы, что приводит к возникновению новых моделей взаимодействия «врач-пациент». Среди них можно выделить несколько основных: 1) прецизионная медицина [14] – подход к здравоохранению, при котором стратегия лечения и профилактики адаптируются к индивидуальным особенностям человека, таким как генетика, образ жизни, особенности психики и т.д.; 2) Калгари-Кембриджская модель медицинской коммуникации [2] – основана на разделении на этапы процесса общения пациента и врача, используется на консультациях первичного звена здравоохранения г. Москвы, Московской области и ряда других регионов, основана на принципах эмпатии, партнерства и активного слушания; 3) модель «пациентоориентированности» [9] – акцент на создании положительных эмоций у пациента. Общим для них является то, что они базируются на психологической рефлексии. Это межличностный подход, ориентированный на создание условий для саморазвития и самопонимания пациента

в процессе лечения. Основная задача таких моделей заключается не только в терапии физических заболеваний, но и в стимуляции психологического здоровья через совместную рефлексивную деятельность.

Таким образом, поиск оптимальной психологической модели взаимоотношения между педиатром и пациентом, наличие на современном этапе конкурирующих моделей, является косвенным подтверждением актуальности проблемы взаимодействия врача и пациента.

Цель исследования

Оценить необходимость повышения качества личностных и социальных факторов во взаимодействии детского хирурга с детьми (личностный и социальный компонент).

Результаты

Анкетирование проведено на базе НИКИ им В.Е. Вельтищева г. Москвы, в частности в ДГКБ №9, и на XXI съезде Российской ассоциации детских хирургов в г. Москва 22-24 сент 2023 года, количество опрошенных детских хирургов 101 от 26 до 55 лет. Статистическая значимость проверялась на уровне $p < 0,05$. Обработка данных проводилась с использованием программы SPSS 23.0.

В анкетировании принимали участие лица в большинстве мужского пола – 74.3%. Преобладающий возраст это от 35 до 45 лет (42.6%), 25 – 35 лет (36.6%) Большинство респондентов (70.3%) от общего числа не осведомлены о принципах Соционики – науке о взаимоотношениях между людьми. 63,5% врачей обеспокоены возможными конфликтными ситуациями во время трудовой деятельности. Достаточно большая часть респондентов (46.5%) хотя бы раз получала официальные жалобы со стороны пациентов за 2023 год, частично либо полностью обоснованными по мнению врачей были 28,7% жалоб. Также велика доля конфликтных ситуаций на рабочем месте. 64.3% опрошенных ответили, что минимум один раз в месяц происходили конфликты, чаще всего во время суточных дежурств и со стороны родителей или официальных представителей пациентов, со стороны детей конфликтные моменты не значительные (5.6%). Также небольшой процент конфликтов со средним медицинским персоналом (15.9%), чаще отмечается у врачей женской половины населения. Незначительный процент конфликтов с представителями администрации лечебно-профилактического учреждения – 8.7%. С другой стороны, высок процент врачей, получавших отзывы благодарности от своих пациентов (42.6%), 51.5% опрошенных хотели бы качественно улучшить формы и способы взаимодействия с пациентом. Большинство при помощи приложения – 36.1% респондентов, в виде очного курса – 26.3%. Дистанционного курса в реальном

времени - 14.9%, незначительная часть (11.9%) в качестве - дистанционного курса в записи. Некоторая доля опрошенных воздержалась.

Заключение

Респонденты не осведомлены на высоком уровне о принципах науки Соционики. Большинство врачей обеспокоены конфликтными ситуациями и получали жалобы при низкой обоснованности их с медицинской точки зрения.

Более половины опрошенных детских хирургов хотели бы улучшить формы и способы взаимодействия с пациентом, при этом предпочтительным способом достижения данной цели является использование специального приложения. Повышение навыков в взаимоотношениях врач-пациент является востребованным.

И имеет место увеличение внимания при подготовке специалистов к проблеме взаимоотношений между врачом и пациентом, требуется увеличение качества при

подготовке в таких предметах высшего медицинского образования как психология и педагогика, медицинская этика, включая более строгий контроль выходных компетенций с помощью экзамена с зачетом практических навыков через симуляцию ситуаций в системах врач-пациент, врач - средний медицинский персонал, врач - официальные представители пациента посредством уже получившим некоторое распространение кейс-методом или с помощью специальных испытаний в симуляционных центрах.

Подобная практика уже используется в аккредитации медицинских специалистов высшего звена, но с ограничением. Во втором этапе аккредитации воспроизводится ситуация приема врача, где участвуют специально обученные актеры, которые должны выступить в качестве пациента. Минусом является то, что разыгрывается стандартная «рабочая» ситуация, без urgentных, нестандартных, включая конфликтных, ситуаций, в принципе наша команда считает, что в целом для здравоохранения было бы полезно оценивать на этом этапе способность врача выходить из подобных неблагоприятных ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катахова С.С. Психологическая компетентность руководителя как фактор эффективного управления в современных условиях: на примере медицинских учреждений: специальность 19.00.03 «Психология труда, инженерная психология, эргономика»: автореферат на соискание учёной степени кандидата психологических наук / Светлана Сергеевна Катахова; Институт инновационных технологий и государственного управления ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет». – Москва, 2021. – 27 с. – Место защиты: ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». – Библиогр.: с. 23–26. – URL: <https://www.dissercat.com/content/rechevye-strategii-vracha-v-usloviyakh-kollegialnoi-i-avtoritarnoi-modeli-kommunikatsii-dokt> (дата обращения 30.03.25).
2. Калгари-Кембриджская модель: этапы и навыки [Электронный ресурс] // MD.school. – URL: <https://md.school/blog/kalgari-kembridzhskaya-model-medicinskoj-konsultacii> (дата обращения: 13.05.2025)
3. Книсарина М.М., Бекешова Г.У., Ертукешова Г.М., Дуйсенова А.А., Жумалиева Г.С. Определение доминирующей модели взаимоотношений «врач — пациент» по Роберту Витчу [Электронный ресурс] // Medpsy.ru. – 2020. – URL: http://medpsy.ru/mprij/archiv_global/2020_2_61/nomer04.php (дата обращения: 13.05.2025).
4. Майборода С.В. Речевые стратегии врача в условиях коллегиальной и авторитарной модели коммуникации доктора и пациента: схождения и противоречия: специальность 10.02.19 – «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Светлана Викторовна Майборода; ФГБОУ ВО «Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского» Минздрава России. – Саратов, 2021. – 24 с. – Место защиты: ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского». – Библиогр.: с. 17–21. – URL: <https://www.dissercat.com/content/rechevye-strategii-vracha-v-usloviyakh-kollegialnoi-i-avtoritarnoi-modeli-kommunikatsii-dokt> (дата обращения 30.03.25).
5. Минакова О.В. Формирование аналитико-рефлексивной компетентности будущего врача в процессе профессиональной подготовки: специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Минакова Ольга Викторовна; ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева». – Орел, 2021. – 23 с. – Место защиты: «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева». – Библиогр.: с. 20–22. – URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-analitiko-refleksivnoi-kompetentnosti-budushchego-vracha-v-protseste-profession> (дата обращения 30.03.25).
6. Миц А.Н., Бондарев А.А., Гонтарев С.Н. Клиническая значимость взаимоотношения врача и пациента (обзор литературы) / А.Н. Миц, А.А. Бондарев, С.Н. Гонтарев // Менеджер здравоохранения. – 2020. – №2. – С. 43–49. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klinicheskaya-znachimost-vzaimootnosheniya-vracha-i-patsienta-obzor-literatury> (дата обращения 30.03.25).
7. Право врача на защиту: на чьей стороне в конфликтных ситуациях медучреждение // Docsfera: сайт. – 2023. – URL: https://docsfera.ru/research/pravo_vracha_na_zashchitu_na_chey_storone_v_konfliktnykh_situatsiyakh_meduchrezhdenie/ (дата обращения: 14.03.2024).
8. Пушина О.В. Новое в законодательстве с 01.04 по 30.06.2019 г. / О.В. Пушина // The Eye Глаз. – 2019. – № 3. – С. 62–64. – URL: <https://www.theeyeglaz.com/jour/article/view/495> (дата обращения: 14.03.2024).
9. Силуянова И.В. Новые стандарты взаимоотношений «врач–пациент» в контексте культурно-исторического опыта // Вопросы и проблемы биомедицин-

- ской этики. 2023. – URL: <https://mag.opvspsb.ru/publications/voprosy-i-problemy-biomeditsinskoj-etiki/358/> (дата обращения: 15.05.2025).
10. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». – М.: Официальный интернет-портал правовой информации, 2011. – 88 с. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 27.11.24).
 11. Шеметова Г.Н., Сидорова Н.В., Губанова Г.В. Готовность студентов старших курсов медицинского университета к эффективной коммуникации с пациентом // Саратовский научно-медицинский журнал. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gotovnost-studentov-starshih-kursov-meditsinskogo-universiteta-k-effektivnoy-kommunikatsii-s-patsientom> (дата обращения: 13.05.2025).
 12. Keslar L. The evolution of the doctor–patient relationship / L. Keslar // Medical Economics Journal, Medical Economics. – 2023. – Vol. 100. – P. 84–89. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/17386916> (дата обращения: 14.03.2024).
 13. Shutzberg, M. The Doctor as Parent, Partner, Provider. . . or Comrade? Distribution of Power in Past and Present Models of the Doctor–Patient Relationship / M. Shutzberg // Health Care Analysis. – 2021. – Vol. 29. – P. 231–248. – DOI:10.1007/s10728-021-00432-2.
 14. Tan N., Khan I., Saleh A. The intersection of big data and healthcare innovation: millennial perspectives on precision medicine technology / N. Tan, I. Khan, A. Saleh // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. – 2024. – Vol.10, № 4. – DOI: 10.1016/j.joitmc.2024.100376

© Чесноков Михаил Сергеевич (michaelchesnokof@gmail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СИСТЕМ Н. ЛУМАНА В СВЯЗИ С ПОДХОДОМ К ИНФОРМАЦИОННЫМ ВОЙНАМ С.П. РАСТОРГУЕВА

Александрова Ольга Степановна

Кандидат философских наук, доцент,
Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
07_aos@mail.ru

METAPHYSICAL FOUNDATIONS OF THE CONCEPT OF COMMUNICATION SYSTEMS BY N. LUHMANN IN CONNECTION WITH THE APPROACH TO INFORMATION WARS BY S.P. RASTORGUEV

O. Alexandrova

Summary: The article examines the metaphysical and ideological-methodological aspect of the communication systems concept by N. Luhmann in connection with the interpretation of information wars by S.P. Rastorguev. The interval of abstraction, possibilities and consequences of the reductionist-functionalist society model as a metaphysical (worldview) basis for governance and information warfare are specified.

Keywords: society, system, communication, information, information war, metaphysical foundations.

Аннотация: В статье рассматривается метафизический и идеолого-методологический аспект концепции коммуникативных систем Н. Лумана в связи с трактовкой информационных войн С.П. Расторгуева. Конкретизируются границы, возможности и следствия редукционистско-функционалистской модели общества в качестве метафизического (мировоззренческого) основания управления и информационного противоборства.

Ключевые слова: общество, система, общение, информация, информационная война, метафизические основания.

Актуальность

Философские метафизические основания стратегии информационного противоборства влияют на ее возможности и результат. К таким основаниям относятся категории и концепты общества, общения, системы, информации, памяти.

По нашим наблюдениям, на Западе постпозитивистский подход к ним (Дьюи, Поппер, Фуко, Рорти и проч.) не просто продолжает доминировать, он стал, в существенной степени, частью общественного сознания, общественной психологии: истинно и существует то, во что человек верит, что наилучшим образом соответствует его целям или может использоваться в качестве эффективного инструмента. Данный подход стал основанием стратегии и технологий т.н. «мягкой силы», ведения информационных войн. В решении связанных с ними проблем он наглядно проявляется в современной западной политике [5, 9] и у видных ученых конца XX века Н. Лумана (концепция коммуникативных систем, постнеклассическая социология знания) [1, 2, 3, 15, 20] и С.П. Расторгуева (концепция информационных войн) [22].

Целью нашего исследования является метафизический и идеолого-методологический аспект концепции коммуникативных систем Н. Лумана в связи с трактовкой

информационных войн С.П. Расторгуева. Задачей статьи является конкретизация границ, возможностей и следствий редукционистско-функционалистской модели общества в качестве метафизического (мировоззренческого) основания управления и информационного противоборства.

Методология

К методологическим основаниям нашего исследования можно отнести следующие:

1. Идеи общественно-духовной формации (цивилизации), духовного и социального рабства В.Ю. Катасонова: современная информационная война – это форма борьбы двух исторических типов цивилизаций [9, 10.383-385].
2. Диалектический метод (взаимосвязь структуры и возможности, устойчивости и неустойчивости, структуры, элементов и развития; принципы детерминизма, историзма, всеобщей связи, закономерности [11], иерархии структур и др.) [23, 27].
3. Понятия массовой коммуникации и массовых информационных процессов как разновидностей общения, их основные признаки и функции [28].
4. Гипотезу информации как аспекта отражения: AI моделирует не особенности человеческого мышления, не его структуру или логику, а общее, приходящее ему и человеческому мышлению, - инфор-

мационные процессы [32.127-129]¹.

5. Теорию типов метафизических систем (мировоззрений) и идею уровней бытия в идеал-реалистской трактовке Н.О. Лосского.
6. Понятие информации Тростникова В.Н. (теория информации): информация не есть материальная субстанция, не есть характеристика сообщения².
7. Факт зависимости языка описания объекта от задач проектирования и разработки систем. Отсюда следует приоритет управления задачами и целями, приоритет воздействия на них [12, 23, 31.142].
8. Заключение Ю.К. Мельвиля о неспособности аналитической и коммунологической философии, ставшими предтечей и фактически теоретическим основанием радикального конструктивизма Н. Лумана, быть парадигмой современной философии [16.204-237].
9. Критерии оценки и классификация социологических теорий В.А. Ядова [35.97-106] и В.С. Семенова [24.23-36; 227-309].
10. Положение о том, что принятие решений зависит от внутренних причин выбора, целей, а не только от внешней среды и внешних причин выбора [7, 19, 32.167]³.
11. Диалектику взаимосвязи и различия коммуникации и общения (теория общения М.С. Кагана) [8.141-147]. Идея общения как подлинного объединения людей, предполагающего их индивидуально-качественные различия (в противоположность коммуникации) [8.142-158].

Результаты и обсуждение

В нашем исследовании мы постарались прояснить философские, метафизические основания концепции коммуникативных систем Н. Лумана в связи с трактовкой информационных войн С.П. Расторгуева, одного из авторитетных основоположников теории информационных войн. Фактически оба исследователя исходят из структуры личности человека, как если бы его единственно возможным состоянием было катастрофическое состояние (термин Позова А.С.) [19]. Сущность человека, как и в марксистской традиции, ставится в зависимость от общественных отношений. Однако эти отношения, общение, в свою очередь, редуцируются к коммуникации систем. Данная методологическая установка в высшей

степени характерна для представителей такого крайне субъективистского, идеалистического и релятивистского направления, как экзистенциализм. Для экзистенциализма характерно сведение структуры личности (безотносительно её духовного развития и отношения к Творцу (креационизм) к эмоциональной структуре сознания, а мотивации – к страху [16.212-126].

Диалектика личности и общества, роль личности в истории, понятие народа как личности, субъекта истории (Тростников В.Н.) [30.521-522]⁴ оказываются посторонними, личность редуцируется к бездушному пассивному элементу системы, духовные и экономические [5, 6] связи общества выносятся за скобки. Информационное взаимодействие рассматривается независимо от нравственного закона и мировоззрения, что, в целом, типично для европейской мысли с начала 20 века, в частности для неопозитивизма, феноменологии [16.94-95]. Такой подход не позволяет разработать эффективную стратегию противодействия в духовном и цивилизационном противоборстве. Однако он может принести определенный временный результат в разработке и применении технологий управления и манипуляции сознанием и подсознанием [26].

Теория систем Н. Лумана [15] фактически служит идеологической формой прикрытия и обоснования господства монополистического капитала и концепции надгосударственных «мирового государства» и «мирового права», утопической идеи «всемирного правительства» [29.178-180, 631-634]. Западное общество (денежная цивилизация, или общественно-духовная формация (термин Катасонова В.Ю.)) [9] по умолчанию рассматривается как безальтернативный вариант.

Несмотря на провозглашенную цель фундаментального уровня, – понять, что такое общество, Луман в своей аналитико-экзегетической [35] теории фактически исследует не общество и его историческую сущность, а то, как язык (коммуникация), коммуникативные правила и границы служат или могут служить управлению им [15.613-625]. Причем это типичная черта многих прагматистских и субъективно-идеалистических концепций, которая неявно присутствует и в концепции информационных войн С.П. Расторгуева.

Как и К. Поппер, Н. Луман абстрагируется от истори-

1 Вследствие, пространственно-временной, вещественно-энергетический, биологический, социально-культурный и, в особенности духовный аспекты оказываются подчиненными или посторонними. В этом границы информационно-конструктивистского подхода: кибернетическая форма отражения не существует вне высших форм, её породивших: сознания и духа.

2 Это характеристика соотношения между сообщением и его потребителем, способ описания взаимодействия [31.15]. Согласно закону Эшби система увеличивает свое внутреннее разнообразие для уменьшения разнообразия внешних воздействий, феномен «отрицательной информации» [31.184].

3 Результат же принятия решений, как показывает историческая практика в согласии с мировоззренческими установками креационизма, в конечном счете, зависит от отношения цели, мотива и выбора к нравственному закону [17, 34].

4. «...духовные лица второго порядка, называемые народами, нациями, государствами или цивилизациями, и составляют субъекты мировой истории. Специфика духа, наполняющего такой субъект, определяет его особенности и его историческую судьбу» [30.522].

ческих закономерностей, исторического детерминизма и, следовательно, от объективных методологических оснований предвидения развития общества, исторических и духовных законов [4, 5, 9]. Он рассматривает функциональные связи идеальных объектов - коммуникативных систем. То же наблюдаем в исследовании С.П. Расторгуева [22]. Еще более абстрактной идеализацией является то, что системы эти рассматриваются вне связи с их сущностью и содержанием – качественной спецификой и иерархией их субъектов [16.164-165].

Коммуникация рассматривается Луманом (в согласии со структуралистскими установками М. Фуко [16.142-143]) как спонтанное взаимодействие безличных совокупностей систем [15]. Смысл, вслед за Гуссерлем, метафизически понимается как результат конструирования сознания, языка [16.98-99]. Смысл рассматривается Луманом как порождение коммуникативных систем, вне связи с мировоззрением, с объективным значением для науки, личности, практики, культуры эпохи [16.95]. Смысл также понимается в экзистенциалистском, постпозитивистском значении, - не как результат понимания в соответствии с сущностью объекта, целью и практической деятельностью субъектов истории, а как результат «коммуникации» между идеальными объектами - социальными системами. Однако такая интерпретация вовсе не следует из факта социальной обусловленности отношения субъекта к объекту [16.142].

В направлении социологизации философии язык как социальный фактор становится точкой отсчета, мерилем сравнения и оценки. Фактически Луман по-своему продолжает развитие идеи тождества бытия человека и бытия языка, когда предметом гуманитарных наук объявляется не бытие человека, а представление человека о своем бытии [16.153-154]. Вводится соответствующее ему понятие «языковой игры», которой отводится ключевая роль в коммуникации [16.155]. Общение [8, 28] редуцируется к коммуникации [15, 22]. Считается, что мышление, практика обусловлены речевыми, знаково-символическими структурами, лежащими в основе духовного производства, творчества (К. Леви-Строс) [16.140].

И стратегия информационных войн в трактовке С.П. Расторгуева [22], и общество как взаимодействие коммуникативных систем в трактовке Лумана [15] основаны на наблюдении катастрофического (термин Позова А.С.) состояния человека и общества, с позиций эгоцентрического мировоззрения науки Нового времени (трактовка А.Ф. Loseва) [13.731-792]. Это состояние мало отличается от описанного экзистенциалистами [16], рассматривавшими отчуждение, крайний индивидуализм и эгоцентризм

с их страхом перед смертью, самонадеянием, тщеславием и самолюбием (в духовном смысле этих слов) [18] как присущие природе человека, «естественные».

Вполне в согласии с подходом Лумана, общество и человек понимаются С.П. Расторгуевым как информационные системы⁵, изменение семантической структуры которых оценивается как поражение в информационной войне. Отношение человека и общества к Творцу, духовный закон [4.53-70, 17, 18, 30], оказываются посторонними, т.е. область значения выводов оказывается ограниченной рамками материалистического мировоззрения [9, 30]. Имеет место абсолютизация лишь одного типа структур [23.162-169], модель которого, к тому же, абстрагируется от условий, принципов всеобщей связи и историзма; абсолютизация информации (не учитываются конкретные условия передачи информации, характеристики состояния систем, иерархия и взаимосвязь структур, систем, многокачественность наблюдаемых явлений) [23, 27].

Основой постоянно воспроизводящихся коммуникаций у Лумана становится память, «определяющая нормы и требования коммуникации». Память определяется как структура предпочтений и условий отбора информативного, как фильтр, содержанием которого можно управлять. Память - это «система ожиданий вариантов будущего», так как именно она играет главную роль в отборе «запомненных событий», тем самым «конструируя историю». Итак, модель памяти строится на представлении о ней как когнитивной функции, фильтре (структуре), не обладающей онтологическим статусом и многоуровневым строением.

С.П. Расторгуев утверждает, что знание и опыт (составляющие содержание памяти) являются определяющими способами личной защиты от «информационного поражения» [22]. Не уточняется, о каких видах знания и опыта идет речь, не дается их определения. Однако в специальной литературе необходимость различать виды знания, отражение и информацию давно имеет научное обоснование [11.184-191].

В русском языке существуют понятия мудрости и рассудительности, трезвения [19], которые не тождественны здравому смыслу и знанию в их светском значении. Именно они определяют способность человека отличать главное от второстепенного, добро от зла, имеющее смысл от не имеющего такового. В монографиях С.П. Расторгуева и Н. Лумана данные аспекты человеческого бытия, обуславливающие, в конечном счете, результаты управления и информационных войн, также являются посторонними.

5 Понятия социального субъекта, личности заменяются идеализацией «информационная самообучающаяся система», задачей которой считается «сохранение информационной самодостаточности». Понятие цели включает лишь две разновидности: дальние и ближние и рассматриваются вне отношения к их духовному содержанию. Очевидно, что в такой упрощенной модели невозможно «определение судьбы культур», что и предчувствует автор (22.35-36).

В отношении исходных тезисов и методологических оснований концепции общества Н. Лумана [15] очевидно, что поиск ведется в рамках актуализма, функционализма и конструктивизма. В соответствии с данными подходами полагается, что взаимодействие коммуникативных систем конструирует социальную реальность, общение редуцируется к коммуникации. Социальная реальность фактически отождествляется с совокупностью коммуникативных систем, обладающих смыслом. Смысл систем, в свою очередь, редуцируется к следствию коммуникации, связанному с социальным действием безотносительно духовного и диалектического инвариантов истины.

У Н. Лумана и С.П. Расторгуева есть общие ключевые термины (коммуникация, смысл, система, структура), понимаемые в структуралистской традиции. Одним из ключевых оснований структуралистской методологии является тезис об обусловленности мыслительной, социально-практической деятельности человека бессознательными знаково-символическими, языковыми или речевыми структурами, символическими системами [16.140]. В соответствии с позитивистскими (структуралистскими, постмодернистскими, конструктивистскими и т.п.) установками [16.137-157] формы коммуникации рассматриваются как связи элементов социальных систем, образующие структуру систем. Вопросы сущности личности и истины, их значения в общении оказываются здесь посторонними.

В концепции С.П. Расторгуева наблюдаем тот же, что и у Н. Лумана подход к человеку в смысле редукции личности к обезличенной единице социальной системы или структуры. Общим является приоритет коммуникативного аспекта. Классовое деление и финансово-ценностная специфика как необходимые атрибуты общества оказываются посторонними либо подчиненными.

Но что нам дает такое отвлечение⁶? Какова область его значения, а в чем мировоззренческая, теоретико-методологическая и стратегическая ограниченность? Дает понимание возможных способов манипуляции в управлении обществом (денежной цивилизацией) и целесообразного изменения его структур в конкретных условиях. Частично раскрывает роль знания и опыта в управлении и защите от манипуляции.

Однако посторонним оказывается смысл истории и роль в ней конкретной личности, что важно для предвидения. Не принимается во внимание тот факт, что духовное состояние личности и народа (их отношение к Творцу) [4.44-48] обуславливает, в конечном счете, содержание коммуникации, а не наоборот. Не принимается во внимание многокачественность и многомерность социальных явлений, диалектика при-

чины и следствия, формы и содержания, структуры и элемента, времени и пространства, возможности и действительности [23.200-257]. Такой подход не позволяет установить глубинные причины наблюдаемого и сделать правильный выбор.

Луман, как и Маклюэн в соответствии с материалистическим «технологическим детерминизмом» абсолютизируют информационные процессы, коммуникацию в жизни человека и общества [31.215], игнорирует примат духовных отношений, роль экономических, исторических и иных факторов развития цивилизаций. Те же признаки наблюдаем и в концепции информационных войн С.П. Расторгуева.

Много общего в установках относительно реальности и познания у Лумана и Расторгуева с неопозитивистским течением под названием «аналитическая философия», в частности с идеями о роли языка в обществе и познании Витгенштейна, Мура, Айера, Рамзея, Стросона с их понятиями языкового каркаса и языковой игры. Однако общение не сводится к информационным процессам и воздействию посредством технологий [28, 31.216]. Важно правильно понимать сущность развития техники и технологий в связи с их местом в структуре и истории общества. В этой связи интерес представляет сравнение с монографией С.Ю. Глазьева «За горизонтом конца истории» (2021) [5], в которой автор, во-первых, дает обоснование объективному закону смены мировых хозяйственно-экономических укладов и, во-вторых, указывает область его значения, не сводя понимание общества, управления и войн только к нему.

Исследование Н. Лумана, как уже было отмечено, хорошо согласуется с позитивистско-постмодернистскими мировоззренческими установками: реальность зависит от наших попыток и способов ее упорядочить и сама в соответствии с этим изменяется, наблюдатель и наблюдаемое совместно конструируют друг друга, а в процессе интерпретации событиям придается смысл. Коммуникация «конституирует» социальную систему как процесс (актуализм), в котором возникает смысл.

Видим, что Н. Луман, в русле постмодернистской традиции [21], отрицает самодостаточность бытия: порядок реального мира представляет собой изобретение наблюдателя [25]. Способ идеализации, выбранный Луманом, его актуалистско-идеалистическое мировоззрение не позволяют отвечать на ключевые для управления и понимания сущности происходящего вопросы.

Ключевая категория и, фактически, идол Лумана – рациональность (по смыслу связанная с «функцио-

6 Интересна, в связи с вопросом, оценка Ю.К. Мельвиля [16.205], что сила философии не столько в доказательности, сколько в способности предвидения, глубине понимания, в постановке новых проблем, в способности быть методом познания и стимулом его развития. Оценивать философию следует исходя из её задач, целей и средств.

нальностью» и «подконтрольностью», способностью «смещения проблем»), что вполне в духе радикального конструктивизма [15.613]. Истина рассматривается исключительно «как одно из многих средств коммуникации» [15.625]. При этом свою теорию аутопойетических систем он рассматривает не больше ни меньше как альтернативу «предпосылкам традиционной теории познания» [15.622].

Подчеркивается, что необходимо учитывать последствия влияния на общество изменений, которое оно же и производит, необходима стратегия рационального планирования и контроля в условиях роста неподконтрольной дифференциации общества: «Система, претендующая на рациональное поведение, должна контролировать своё воздействие на окружающий мир на предмет его обратного воздействия на неё» [15.611-612]. Однако необходимые условия контроля, объективное обоснование выбора способов контроля с учетом закономерного в исторической практике и уроков истории, т.е. теоретически и технологически самые востребованные в информационных войнах выводы отсутствуют.

Выводы

Методы и технологии ведения современных информационных войн имеют своим метафизическим основанием идею коммуникации и взаимодействия коммуникативных систем как главной определяющей общества, управления. Однако популярные функционально-конструктивистский и системный подходы, особенно в их актуалистском и субъективно-идеалистском вариантах, оказываются недостаточными для стратегии устойчивого управления обществом в условиях гибридной информационной войны.

Актуалистско-конструктивистская трактовка памяти как структуры предпочтений и условий отбора информативного⁷ оказывается в разработке технологий управления поведением стратегически ограниченной. Существуют духовные законы, духовный уровень бытия человека, определяющие структуру, содержание и границы памяти, её возможности и, вследствие, результат информационных войн. Сведение общества и общения к коммуникации равнозначных систем, структур не позволит выйти за рамки крайне упрощенной модели, с которой общество как целое отождествляется по тем или иным практическим, утилитарным соображениям.

Фактически, вполне в согласии с установками М. Фуко [33.360-381], Луманом решается лишь одна задача: выявление и разработка эффективных механизмов управления обществом (с учетом обратного воздействия на

общество результатов его собственной деятельности) и коммуникацией, - в соответствии с установками актуалистско-идеалистического (термин В.Н. Лосского) [14] мировоззрения и идеологией денежной цивилизации. Закономерно, что об адекватности целей, тем более духовном содержании самих целей, о соответствии целей и средств вопрос не ставится. Правление в интересах процветания народа, большинства оказывается (исходя из принятых мировоззренческих установок и утилитаристско-неопозитивистских ценностей), посторонним либо нецелесообразным.

Вопрос сущности человека, общества, истории, объективных законов и уровнях их бытия, объективных потребностях развития (вполне в соответствии с философскими основаниями неопозитивизма, структурализма и радикального конструктивизма) даже не ставится. Фактически мы имеем дело с приемом умолчания – Н. Луман по умолчанию исходит из того, как если бы альтернативные варианты отсутствовали. Все это противоречит его же постановке фундаментальной проблемы – ни больше ни меньше, как создать единую социологическую теорию с целью понять, что такое общество.

Исследования Н. Лумана и С.П. Расторгуева служат иллюстрацией специфики системного подхода применительно к социальным явлениям и информационным войнам. Системный подход к обществу удобен как способ формализации и средство моделирования, однако, особенно в конструктивистско-структуралистском варианте, он ограничен в выявлении причинно-следственных зависимостей в принципе, в особенности духовного и исторического уровня.

Функциональные зависимости изучаются Н. Луманом и С.П. Расторгуевым вне их взаимообусловленности на разных уровнях в разных системах как сторонах общества как единого целого, что аналогично попытке на основании изучения отдельной клетки делать вывод об организме человека, на основании психики младенца делать выводы о духовном состоянии человека как личности. Все это можно назвать системой, но метод аналогии в данном случае будет ограничен или вообще неадекватен задаче «понять, что такое общество», победить в информационной войне, не говоря уже об уровне духовного бытия общества, который в субстанциалистских и актуалистских вариантах мировоззренческих систем по умолчанию считается отсутствующим.

Перспективной альтернативой является креационистский и мирохозяйственный аспекты [5, 6, 9, 30], опирающиеся на онтологию и гносеологию идеал-реализма. Общество есть субъект истории. Это целое в единстве

⁷ В субстанциалистской и идеал-реалистской метафизических системах это одна из функций памяти, одно из её проявлений, очевидно не исчерпывающих содержание и сущность памяти. Память – это не только фильм.

своих частей, в единстве прошлого, настоящего и будущего (тем более с учетом Промысла Творца) нельзя понять вне закономерностей духовного и исторического порядка. Как показывает историческая практика, фунда-

ментом общества, определяющим его устройство и историю, являются вера и духовное (религиозное) состояние его членов во взаимосвязи с закономерностями финансового и мирохозяйственного уровней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Системно-коммуникативная теория и ее приложения: наука и протест. – М., 2019. – 287 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://rshps.ru/books/Systemic-communicative-theory-\(2019\).pdf](http://rshps.ru/books/Systemic-communicative-theory-(2019).pdf) (дата обращения 20.09. 24).
2. Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. – М., 2007. – 135 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2007/Antonovskiy_1.pdf (дата обращения 20.09. 24).
3. Аршинов В.И. Синергетика и методология постнеклассической науки [Электронный ресурс] – Режим доступа https://iphras.ru/elib/Ph_sc8_2.html (дата обращения 10.10. 24).
4. Велимирович Николай (Сербский), свт. Слово о Законе. – М., 2005. – 128 с.
5. Глазьев С.Ю. «За горизонтом конца истории». – М., 2021. – 639 с.
6. Глазьев С.Ю. Рывок в будущее: Россия в новых технологических и мирохозяйственных укладах. – М., 2018. – 768 с.
7. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. – М., 1994. – 120 с.
8. Каган М.С. Мир общения. – М., 1988. – 319 с.
9. Касанов В.Ю. Капитализм. – М., 2013. – 1072.
10. Касанов В.Ю. О моделях общества и схемах истории. К критике марксизма //История как Промысл Божий. – М., 214. – С.377-388.
11. Князев В.Н., Князева Е.Н. Роль принципа закономерности в физическом познании//Диалектический материализм и философские вопросы естествознания. – М., 1983. – С. 32-46.
12. Костелов В.С. О некоторых особенностях соотношения субъект- объект в процессе познания микромира// Методологические проблемы современной науки М., 1970. – С.311-327.
13. Лосев А.Ф. Хаос и структура. – М., 1997. – 831 с.
14. Лосский Н.О. Типы мировоззрений. – Париж, 1931. – 184 с.
15. Луман Н. Социальные системы. – СПб., - 2007. – 642 с.
16. Мельвил Ю.К. Пути буржуазной философии. М., 1983. – 247 с.
17. Нечволодов А.Д. Сказания о русской земле. – М., 2024. – 575 с.
18. Никодим (Святогорец) Невидимая брань. М., 2002. – 351 с.
19. Позов А.С. Основы древнецерковной антропологии. – Т.1, 2. – Санкт-Петербург, 2008. – 570 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Avraam_Pozov/osnovy-drevnetserkovnoj-antropologii-tom-1-syn-chelovecheskij/ (дата обращения 14.01.2025).
20. Посконина О.В. Политико-правовая теория Никласа Лумана. – СПб, - 1997. - 436с. [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://www.dslib.net/teoria-prava/politiko-pravovaja-teorija-niklasa-lumana.html> (дата обращения 10.11. 24).
21. Путилина Л.А. Постмодернизм в контексте информационной культуры. – Ростов-на-Дону, 2003. – 123 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://www.disscat.com/content/postmodernizm-v-kontekste-informatsionnoi-kultury> (дата обращения 1.11. 24).
22. Расторгуев С. П. Философия информационной войны. — М., 2003. — 496 с.
23. Свидерский В.И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965. – 288 с.
24. Семенов В.С. Капитализм и классы. – М., 1969. – 400 с.
25. Сидоренко И.Н. Концепция общества как коммуникативной системы Н. Лумана [Электронный ресурс] – Режим доступа https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/17398/1/p_49-50.pdf (дата обращения 10.12. 24).
26. Смирнов И.В. Психозология. – М., 2003. – 336 с.
27. Современные проблемы материалистической диалектики /Под ред. В.И. Свидерского. – М., 1971.- 364 с.
28. Социальная психология /Под ред. Г.П. Предвечного и Ю.А. Шерковина. – М., 1975. – 319 с.
29. Теория государства и права. Под ред. Н.Г. Александрова. М., 1968. – 640 с.
30. Тростников В.Н. Историческое предназначение России в свете Евангелия. Беседы // История как Промысл Божий. – М., 214. – 502-528.
31. Тростников В.Н. Человек и информация. – М., 1970. – 188 с.
32. Урсул А.Д. Отражение и информация. М., 1973. – 231 с.
33. Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., - 2002. – 384 с.
34. Хомяков А.С. Записки о всемирной истории /Полное собрание сочинений А.С. Хомякова. - Т.5. – М., 1904. – 535 с.
35. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. - СПб., - 2006. - 112 с.

© Александрова Ольга Степановна (07_aos@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

THE PROBLEM OF CONSCIENCE FORMATION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

**D. Stozhko
N. Stozhko**

Summary: In contemporary conditions, which are characterised as a 'new reality', the issue of forming the conscience of new generations of people is of particular importance. The erosion of traditional values has given rise to a newfound urgency in the education of human beings and citizens. As the scientific literature continues to debate the formation of conscience, its essence, and the dialectics of its development, without offering unambiguous assessments, the authors have attempted to provide a historical, retrospective, and philosophical analysis of the emergence of the concept of 'conscience'. In this analysis, they explore its relationship with concepts such as 'competence' and 'morality'. Spiritual love, patience and labour are identified and characterised as fundamental factors in the formation of conscience. The dialectics of conscience are presented in three distinct aspects. Firstly, conscience is presented as a unity of opposite ideas, namely sacral and secular. Secondly, it is presented as a problem of transferring the phenomenon of conscience from the state of due to the state of being (from idea to deed). Thirdly, it is presented as a question of defining justice, namely its internal basis and its correlation with law (norms of law).

Keywords: due, spiritual love, competence, personality, morality, conscience, justice, essence, labour, man.

Стожко Дмитрий Константинович

кандидат философских наук, Уральский государственный
экономический университет (г. Екатеринбург)
d.k.stozhko@mail.ru

Стожко Наталия Юрьевна

доктор химических наук, профессор, Уральский
государственный экономический университет
(г. Екатеринбург)
sny@usue.ru

Аннотация: В современных условиях, характеризующихся как «новая реальность», особое значение приобретает вопрос о формировании совести новых поколений людей. Разрушение традиционных ценностей ставит этот вопрос в качестве первоочередного для воспитания человека и гражданина. Поскольку сами вопросы о том, как формируется совесть, каковы ее сущность и диалектика развития до сих пор обсуждаются в научной литературе и не имеют однозначных оценок, авторами предпринята попытка дать историко-ретроспективный и философский анализ появлению самого понятия «совесть», его связи с такими понятиями, как «компетентность» и «нравственность». В качестве основополагающих факторов формирования совести выделены и охарактеризованы духовная любовь, терпение и труд. Диалектика совести представлена, во-первых, как единство противоположных представлений о ней (сакрального и секулярного); во-вторых, как проблема перевода феномена совести из состояния должного в состояние сущего (из идеи в поступок); в-третьих, как вопрос определения справедливости – ее внутреннего основания, и ее соотношения с правом (нормами закона).

Ключевые слова: должное, духовная любовь, компетентность, личность, нравственность, совесть, справедливость, сущее, труд, человек.

Введение

Актуальность: в условиях современного глобального геополитического и социально-экономического кризисов происходит фундаментальная трансформация всей системы общественных отношений и ее ценностных оснований. Это затрагивает и такое свойство человеческой личности как совесть. Ее статус, место и роль в системе личностных и общественных ценностей меняется, в связи с чем сам процесс формирования совести у новых поколений X, Y и Z, оказался в последние десятилетия существенно иным. Поэтому осмысление генезиса данного понятия и обозначаемого им свойства человеческой личности, а также определение ключевых факторов формирования совести становится важным условием для развития образования и воспитания в этом вопросе. **Объект исследования:** проблема нравственного развития личности в условиях «новой реальности». **Предмет исследования:** феномен

совести как духовное и социальное свойство человека.

Гипотеза исследования: определение диалектики феномена совести и ее проблемного поля для современной образовательной и воспитательной практики. Атрибуция феномена совести как сложного духовного и социального явления, сочетающего в себе необходимость решения таких жизненно важных вопросов, как соотношение справедливости и нормы (закона), сущего и должного, внутренних убеждений личности и общественных требований. **Цель исследования:** анализ и оценка сущности, содержания и процесса формирования совести.

Теоретико-методологические основы исследования.

Для решения поставленных задач в работе использованы диалектический, герменевтический, структурный, системный методы исследования. Теоретической основой исследования являются сочинения древних (Аристотель, Тертуллиан и др.), и русских (дореволюционных) мыслителей (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин и др.), советских (С.И. Ожегов, В.А. Сухомлинский, А.А. Ухтомский и др.) и

современных российских исследователей (К.К. Арсентьев, Е.К. Веселова, С.А. Герасимов, В.Х. Минеров, М.В. Руквишников, Д.Е. Фурман, Г.И. Чернавин, В.Н. Ярхо и др.), а также зарубежные публикации (А. Милтс, В. Франкл, А. Шопенгауэр и др.).

Результаты

Совость – одна из особенных и очень важных добродетелей человека. Всякий, кто оказывается по каким-либо причинам, лишенным совости, становится аморальным человеком, или, выражаясь словами Л. Н. Толстого, «духовным калекой». Это происходит потому, что именно совость, подобно мощному магниту, не дает рассыпаться всем иным добродетелям человеческой личности – честности, доброте, ответственности, искренности и т.д., и тем самым сохраняет человека как человека, не позволяет ему превратиться в зверя, определяет целостность самой человеческой личности. Соответственно личность, лишенная совости, это уже не личность, а нечто совершенно иное...

Обычно совость в качестве добродетели рассматривают сквозь призму этики, но необходимо признать, что никакими «этическими лекциями и проповедями нельзя создать добродетельного человека» [27, с. 592]. Средствами, благодаря которым формируется совость, являются, прежде всего, духовная любовь, терпение и труд. Но сами эти средства внутренне отнюдь не одинаковые и не равнозначные. Например, когда речь идет о совости, то условием ее формирования является именно духовная (жертвенная) любовь человека к человеку, которая создает саму интенцию для бескорыстия и искренности в отношениях между людьми. Иные формы любви, такие как семейная любовь (сторге), дружеская любовь (филия), романтическая любовь (эрос) вовсе не способствуют формированию совости, а, порой, могут и препятствовать ее формированию. Так, в эротической (романтической) любви люди часто ссорятся именно потому, что кто-то из них или даже оба сразу оказываются эгоистами, самолюбцами, гордецами. В семейной или дружеской любви – то же самое. Поэтому так часто распадаются семьи, рушится дружба, появляется безразличие, а порой и вражда. И только духовная (жертвенная) любовь оказывается любовью долговечной: она есть до тех пор, пока есть тот, кто в ней нуждается, принимает ее всем своим сердцем, отдает другому через свою душу. Из любви проистекает терпение.

В качестве одного из ключевых факторов формирования совости, терпение также в науке рассматривалось по-разному: терпением называлось упорство, упрямство, способность сносить невзгоды, постоянство и т.д. Начиная с известного трактата «О терпении» Тертуллиана (203 г. н.э.), терпение выводилось из послушания и считалось одним из плодов смирения [20]. Тем самым, тер-

пение представлялось важной характеристикой самодисциплины, благодаря которой человек развивает свои добродетели, в т.ч. и совость, обретает в себе силу [1].

Наконец, важным фактором формирования совости является труд, который вообще рассматривается в науке как родовая сущность человека (К. Маркс, Ф. Энгельс). Но, естественно, труд является фактором формирования совости именно потому, что он придает нравственное основание человеческому благосостоянию, либо его отсутствию. Если благосостояние создавалось человеком не «трудом праведным» или не получалось им в качестве дара либо наследства, а формировалось с помощью других способов, такой человек считался бессовестным (лишенным совости), а его благосостояние нечестным и незаконным. Но со временем в обществе появились механизмы легализации незаконного благосостояния, были узаконены многие из тех способов, которые прежде считались бессовестными.

Само понятие «совость» в разное время трактовалось по-разному: изначально это было греческое понятие (от слова *συνείδησις* – с знанием), подразумевавшее поведение человека в соответствии с полученными им знаниями. Сегодня такое соответствие называется компетенцией и служит основанием (компетентностный подход) в системе образования. Но очевидно, что одного компетентностного подхода в образовании недостаточно для формирования совости как основы человеческой нравственности. Не случайно, поэтому еще Т. Рузвельт утверждал, что «воспитать человека интеллектуально, не воспитав его нравственно – значит вырастить угрозу для общества» [13, с. 826].

Считается, что впервые термин «совость» появился у Демокрита и употреблялся в качестве осознания совершенного деяния [17, с. 121]. У евреев слово «совость» означало «компас», «направленность»; позднее в Библии появилось понятие «сожженная совость» или «мертвая совость», превратившаяся в свою противоположность – лицемерие; в X – XVIII вв. слово «совость» употреблялось для обозначения соответствия представлений человека с его знаниями о чем-то: позднее оно употреблялось в значениях «разумение», «понимание», «знание», «согласие», «указание», «чистота» и т.д. В таком виде оно появляется в словаре П. Беринды «Лексикон словеноросский» (1627). Термин «совость» зафиксирован и в словаре П. Орлова (Ф. Поликарпова) «Лексикон Трехязычный» (1704).

В более поздних источниках, например, в словаре С.И. Ожегова слово «совость» трактуется как «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед людьми, обществом» [16]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля совость определена как «нравственное сознание, нравственное чутье или чув-

ство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития» [8]. В словаре Д.Н. Ушакова понятие совесть трактуется как «Внутренняя оценка, внутреннее сознание моральности своих поступков, чувство нравственной и за свое поведение» [23].

Помимо лексического анализа понятия «совесть» особое значение имеет его философский смысл. Необходимо отметить, что в этом вопросе до сих пор нет единства мнений, а литература, посвященная данному вопросу достаточно многообразная и разно-векторная. Совесть трактуется как этическое понятие [2; 11], как проявление духа [4; 12], как социальная норма [15; 26, 27], в качестве психологического феномена [5; 24], как проявление интуиции [22; 25], как антропологическая категория [17] и т.д. Но, в общем и целом, «совесть является сложным интегративным феноменом человеческой души и духа. На уровне души она выступает частично как волевой акт и в то же время как элемент познания и чувствования» [7, с. 83]. Она пестуется любовью, которая превращает совесть из душевного акта в долг как социальную норму. В этой связи можно вспомнить известные слова Корделии «я вас люблю, как долг сулит, – не больше и не меньше» из известной трагедии В. Шекспира «Король Лир». Вместе с тем, трудно согласиться с утверждением о том, что «совесть нельзя отождествлять с моральным законом» и что «совесть относится к таинственной сущности человеческой души, постигаемой больше не человеческим разумом, а религиозным опытом» [7, с.90]. Действительно, теологическая традиция выводит совесть из религиозного опыта сохраняется до сих пор [3; 10] и даже находит свое определенное проявление в нормативно-законодательной области [14]. Но необходимо помнить о том, что человек – существо далеко не всегда религиозное, но при этом – социальное; и это значит, что совесть – социальное, а не только духовное свойство человека. В противном случае необходимо было бы признать, что у атеистов нет совести. Вопрос, однако, можно и переформулировать: а есть ли совесть у фанатика или террориста? Конечно, можно нарушать моральный закон и испытывать при этом угрызения совести. Но это не означает, что совесть и моральный закон – антагонисты. Просто вся тайна совести состоит в том, как перевести моральный закон из декларации в актуальность, из должного – в сущее. Тем самым совесть имеет своим основанием внутренний диалог, разговор человека с самим собой, в процессе которого происходит его самоопределение, самоидентификация и самореализация. И здесь диалог «мыслится как явление духовного, – а не информационного, интеллектуального, деятельностного или этико-правового – порядка» [21, с. 35].

При этом мы исходим из понимания духа, данного И.А. Ильиным, который писал: «Дух – это, во всяком случае, лишь те душевные переживания, в которых человек живет своими главными силами и глубокими слоями, обращенными на познание истины, на созерцание или осуществление красоты, на совершение добра или на общение с высшей сущностью, – словом, на то, что человек признает высшим и безусловным благом. Дух – это то, что *объективно значительно* в душе человека» [9, с. 457]. Совесть обладает своей особой диалектикой, диалектикой сакрального и секулярного, а «тайна» совести раскрывается в диалектическом единстве и гармонии всех *объективно значительных* сил в душе человека. «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» (А.П. Чехов).

Из должного – в сущее, – вот центральный вопрос совести. Если внутренние нравственные убеждения человека, его нравственные принципы и ценности вступают в противоречие с действующими нормами права (закона), то совесть порой часто просто «молчит», потому что норма закона обязательна для каждого, а ее нарушение считается преступлением. И это происходит в силу того, что закон отнюдь не всегда справедлив [6]. И здесь мы снова сталкиваемся со сложной диалектикой совести, поскольку само представление о справедливости как ее критерия до сих пор остается в науке и в правоприменительной практике неоднозначным, а попытки толкования справедливости как «соответствия деяния и воздаяния» – ограниченными [19, с. 45]. Еще Аристотель писал о том, что справедливость бывает двух видов: во-первых, справедливость есть соответствие закону, его норме; во-вторых, «справедливое есть соответствие между людьми, их равенство» [2, с. 310].

И.А. Ильин справедливо писал о том, что именно «совесть научает человека забывать о себе и делает его поступки самоотверженными ... Совесть утверждает, созидает и укрепляет духовно-личное начало ...» [9, с. 652]. В своем предельном, завершенном облике совесть представляет собой следование человека своему долгу – внутреннему духовно-нравственному императиву, который, в свою очередь, представляет собой определенное ценностное ядро – аксиологическое поле жизни человека, систему абсолютных ценностей бытия, выраженную и отраженную в определенных социальных принципах (институциях). Ключевым из этих принципов является «золотое правило» этики: не делать другим того, чего не желаешь для себя и поступать в отношении других так, как желаешь, чтобы они поступали с тобой. Этот принцип включает в себя и более конкретные принципы, определяющие совесть и сформулированные в разное время разными мыслителями: принцип не навреди (Гиппократ); принцип эквивалентного обмена результатами своей деятельности (Аристотель); принципы социальной ответственности, социальной справедливости и со-

циальной безопасности; принцип полноты бытия (Н.О. Лосский); идеи «жизни не по лжи» (Л.Н. Толстой); «делания добра» (И.А. Ильин); человеческой взаимопомощи (П.А. Кропоткин); соборности (А. Хомяков); софийности (В.С. Соловьев); сизигии (К. Юнг); принцип продолжения жизни (Г. Йонас) и т.д. Эти конкретные принципы составляют тот духовно-нравственный ансамбль, в котором формируется и развивается совесть, являющаяся главным отличием человека от всех других живых существ на планете. И эта человечность сегодня, под воздействием процессов дегуманизации и расчеловечивания [18], крайне остро нуждается в сохранении и защите.

Выводы

1. Формирование совести является важной задачей современной системы образования и воспитания. «Новая реальность» свидетельствует об определенном дефиците совести в современном обществе, о росте цинизма, лицемерия, социального отчуждения и других проявлениях кризиса, что негативно сказывается на обществе, в целом, и на каждом отдельно взятом человеке, в частности.

2. Формирование совести предполагает последовательное воспитание в человеке наряду с компетенциями и таких свойств, как взаимное уважение, терпение и трудолюбие, в связи с чем представляется необходимым

усилить трудовое воспитание в системе отечественного образования и скорректировать весь характер отношений между всеми участниками системы образования в сторону более предметного и органичного их взаимодействия.

3. Необходимо постоянно учитывать, что именно совесть играет определяющую роль в формировании гражданской позиции человека, в т.ч. патриотизма (любви к Родине) и выстраивании им межличностных отношений, в т.ч. в своей семье и трудовом (учебном) коллективе. Поэтому необходимо в процессе формирования совести существенно повышать уровень доброжелательности, искренности и открытости в системе межличностных и общественных отношений, что будет способствовать сохранению и укреплению единства самого общества, начиная от трудового (учебного) коллектива, семьи, и заканчивая формированием общественного сознания и национального самосознания.

4. Недостаточно в рамках изучения этики повышать уровень знаний о совести и составляющих ее принципов, обуславливающих ее факторов и способов ее актуализации. Необходима постоянная духовная практика, с помощью которой можно и нужно формировать силу воли – «воли к совершенству» (И.А. Ильин), и тем самым осуществлять совесть, переводить ее из сферы должного в сферу сущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wenjun, Z. The effects of personal-organizational fit on employee's positive work attitudes: An entrepreneurial orientation perspective / Z. Wenjun, S. V. Panikarova, L. Zhiyuan // The Manager. – 2024. – Vol. 15, No. 1. – P. 15–34. – DOI 10.29141/2218-5003-2024-15-1-2. – EDN JXONRO
2. Аристотель. Большая этика / Аристотель. Этика. М.: АСТ, 2010. – С. 281–360.
3. Арсеньев, К.К. Свобода совести и веротерпимость / К.К. Арсеньев. – Сб. ст. М.: Archive publica, 2025. – 298 с.
4. Бердяев, Н.А. Существует ли в православии свобода мысли и совести? / Н.А. Бердяев // Путь. – 1939. – № 59. – С. 46–54. – [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Berdyaev/sushestvuet-li-v-pravoslavii-svoboda-mysli-i-sovesti/#source (дата обращения 10.05.2025).
5. Веселова, Е.К. Совесть как психологический феномен / Е.К. Веселова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Социология. – 2009. – № 4. – С. 127–135.
6. Воронин, Б.А. О соотношении законности и социальной справедливости в правоприменительной практике (К 180-летию со дня рождения А.Ф. Кони) / Б.А. Воронин, К.П. Стожко, Д.К. Стожко // Правоприменение. – 2024. – Т. 8. – № 3. – С. 25–33.
7. Герасимов, С.А. Совесть как феномен духа / С.А. Герасимов // Консультативная психология и психотерапия. – 2007. – Т. 15. – № 3. – С. 88–103.
8. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль [Электронный ресурс]. – URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=38331> (дата обращения 10.05.2025).
9. Ильин, И.А. Путь к очевидности / И.А. Ильин. – М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1998. – 912 с.
10. Коняев, В.Ф. Запах жареной совести / В.Ф. Коняев. – Кемерово: Скиф, 2019. – 548 с.
11. Милтс, А.А. Совесть / А.А. Милтс // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения / ред. А.А. Гусейнов. М.: Республика, 1990. – С. 274–283.
12. Минеров, В.Х. Состояние нравственности и совести в России начала XXI в.: мнения и исследовательские гипотезы / В.Х. Минеров // Диалог светской и церковной образовательных традиций. Духовно-нравственная культура как фактор безопасности Российского государства. Материалы Покровских чтений. – 2007. – С. 6–11.
13. Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 848 с.
14. О свободе совести и о религиозных объединениях. ФЗ № 125 от 26.09.1997. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения 10.05.2025).
15. Одинцов, М.И. Свобода совести в истории России: идеи, законодательные проекты, практическое воплощение. Конец XIX – первая четверть XX в. / М.И. Одинцов, А.С. Кочетова – М.: Политическая энциклопедия, 2023. – 559 с.

16. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=29594> (дата обращения 10.05.2025).
17. Рукавишникова, М.В. Совесть как многогранный феномен. Этимологический и лексический анализ / М.В. Рукавишникова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2009. – № 2 (14). – С. 121–126.
18. Смит, Д. Дегуманизация – сущность зла с самого начала цивилизации / Д. Смит– [Электронный ресурс]. – URL: <https://cameralabs.org/9628-degumanizatsiya-sushchnost-zla-s-samogo-nachalatsivilizatsii> (дата обращения 10.05.2025).
19. Стожко, Д.К. Социальная справедливость в контексте хозяйственного развития общества / Д.К. Стожко // Вестник Вятского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 40–48.
20. Тертуллиан, К.С.Ф. О терпении / К.С.Ф. Тертуллиан. – [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tertullian/o_terpenii/ (дата обращения 10.05.2025).
21. Топольская, Т.А. О понятии «диалог» в психологических исследованиях общения и консультативной практике / Т.А. Топольская // Консультативная психология и психотерапия. – 2012. – № 1. – С. 34–63.
22. Ухтомский, А.А. Интуиция совести / А.А. Ухтомский. – СПб.: Петербургский писатель, 1996. – 528 с.
23. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка. / Д.Н. Ушаков. – М.: Советская энциклопедия, 1935. – 828 с.
24. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
25. Фурман, Д.Е. На пути к свободе совести. / Д.Е. Фурман. – М.: Прогресс, 1989. – 496 с.
26. Чернавин, Г.И. Подobie совести. Вина, долг и этические заблуждения / Г.И. Чернавин. – М.: АСТ, 2023. – 320 с.
27. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр. – Минск: Харвест, 2011. – 848 с.

© Стожко Дмитрий Константинович (d.k.stozhko@mail.ru), Стожко Наталия Юрьевна (sny@usue.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Agavelyan O. – Doctor of Psychology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Novosibirsk State Pedagogical University"

Alekhin A. – Dr. Med. Sci. Prof., Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

Alexandrova O. – Candidate of Philosophy, assistant professor, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

Aliyeva N. – Graduate student, Russian State Pedagogical University A. Herzen, (St.Petersburg, Russia)

Bulakh K. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute

Burikova I. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, North-West Institute of Management RANEPa (St. Petersburg)

Chesnokof M. – graduate student, Autonomous Organization of Higher Education "University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovskiy" Moscow

Demchenko N. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute (Nevinnomyssk)

Enchinov E. – candidate of historical sciences, senior researcher, BNU RA "S.S. Surazakova Research Institute of Altaic", (city Gorno-Altai)

Frolova N. – Postgraduate student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Novosibirsk State Pedagogical University"; Educational psychologist of the highest qualification category, Municipal budgetary general educational institution of the city of Novosibirsk "Secondary comprehensive school No. 43" of Novosibirsk

Isagulova E. – PhD Psychol. Sci., head of the Mental Health Clinical Center

Kirillova N. – Doctor of Cultural Studies, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Our authors

Kisatova S. – Lecturer, Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan

Kudina Ya. – Senior Lecturer, Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute

Ledentsova S. – Candidate of Psychological Sciences, Surgut State University;

Mirzazade R. – clinical psychologist, Center for Social Adaptation of People with Developmental Disabilities and Their Families "AVAkada" (Surugt)

Mychko E. – Doctor of pedagogical sciences, professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

Petkov V. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Kuban State University (Krasnodar)

Petrukhina A. – Chairman of the Union of Industrialists and Entrepreneurs "Ivolga"

Popova Ju. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Kuban State University (Krasnodar)

Rylina E. – ART & Design Institut Prague, Prague, Czech Republic

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Stozhko D. – PhD in Philosophy, Ural State University of Economics (Ekaterinburg)

Stozhko N. – Doctor of Chemical Sciences, Professor, Ural State University of Economics (Ekaterinburg)

Taran A. – Senior lecturer, St. Petersburg University of the Humanities of Trade Unions

Teltevskii I. – Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

Tkachenko S. – teacher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Kaliningrad)

Trofimova O. – Operations Director of LLC TD KULTURA DOMA

Vertiyagina E. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).